

Ульяна Соболева

Содержанка для президента

## ПРОЛОГ

— Купите меня, пожалуйста. — нервно дергая пуговицу на платье, понимаю, что могу ее оторвать, и Королевишна мне голову открутит. Это ее платье, и мне его дали на один вечер. — Я хочу уехать с вами.

Мужчина поднял голову от ноутбука и посмотрел на меня, чуть прищурив синие, очень холодные глаза. Какие же они отталкивающие, с темной, пугающей глубиной. Такие же безразличные и опасные, как океан. Лицо практически ничего не выражает. Только взгляд цепкий и хищный, такой, наверное, бывает у очень опасных и извращенно богатых людей. Взгляд, под которым хочется съезжиться, стать маленькой и незаметной. Наверное, его подчиненные содрогаются, когда он на них смотрит. Мне почему-то казалось, что у него очень много подчиненных. Возможно, он военный. Генерал. Даже сидя в кресле, мужчина очень ровно держал спину. Я посмотрела на руку с бокалом и заметила толстое обручальное кольцо на безымянном пальце. Стало невыносимо стыдно, и к щекам прилила вся кровь, но я уже не могла отступить. Какая разница. Чумаков тоже женат.

— Отчим продаст меня Чумакову за документы на водоем. Продаст старому, женатому мужику в содержанки сегодня ночью.

— И?

Равнодушно и слегка раздраженно, как будто его совершенно не трогает то, что я говорю, а я не верю, что действительно это сказала. Предложила себя купить. Совершенно неизвестному мужчине, которого вижу впервые и даже имени не знаю. Если сейчас позовет своего охранника или нажмет на кнопку вызова, отчим меня убьет за то, что к гостю посмела пойти прислуживать за столом вместо Нины.

— Купите меня у отчима. Я хочу принадлежать вам, а не Чумакову. Вы можете. Я знаю.

— Почему я, а не тот? Чем я отличаюсь?

Что-то написал в ноутбуке и заинтересованно взглянул на экран, потягивая виски, потом снова на меня. Безэмоционально осмотрел с ног до головы, и у меня запекло даже кончики ушей. Мне казалось, что я стою перед ним вся пунцово-красная и такая жалкая. От уверенности в собственной красоте не осталось и следа.

— У вас больше денег и вы моложе. А еще вы можете увезти меня отсюда.

— И? Что ты будешь делать дальше? У тебя есть к кому пойти в столице? Есть деньги?

— Нет. У меня никого нет, денег тоже нет. Я хочу жить за ваш счет.

Сказала с вызовом и слегка вздернула подбородок. Умирать так с музыкой. Мои слова вызвали легкую ухмылку, как будто я сказала что-то до невозможности нелепое и смешное.

— Почему ты вообще решила, что я нуждаюсь в твоих услугах?

Мне нечего было на это ответить, и я неловко молчала. Действительно, почему я так решила? Но надо что-то отвечать. Пока этот человек проявляет хоть какое-то участие в этом разговоре.

— Мужчина не должен быть в такую ненастную ночь один. Его постель должна согревать женщина.

Кажется, я это где-то прочла, но сейчас совершенно не вспомню где.

— Зачем ты мне? Я могу купить кого-то намного лучше тебя.

Прозвучало, как пощечина. Хорошая такая затрещина. Честно и бесцеремонно.

— Я красивая, со мной не скучно, я умею быть покорной и угождать.

— Не льсти себе. Таких по стране миллионы. Чем ты отличаешься от них?

Откинулся на спинку кресла и покрутил в пальцах массивный бокал с янтарной жидкостью. У него очень красивые пальцы, но в то же время большие, сильные, и кисть со светлой порослью волос и широкой костью, окольцованная пряжкой часов, смотрится мощно, виднеясь из-под темно-серого рукава пиджака.

Он сидел рядом с камином, и блики от огня бесновались на его коже. Оранжевые искры переливались в синих радужках и отливали бронзой, путались в его аккуратно уложенных светлых волосах с серебристыми ниточками седины на висках. Нет, он не просто богат. Он дьявольски богат... и не только. У него есть власть. Намного больше власти, чем у отчима и Чумакова. И эта власть чувствуется даже во взмахе его ресниц и в жесткой линии четко очерченных губ. Он не красив, но невероятно мужественен, похож на скульптуру, высеченную из гранита. На вид ему около сорока. Пару морщинок в уголках глаз, аккуратно постриженная седоватая борода, кипенно-белый воротник рубашки впивается в массивную шею. Божеее, что я творю? Я понятия не имею, кто это и как его зовут.

Судорожно глотнула слюну, чтоб в горле так не першило от сухости, и решительно произнесла:

— Я — девственница, и ко мне раньше никто не прикасался. Нигде. Я даже не целовалась. Этим я отличаюсь от других. Вы будете первым. Во всем.

— Выстави свою девственность на продажу в интернете, может быть, ее купят. Сейчас это модно.

Отпил виски и снова царапнул меня жестким, холодным мрачно-нечитаемым взглядом. Как же это все унизительно... мерзко, противно. Но это мой единственный шанс. Если он увезет меня с собой, то это уже победа.

— Так быстро не купят, а мне надо сейчас. Я буду делать все, что вы захотите. Абсолютно все. Стану вашей вещью, куклой, рабыней. Исполню любое ваше желание, только купите меня у него и увезите отсюда, пожалуйста! Неужели я вам совершенно не нравлюсь?

Я тут же пожалела о своем вопросе, потому что, если сейчас он ответит «нет», у меня больше не останется аргументов и придется уйти. Но мужчина склонил голову набок и вдруг отчетливо приказал:

— Разденься наголо.

От неожиданности я вздрогнула. Даже ушам своим не поверила, что он это сказал.

— Сними с себя всю одежду, распусти волосы и встань на колени. Вот здесь у моих ног.

— Зачем?

Это был ужасно глупый вопрос... но я потеряла способность думать.

— Я буду тебя трахать. Разве ты не за этим пришла в мой номер?

Сердце очень гулко забилося, так гулко, что мне кажется, я услышала каждый удар.

— И как я могу быть уверена, что вы выполните свою часть сделки, после того как...?

— После того как я тебя трахну? Никак. Ты собралась стать моей вещью, а перед вещами не отчитываются. Раздевайся или уходи.

## Глава 1

— Дрянь! Здесь пыль, ты не видишь? Пыль! Вот здесь и здесь!

Отчим провел толстым пальцем по краю двери, показывая мне легкий серый налет и, схватив меня за затылок, изо всех сил толкнул вперед, так, что я ударилась о дверной проем плечом и молча представила, как синяк

расползается по нежной коже. Не в первый и не в последний раз. Лучше молчать, пока этот изверг не разошелся совсем, пока не вошел в раж и не схватил ремень. Отчим скор на расправу, долго думать не будет.

— Сучка неблагодарная! — замахнулся и ударил по щеке. Ему всегда нравилось бить по лицу. Как бы я не закрывалась, он обязательно попадал по лицу. — Я тебя кормлю, пою, я тебя, тварь такую, терплю.. а тыыы! Чтоб языком все вылизала! Чтоб все здесь сверкало, как кошачьи яйца! Не то шкуру спущу! Жаль, не слушал никого, не отдал тебя в детдом, когда Дарья умерла, а надо было. Че волком смотришь? Пошла убирать! Быстро! Думаешь, если морда смазливая, я тебе ее не расквашу? Могу в уродину превратить, если захочу!

Не расквасит. Товар потеряет свой вид. От боли и обиды выступили слезы на глазах, но я не смею перечить. Скажу еще слово, избыет и запрет в дальней комнате на неделю или выгонит на улицу во дворе ночевать, как в прошлом году зимой. А сейчас осень — дождь и сырость. Даже псы спрятались в своих будках и не выходят. И никуда мне не уйти. Город маленький, таежный. Все друг друга знают. Поймают и лично к отчиму приведут. Он здесь не последний человек. Турбаза своя, гостиница для рыбаков и охотников. Часто всякие крутые приезжают в заповеднике поохотиться. И рядом один из самых крупных промышленных городов на Севере. Туда недавно сам президент пожаловал. Кортёж мимо нашей гостиницы проезжал, все к окнам прилипли и сотовыми щелкали. У меня сотового никогда не было. Отчим считал, что мне он ни к чему. Говорить мне не с кем, а мне никто звонить и не должен. В школе когда училась, все говорили, какой он светлый человек, как сиротку воспитывает и не выгнал после смерти жены чужого ребенка, обеспечивает, кормит. Знают его и уважают. И бежать некуда и не к кому. После очередных побоев в полицию пришла, а меня отвезли домой и лично в руки отчиму сдали. Сказали, чтоб совесть имела на святого человека клеветать. Конечно святого, он же всех их здесь кормит и охота бесплатно, и рыбалка, и столы им накрывает, а они за это молчат и на многое глаза закрывают.

Оставалось только терпеть и ждать неизвестно чего. Чуда, что ли, какого-то. Но чудес не бывает. Я это поняла, когда мама умерла у меня на руках, мне тогда еще и девяти не было. И когда отчим второй раз женился на молодой и капризной торговке мехом с местного рынка. После похорон и полгода не прошло. Вместе они составили отличный тандем, вместе у них прекрасно получалось надо мной издеваться. А когда дети свои появились, то я стала девочкой для битья, а еще ужасно раздражала мачеху, ее трясло от одного моего вида. Меня отселили в маленькую каморку в гостиницу, и я вместе с персоналом драила туалеты, кухню и лестницы. С меня спрашивали втройне. Я и посуду мыть должна, и по комнатам убираться, и стирать вещи хозяйских детей.

Постояльцы и не знали, что я родня хозяину. Чаевые иногда удавалось прятать, но чаще их отбирал Гордей или Лиля — дети отчима и этой меховой королевы. Выворачивали мне карманы и просто брали деньги себе.

— Здесь ничего твоего нет. Ты и так нам должна. Скажи спасибо, что отец тебя здесь держит и кормит.

Огрызаться и ссориться смысла не было. Все равно накажут, да так, что потом жить не захочется. Проще отдать деньги.

Отчим снова пнул меня в плечо и сунул тряпку мне в руки.

— Ни крошки, ни волосинки! И к вечеру чтоб оделась прилично. Чумаков придет. Тебя хочет видеть. Все. Детство кончилось — будешь отрабатывать, дармоедка чертовая. Долги нам с Раисой отдавать. Ох как я ждал этого дня. Даром, что ли, вырастил красавицу? Теперь можно и дивиденды получать!

— Я... я учиться хотела поступить. Я бы уехала и... не была бы в тягость.

— Уехала? Я тебе уеду! Вот к Чумаку жить пойдешь, и он пусть решает, куда тебе ездить.

— Жить? Не отдавайте, Константин Андреевич! Умоляю. Все, что хотите, делать буду.

— Вот! Вот он и ответ! За все годы отцом ни разу не назвала, а я с рождения воспитывал! Даже в три года, когда говорить начала, сказала «дядя»! Чумаков тебя купит, и он решать будет, что с тобой делать.

— Не пойду к Чумаку! Не пойду!

За лицо схватил и щеки сдавил.

— Пойдешь, мразь! Еще как пойдешь! Ляжки свои раздвинешь и за меня расплатишься! Чтоб доволен Антон остался! Или утоплю гадину! До смерти забью, а потом утоплю!

Внутри все сжалось, сдавилось от предчувствия, от понимания, что теперь мне не спрятаться и не избежать моей участи — быть отданной местному царьку Чумакову Антону, который давно глаз на меня положил, еще три года назад больно щипал за бедро и сальными глазами провожал, когда в городе встречал или к отчиму приезжал. Всегда просил, чтоб за столом я прислуживала. Но у отчима все «по совести».

— Как восемнадцать стукнет, бери и дери во все дыры, а пока что не тронь. Я детьми не торгую. Пусть расцветает. И деньги готовь, такая ягодка дорого стоит. Да? Хоть какой-то от тебя толк — красивая, как и мать твоя была. Шлюшка подзаборная. Не целкой мне в семнадцать досталась, брюхатая. Но я ее так хотел, что все простил и взял порченую.

И бил, беспощадно бил все мое детство, я помню, как Константин Андреевич измывался над моей мамой. И умерла она после очередных побоев. Но, конечно, причина смерти была указана совсем иная.

Схватил меня за подбородок и плотоядно улыбнулся. Нет, отчим не был педофилом, он был просто жестокой и жадной тварью, которая решила продать меня Чумакову за государственную территорию вокруг заповедника, он хотел ее заполучить себе под платный водоем и ради этого был готов на что угодно.

Маленькая и незаметная я часто слушала, о чем он говорит со своими гостями и постояльцами. Потому что я всегда была никем и ничем. При мне иногда говорили такое, что вся кровь к щекам прилиwała или тошнило беспощадно.

— Подпишешь мне бумаги, Антон, и зарегистрируешь здесь все. По осени карпов запущу в водоем, амуров и карасей. С весны начнем рыбаков впускать за абонплату. Здесь будет не просто заповедник, а золотое дно.

— Мэри мне отдашь, и подпишу, что захошь, Костя.

— Какая она Мэри, на хрен? Маруська. Это первая моя княжну со своей девки растила. В голову ей всякую херню вбивала. Мэри, бл\*. Сдалась она тебе. Подожди еще несколько лет и на Лильке моей женишься.

— Я женат, ты забыл?

И оба расхохотались, чокнулись полными кружками с пивом, и Чумаков мне подмигнул.

— Ох, Марьяна, озолочу, когда моей станешь. Забудешь про работу. В мехах и шелках ходить будешь.

И губы толстые облизал, а меня стошнило от одной мысли, что под борова этого лечь придется. И ведь придется. Отчим от слов своих не откажется. Он давно о водоеме этом мечтал.

Нина, моя подруга из obsługi, утешала меня, когда я рыдала от ужаса и понимания, что не спрятаться и не избежать этого унижения. Рыдала, пока время неумолимо близилось к вечеру, а на кухне готовили роскошный ужин для постояльцев и гостей. Пахло жареным мясом и копченой рыбой так, что желудок сводило. Обслуга сможет поесть поздно вечером после того, как гости разойдутся по номерам.

— Ничего, Мариш. Потерпишь немного. Больно только в первый раз, пока целку рвать будет, ты, главное, расслабься и думай о чем-то другом. В потолок смотри и охай-ахай, чтоб его завело. Он попыхтит и отвалит. Немолодой уже, надолго его не хватит, а ты вырвешься с каторги этой, в столицу возить тебя будет, оденет, обует. А то вон на тебе туфли с позапрошлого года и пуховик дочки этого урода донашиваешь, а Чумак тебе и шубу купит, и сережки красивые. Говорят, он добрый мужик, хороший.

— Был бы хорошим, жене бы не изменял! И он старый. Он старше отчима. Меня тошнит, когда смотрю на него.

— Ну... много ты понимаешь. Мужики, они все изменяют, поверь. Да и какая тебе разница? Пусть изменяет. А для тебя хорошим будет.

— Не могу я... не могу продаваться. Как проститутка какая-то. Мерзко мне. Мама бы не позволила ему так со мной.

— А что мама, Марин? Он бы ее избил и все равно по-своему сделал. А проститутка... ну знаешь, сейчас девяносто процентов молодых женщин так живут. Проститутки и содержанки, любовницы. Что делать? Жизнь нынче такая жестокая. Кушать хочется, гаджеты хочется, жить красиво хочется, вот и находят себе кого побогаче, и обслуживают, и деньги копят, чтоб потом, когда сиськи обвиснут, было на что жить. Начни с Чумакова, собери денег и уезжай в столицу, там, может, повезет, еще кого-то найдешь побогаче. Ты красивая, Марин. Очень красивая. Волосы роскошные, черные, глаза

зеленющие, как у ведьмы, тело, как у модели с журнала. Красота — это все, что у тебя есть. Вот и пользуйся. Продавай подороже. Жаль, конечно, что самое дорогое достанется хмырю этому. С девственностью могла бы себе такого мужика отыскать... но не у нас, конечно. Не в нашей дыре.

— Не могу с Чумаковым... не могуууу, он же жирный, старый. Фуууу... я в речке утоплюсь. Камень на шею надену и в водоеме этом проклятом утоплюсь. Не хочу так жить, не хочу, как все... Как подумаю, что он меня лапами своими трогать будет, целовать, лезть между ног...

— Дура! — тряхнула меня за плечи. — Ну ты и дура! Живи! Назло отчиму и сучке его, назло всем живи. Мы же бабы, мы умные, мы хитрые. Все равно выбора нет.

— Может, не приедет Чумаков. Смотри, как разбушевалось все на улице. Ураган, ливень. Говорят, даже самолеты не летают.

— Так он же не летать будет, а на «ситроене» своем примчит. Ооо, слышишь? Легок на помине. Кто-то приехал. На эти выходные почти не бронировал никто. Гостиница полупустая. Сезон окончен.

Она к окну подошла и шторы раздвинула:

— Хм... нет, это не Чумаков. Из чужих кто-то. Двумя машинами подкатали. Охотились, видать, или проездом здесь. Ни хрена себе. Реально шишки какие-то. Марин, смотри. Иди сюда. Я такие тачки только по телеку видела. Олигарх какой-то с охраной пожаловал.

Она видела, а у меня и телека нет. Отчим считает, что все гаджеты — это для ленивых. Если есть время на отдых — значит, мало работы. Я, конечно, иногда, когда их с Королевишной комнаты убирала, включала телевизор и даже фильмы смотрела. Особенно, если они уезжали отдыхать. У меня тогда тоже праздник был. А так новости то на кухне услышу, то в газете прочту. А на самом деле меня не интересовали новости. Я больше книги читала. Брала из огромной библиотеки отчима и ночью под одеялом с фонариком пожирала. У него всегда и классика, и новинки появлялись. Он книги коллекционировал, но не читал. Ему вечно один из постоянных гостей привозил — какой-то видный издатель столицы. Зато читала я.

— Иди посмотри. Сегодня вкусно поужинаем. Такие гости и осетра могут заказать, и виски дорогой, а потом от них столько объедков остается.

От ее слов заурчало в животе и засосало под ложечкой. Я слезы размазала по щекам и к окну подошла. Внизу припарковались два тонированных джипа, из одного вышел мужчина, подбежал к передней двери, услужливо распахнул, тут же раскрывая зонт над головой другого мужчины в черном пальто с приподнятым воротником. В полумраке видно только русые волосы и мощный силуэт. Он осмотрелся по сторонам и пошел к корпусу гостиницы. По бокам тут же выстроились еще двое без зонтов, руки сложили за спиной и провели мужчину внутрь здания.

— Сейчас начнется сумасшествие, со всех шкуру драть будут. Побегу на кухню, посмотрю, что там с ужином. А ты не грусти и к вечеру готовься. Чему быть, того не миновать.

## Глава 2

— Если с платьем что-то случится прибью, поняла?

Кивнула, глядя на себя в зеркало, чувствуя, как мелко пальцы подрагивают, и хочется повернуться, оттолкнуть Королевишну Раису и бежать. На улицу, в дождь, куда угодно от них. Но вместо этого я волосы укладываю сзади в узел и продолжаю смотреть сама себе в глаза.

— Сейчас пойдешь в зале прислуживать, а потом с Чумаковым в номер двадцать пять, там все для вас приготовлено. Утром он тебя увезет в свою квартиру. И спасибо скажи, что пристроили тебя, мерзавку. Такому человеку хорошему отдали. Доброму. А могли и выгнать, и кем бы стала? Скурвилась бы, сбл\*довалась. Таким, как ты, место на вокзале или у дороги. Волосы эти, пакля кудрявая, не вычесать, и глаза наглые. Вечно смотрит, хочет чего-то. Княжна, блин. Только фамилия от матери — Княжева, а так — деревенская курва Маруська. И не мни о себе! Гроша ломанного не стоишь.

Обидно стало так, что изнутри обожгло. Я никогда у них ничего не просила и ни на что не жаловалась.

— Так выгнали бы. — огрызнулась, не утерпела.

— А долги кто отдавать будет? За столько лет нажрала на миллионы! Расплатись и иди! Все. Надоела ты мне. Марш вниз, к гостям. С платьем аккуратно, ясно?

Чумаков устроил настоящую вечеринку, угощал постояльцев пивом, креветками, осетром и семгой. Стол ломился от деликатесов, а старый хмырь не сводил с меня сального взгляда. Когда я подносила ему новые блюда, хватал меня за бедра, за руки.

— Сегодня... ты даже не представляешь, какой подарок я приготовил. Мэри, моя Мэри. Княгиней сделаю. Весь городишко в ноги кланяться будет.

От одной мысли о его подарке меня начинало тошнить. Краем глаза заметила, как в зал спустилась компания мужчин. Точнее, тот самый гость на джипе и его охрана из четырех человек. Гость чуть склонил голову, когда проходил через проем в дверях. Здание гостиницы сделано под старинный терем из дерева и потолки низкие, как в царских палатах. Зубов, мой отчим, гордился этим теремом и хвастал, что это точная копия хором самого Ивана Грозного. Но гость был высоким, мощным, и потолок, казалось, давил ему на плечи, да и сам зал вдруг сделался мелким, а VIP зона и подавно. Я проследила за ним взглядом, сжимая в руках грязные бокалы, отметила, как сверкают блеском его туфли и как уверенно он идет. Как военный офицер. Отчеканивает шаги,



спина прямая, подбородок высоко поднят, и одна рука за спиной прижата сжатым кулаком к пояснице.

Двое его охранников шли по бокам, один сзади и еще один услужливо отодвинул стул в VIP зоне. Королевишна сама обслуживала стол гостя. Она вся светилась, даже, можно сказать, дрожала от радости. Как будто ей посчастливилось обслуживать самого Принца Датского, что подтвердило предположении Нины — этот человек очень и очень богат и влиятелен, иначе Раиса не просто бы не суетилась, она бы вообще не спустилась в зал. Гость на нее даже не смотрел, он листал меню. Издалека мне были видны его светлые волосы, резкие черты лица, аккуратная короткая борода и совершенно невыносимый взгляд, под которым съежилась даже Раиса, когда он один единственный раз на нее посмотрел. И в то же время он красив. По-мужски, грубо красив, мужественно.

— Что стала? Неси рыбу! Стала она! — одернула тетя Таня, главная помощница мачехи, и я выскочила из зала на кухню, а в голове пульсирует.

«Богатый и очень влиятельный... олигарх из столицы. Такие в наших краях только проездом... Жаль, конечно, что самое дорогое достанется хмырю этому. С девственностью могла бы себе такого мужика отыскать... но не у нас, конечно. Не в нашей дыре».

Вышла в коридор и вдруг ощутила, как мою талию сдавили чьи-то руки и в затылок уткнулись чьи-то губы. Вонь от перегара заставила скривиться и съежиться, когда Чумаков похотливо полез ко мне под юбку.

— Красивая, ты, пиз\*\*ц, какая красивая, Мэри моя, куколка. Озолочу.

— Отпустите! — попыталась вырваться, но он вдавил меня в стену, продолжая лапать за ягодицы.

— Я ж для тебя, что хочешь, брежу тобой столько лет. Ждал тебя.

— Отпустиииии! — надрывно, отталкивая, извиваясь. От одной мысли, что успеет губешками своими лобызнуть, к горлу подступает ком.

— Не ломайся, дрянь! Я уже за тебя приплатил! Слышишь? — за волосы схватил очень больно. — Квартиру нам купил, шубу тебе на зиму. Благодарить сегодня будешь! Да так, чтоб мне понравилось, или придушу на хрен! Моя ты теперь! Драть буду, ух буду драть.

Ударил его локтем, вырвалась и побежала что есть мочи вверх.

— Беги-беги, сучка! Тебя все равно ко мне приведут! Не будешь стоворчивой, отымею насильно! Надо будет, держать будут! Поняла?

В свою комнату забежала, дверь закрыла, спиной к ней прислонилась, задыхаясь. Руки дрожат, глаза зажмурила, а перед ними смазанное лицо олигарха, его туфли начищенные, волосы, поблескивающие серебристыми ниточками, и охрана, вышколенная, вытянутая по струнке. Дышать все тяжелее и тяжелее, и мысли одна за другую цепляются, но я уже понимаю, о чем думаю. И страшно от мыслей этих. И голос мерзкий, с повизгиванием слышу, голос Чумакова. Тронет, и руки на себя наложу. Лучше этот незнакомец, чем

тролль с сальными глазками. Если уже и продаваться, то за совсем другие деньги и условия, а не выйдет — сбегу к речке и... к рыбам на корм. Но с Чумаковым не буду.

И пусть я дрянь, пусть меня кто-то назовет шлюхой продажной, но у меня нет выбора, а точнее, есть только этот, и я его сделала. Тяжело дыша, спустилась вниз на кухню, нашла Нину, которая готовила заказы в номера и распределяла между официантками.

— Нин...

— О, Боже, ну ты и бледная, как смерть. Что такое? Мымра тебя наказала? Наорала, да? В нее сегодня черт вселился. Она перед олигархом этим выслуживается, прыгает на задних лапах. Сучка. Мне сказала обслужить в номере и молчать, слова не произносить, не смотреть на него. Можно подумать, к нам президент приехал. Ладно, постой здесь, а я салфетки принесу. Велела, чтоб самые лучшие с кладовки достала. Шелковые.

Нина побежала за салфетками, а я поднос с кофе подхватила, самые простые салфетки положила и пошла наверх, в западное крыло, где размещали VIP персон.

— Купите меня, пожалуйста. — нервно дергая пуговицу на платье, понимаю, что могу ее оторвать, и Королевишна мне голову открутит. Это ее платье, и мне его дали на один вечер. — Я хочу уехать с вами.

Мужчина поднял голову от ноутбука и посмотрел на меня, чуть прищурив синие, очень холодные глаза. Какие же они отталкивающие, с темной, пугающей глубиной. Такие же безразличные и опасные, как океан. Лицо практически ничего не выражает. Только взгляд цепкий и хищный, такой, наверное, бывает у очень опасных и извращенно богатых людей. Взгляд, под которым хочется съежиться, стать маленькой и незаметной. Наверное, его подчиненные содрогаются, когда он на них смотрит. Мне почему-то казалось, что у него очень много подчиненных. Возможно, он военный. Генерал. Даже сидя в кресле, мужчина очень ровно держал спину. Я посмотрела на руку с бокалом и заметила толстое обручальное кольцо на безымянном пальце. Стало невыносимо стыдно, и к щекам прилила вся кровь, но я уже не могла отступить. Какая разница. Чумаков тоже женат.

— Отчим продаст меня Чумакову за документы на водоем. Продаст старому, женатому мужику в содержанки сегодня ночью.

— И?

Равнодушно и слегка раздраженно, как будто его совершенно не трогает то, что я говорю, а я не верю, что действительно это сказала. Предложила себя купить. Совершенно неизвестному мужчине, которого вижу впервые и даже имени не знаю. Если сейчас позовет своего охранника или нажмет на кнопку вызова, отчим меня убьет за то, что к гостю посмела пойти прислуживать за столом вместо Нины.

— Купите меня у отчима. Я хочу принадлежать вам, а не Чумакову. Вы можете. Я знаю.

— Почему я, а не тот? Чем я отличаюсь?

Что-то написал в ноутбуке и заинтересованно взглянул на экран, потягивая виски, потом снова на меня. Безэмоционально осмотрел с ног до головы, и у меня запекло даже кончики ушей. Мне казалось, что я стою перед ним вся пунцово-красная и такая жалкая. От уверенности в собственной красоте не осталось и следа.

— У вас больше денег и вы моложе. А еще вы можете увезти меня отсюда.

— И? Что ты будешь делать дальше? У тебя есть к кому пойти в столице? Есть деньги?

— Нет. У меня никого нет, денег тоже нет. Я хочу жить за ваш счет.

Сказала с вызовом и слегка вздернула подбородок. Умирать так с музыкой. Мои слова вызвали легкую ухмылку, как будто я сказала что-то до невозможности нелепое и смешное.

— Почему ты вообще решила, что я нуждаюсь в твоих услугах?

Мне нечего было на это ответить, и я неловко молчала. Действительно, почему я так решила? Но надо что-то отвечать. Пока этот человек проявляет хоть какое-то участие в этом разговоре.

— Мужчина не должен быть в такую ненастную ночь один. Его постель должна согревать женщина.

Кажется, я это где-то прочла, но сейчас совершенно не вспомню где.

— Зачем ты мне? Я могу купить кого-то намного лучше тебя.

Прозвучало, как пощечина. Хорошая такая затрещина. Честно и бесцеремонно.

— Я красивая, со мной не скучно, я умею быть покорной и угождать.

— Не льсти себе. Таких по стране миллионы. Чем ты отличаешься от них?

Откинулся на спинку кресла и покрутил в пальцах массивный бокал с янтарной жидкостью. У него очень красивые пальцы, но в то же время большие, сильные, и кисть со светлой порослью волос и широкой костью, окольцованная пряжкой часов, смотрится мощно, виднеясь из-под темно-серого рукава пиджака.

Он сидел рядом с камином, и блики от огня бесновались на его коже. Оранжевые искры переливались в синих радужках и отливали бронзой, путались в его аккуратно уложенных светлых волосах с серебристыми ниточками седины на висках. Нет, он не просто богат. Он дьявольски богат... и не только. У него есть власть. Намного больше власти, чем у отчима и Чумакова. И эта власть чувствуется даже во взмахе его ресниц и в жесткой линии четко очерченных губ. Он не красив, но невероятно мужественен, похож на скульптуру, высеченную из гранита. На вид ему около сорока. Пару морщинок в уголках глаз, аккуратно постриженная седоватая борода, кипенно-белый

воротник рубашки впивается в массивную шею. Божеее, что я творю? Я понятия не имею, кто это и как его зовут.

Судорожно глотнула слюну, чтоб в горле так не першило от сухости, и решительно произнесла:

— Я — девственница, и ко мне раньше никто не прикасался. Нигде. Я даже не целовалась. Этим я отличаюсь от других. Вы будете первым. Во всем.

— Выстави свою девственность на продажу в интернете, может быть, ее купят. Сейчас это модно.

Отпил виски и снова царапнул меня жестким, холодным мрачно-нечитаемым взглядом. Как же это все унизительно... мерзко, противно. Но это мой единственный шанс. Если он увезет меня с собой, то это уже победа.

— Так быстро не купят, а мне надо сейчас. Я буду делать все, что вы захотите. Абсолютно все. Стану вашей вещью, куклой, рабыней. Исполню любое ваше желание, только купите меня у него и увезите отсюда, пожалуйста! Неужели я вам совершенно не нравлюсь?

Я тут же пожалела о своем вопросе, потому что, если сейчас он ответит «нет», у меня больше не останется аргументов и придется уйти. Но мужчина склонил голову набок и вдруг отчетливо приказал:

— Разденься наголо.

От неожиданности я вздрогнула. Даже ушам своим не поверила, что он это сказал.

— Сними с себя всю одежду, распусти волосы и встань на колени. Вот здесь у моих ног.

— Зачем?

Это был ужасно глупый вопрос... но я потеряла способность думать.

— Я буду тебя трахать. Разве ты не за этим пришла в мой номер?

Сердце очень гулко забилося, так гулко, что мне кажется, я услышала каждый удар.

— И как я могу быть уверена, что вы выполните свою часть сделки, после того как...?

— После того как я тебя трахну? Никак. Ты собралась стать моей вещью, а перед вещами не отчитываются. Раздевайся или уходи.

\*\*\*

И все. Вот так быстро и безапелляционно, и на этом моменте игра окончена, детство и надежды на большую и красивую любовь, на принца, который властно отнесет меня на постель и нежно лишит девственности — тоже. Я пересплю с незнакомцем в обмен на полную неизвестность, и, если завтра он уедет, а я останусь, Чумаков вместе с отчимом забьют меня насмерть.

— Уходи! — и кивком на дверь, склонился над ноутбуком.

— Нет! — решительно ответила и сорвала толстую резинку с волос, потрянула вьющейся темной шевелюрой так, что волосы упали чуть ниже пояса. Поднял голову и снова посмотрел на меня, чуть прищулив левый глаз в циничном ожидании. Вблизи его глаза кажутся очень темными, они действительно напоминают океан. Страшный, бесноватый и очень глубокий, а на дне... на дне водятся самые жуткие чудовища, каких только может породить мрачная бездна. И я собираюсь шагнуть в эту бездну добровольно. Но есть в ней что-то неуловимо притягательное и манящее. Как будто идешь по краю обрыва, и какую-то часть тебя до невыносимой паники тянет шагнуть вниз... Я таких мужчин в нашем краю никогда не видела. Как будто он из другого мира, из параллельной вселенной, куда таким, как я, вход запрещен.

Расстегнула пуговицы платья одну за другой, стянула рукава, дала ткани соскользнуть с бедер и упасть к моим ногам. Пунцовая от смущения, расстегнула лифчик, продолжая удерживать его на груди скрещенными руками. Потом уронила и судорожно сглотнула, когда глаза олигарха потемнели еще сильнее, разглядывая меня очень пристально.

— Дальше. — приказом, устраиваясь поудобнее в кресле, вольготно вытянув длинные ноги.

Стащила трусики, очень неуклюже, несколько раз споткнулась, пошатываясь. До стриптизерши мне далеко. И я выгляжу совершенно нелепо. Трусы упали к щиколоткам, и я переступила через них, чувствуя, как дрожу и покрываюсь мурашками. Мне и холодно, и жарко одновременно. Опустил взгляд к моему паху, к голым ногам.

— Что еще ты должна сделать? Помнишь?

Пару шагов к нему, красная, с горящими щеками, почти в полуобмороке. Опустилась на колени и склонила голову так, чтобы волосы закрыли лицо. Страшно посмотреть на него и очень стыдно. Провел по моим волосам, убирая их с лица на спину, приподнял за подбородок. Провел большим пальцем по губам. Надавил на нижнюю, заставляя открыть рот, скользнул по языку указательным и средним, к самому горлу. Я дернулась и тут же встретилась взглядом с его глазами. Он смотрит на мой рот и на свои пальцы. Он увлечен процессом их погружения. Но в то же время я прекрасно понимаю — сделаю что-то поперек, и вышвырнет за дверь. Покорно позволяю пальцам протолкнуться дальше, выскользнуть и войти снова. Позыв к рвоте подступает все выше и выше, но я очень стараюсь терпеть.

— Соси, — и я послушно втягиваю фаланги глубже, присасываясь к ним и видя, как нахмурились его брови и грудь под серым пиджаком стала вздыматься сильнее. Ему нравится. Я интуитивно понимаю, что нравится. Вытащил пальцы, встал с кресла и меня резко поднял с пола.

— Ложись на кровать и раздвинь ноги.

### Глава 3

Стараюсь не смотреть ему в глаза, отступаю к постели на негнущихся и дрожащих ногах. Если это произойдет сейчас... я бы хотела хотя бы знать его имя. Чтоб не чувствовать себя настолько ужасно.

— Можно только один вопрос?

— Вопросы задаю я.

— Пожалуйста... только один.

— Спрашивай.

— Как вас зовут?

— Это не имеет значения.

Действительно. Не имеет. Я собираюсь отдать ему свою девственность, и его имя не имеет никакого значения. Упираюсь в край кровати и медленно ложусь на спину, втянув побольше воздуха, раскидываю ноги в стороны. Я дышу очень шумно и очень тяжело. И не могу сдержать эту панику и страх, особенно когда слышу звук расстегиваемой змейки и какой-то шелест.

— Пососи свои пальцы и увлажни ими влагалище.

Он называет все своими именами, и от этой откровенности мне почему-то настолько неловко, как будто я слышу все это впервые. Не знаю, зачем ему это нужно, но я оглушенная и какая-то полупьяная от всего, что происходит. Не верю, что я это делаю, не верю, что еще вчера я мечтала совсем о другом... Еще вчера я читала Цвейга, Моза, Драйзера. Мне грезилась большая и великая любовь, и я верила, что она со мной непременно случится. Что мой возлюбленный заберет меня из этого ужаса и увезет навстречу счастью... Что мой первый поцелуй будет невероятным, а первая ночь — запоминающейся своей красотой. А вместо этого я лежу голая в номере гостиницы с раздвинутыми ногами и предлагаю себя незнакомцу в надежде, что он купит меня подороже. Еще вчера я была наивной девочкой и не подозревала, что внутри меня живет циничная и продажная тварь. Как много мы о себе не знаем, пока не приходит время жаждать чего-то настолько сильно, что совесть, гордость и стыд умирают отвратительно и скоропостижно, а на их место приходит жажда денег и сытой жизни. Я хочу есть осетра на завтрак, обед и ужин, хочу макать хлеб в красную икру и носить шелковое нижнее белье, хочу пахнуть дорогими

французскими духами, хочу узнать, что такое ни в чем не нуждаться. И я больше не хочу жить в этой вонючей дыре.

Поднесла пальцы к губам, облизала, хотела вытащить изо рта, но услышала хриплый приказ.

— Еще, намочи их. Засунь глубже, чтоб стали очень мокрыми.

Обильно смочила пальцы слюной и опустила их вниз, повела по нижним губам. Мои подушечки очень холодные, и даже слюна не помогла. От этого холода все внутри сжимается.

— Введи в себя.

Я никогда этого не делала и побоялась войти внутрь, поелозила у входа, сильно зажмурившись и стараясь не всхлипывать и не дрожать. Напряглась, когда откинул мою руку, когда сильнее раздвинул мои ноги, распиная, как на поперечный шпатель, только коленями. Растяжки у меня никогда не было, и мышцы тут же потянуло, закололо в паху с обеих сторон. Попыталась уменьшить растяжение, но он снова надавил и дернул меня к себе за ягодицы. А затем одним сильным движением вошел внутрь чем-то настолько огромным, что от неожиданности у меня широко открылись глаза и из них брызнули слезы, тут же покатались по щекам. К такому меня никто не готовил. Ни в одной книге о таком написано не было. Все девственницы извивались от наслаждения, а я выгнулась от адской боли. Но он даже не остановился, чтобы дать мне к себе привыкнуть, а придавил мои колени к груди и вонзился еще раз, а потом снова и снова. Я впиалась руками в простыни, в собственные ладони, кусая губы, не в силах сдерживать слез, не в силах стонать и охать, как учила Нинка. Мне было просто очень больно. Стыдно, неприятно и так хотелось избавиться от этого жуткого чувства перенаполненности. Мне казалось, я разрываюсь и трескаюсь, казалось, что еще пару толчков, и от боли не смогу дышать. Пусть это прекратится как можно быстрее. И в голове набатом "Ты сама на это напросилась, ты сама пришла к нему и предложила свое тело, сама разделась, и сама раздвинула ноги, тебя никто не заставлял и даже не просил... Терпи".

Возле уха сдержанное сопение. Но очень резкое, гортанное. О мои колени трутся полы пиджака, подбородок щекошет галстук. Незнакомец двигается мощно, безжалостно, резко. Как отбойный молоток. Ткань брюк натирает мне промежность, я чувствую лобком пряжку ремня и жесткие волосы в паху у мужчины, они царапаются и добавляют дискомфорт. Между ног все горит, бедра свело судорогой. Но я терплю изо всех сил. Нинка говорила, что обычно это длится недолго... а мне кажется, это длится вечность, и у меня от слез опухнут глаза. Я издаю какие-то звуки, но они далеки от страстных стонов. Олигарх очень низко склонил голову, и я не вижу его лица, только кусочек скулы и волосы. От него пахнет каким-то невероятно дорогим парфюмом, спиртным и чем-то терпким, по-настоящему мужским. Мне показалось, что именно так пахнет океан. Солью, песком и смертью. Именно так я могу его охарактеризовать. Его запах. Моего первого мужчины.

Ощутила, как он сдвинул мою грудь одной рукой, зажимая сосок между пальцами, вытягивая вперед и одновременно обжег своим дыханием мою шею, а затем толкнулся очень сильно и очень глубоко. Так, что я не выдержала и громко закричала. Он застыл на секунду и забился во мне очень быстро,

короткими ударами с глухим выдохом, впиваясь в мои волосы руками и вжимаясь лицом в мою шею. Я, скорее, догадалась, чем знала, что вот сейчас все закончится. После того, как он кончит, его член должен стать меньше и опасть. Так было написано... в какой-то статье о сексе. Но он не становился меньше и продолжал растягивать мою плоть до предела, так, что ее жгло и саднило. Я чувствовала, как там все распухло. И хотела только одного – чтобы он из меня вышел.

Опирается руками возле головы, продолжая нависать надо мной, но уже отпустив колени так, что их наконец-то перестало тянуть, но разогнуть ноги я не смогла. Они как будто застыли раздвинутыми и согнутыми. Дрожащими от напряжения. Поднялся молча и куда-то пошел, что-то рядом приземлилось в урну. Я заметила ее, еще когда шла к постели. Очень медленно открыла залитые слезами глаза и застыла, глядя в потолок. Ничего более ужасного и унижительного я в своей жизни не испытывала, и если секс на самом деле именно такой, то я бы предпочла никогда этого не узнать... Но, наверное, еще ужаснее было бы испытать это с Чумаковым.

В ванной полилась вода, какое-то время я прислушивалась к этому звуку и чувствовала влажность между ног, с трудом свела колени и повернулась на бок. Низ живота болезненно потягивало. Мне казалось, что его орган все еще во мне. Услышала, как незнакомец вошел в комнату.

– Вытрись и иди в душ.

Он бросил мне полотенце. Оно приземлилось возле моего лица. Белое, пушистое, пахнущее знакомым стиральным порошком.

С трудом встала с постели, по внутренней стороне бедер что-то потекло, опустила голову и увидела, что ноги перемазаны кровью. Прикрылась полотенцем и пошла в ванну, не оборачиваясь. Каждый шаг давался с трудом. Встала под душ. Там даже тронуть не могу. Все болит и как будто не просто распухло, а разодрано до мяса. Страшно сходить в туалет, кажется, будет невыносимо жечь.

Всхлипнула и прислонилась лбом к кафелю. Я даже имени его не знаю. Ничего не знаю: ни сколько ему лет, ни кто он. Это так ужасно. Как самая настоящая проститутка. И что еще ужасней, я понятия не имею, что теперь будет со мной.

Вымылась с мылом, стараясь не мочить волосы, чтобы не сушить. Они очень длинные и очень долго сохнут. Тщательно вытерлась полотенцем и завернулась в махровый халат. Олигарх с кем-то говорил по телефону, стоя ко мне спиной. Какой у него мощный разворот плеч, они широкие, как у спортсмена или борца. Снова одна рука сзади, сжата в кулак. Похоже, это его привычная поза. Он смотрит в окно и не оборачивается. Все, чего мне сейчас хочется – это натянуть свою одежду и свернуться калачиком где-то в углу, чтобы переждать до утра.

Метнулась к кучке своих вещей, подцепила трусики, и тут он обернулся. Светлые волосы поблескивают в мягких бликах от камина, он успел снять пиджак и развязать галстук. В расстегнутом вороте рубашки видна грудная клетка с выпуклыми мышцами и плоский живот.



— Мы еще не закончили — иди в постель.

И снова отвернулся к окну.

Не закончили? Как? Разве он не испытал оргазм? Разве после этого не идут спать? В ответ сильно заныло в промежности. Еще одного такого вторжения я не переживу. Но я не посмела перечить и положила вещи на кресло, а затем пошла к кровати. Посередине виднелось красное пятно. Я стянула покрывало на пол и легла на белоснежный пододеяльник. Повернулась на бок и прикрыла глаза.

Его голос доносился до меня издали и вдруг показался знакомым. Я где-то его слышала. И не один раз. Но где? Мобильный выключился, и раздались шаги, потом он сел на кровать, и она застонала под тяжестью его тела.

— Ты умеешь делать массаж?

— Нет... не знаю.

— Иди, потри мне шею и плечи. Только вначаленими халат. Я хочу, чтобы ты обслуживала меня голой.

— Вы разве не спросите, как меня зовут?

— Мне не интересно.

Я стояла сзади и смотрела на его широкую и мощную спину. Да, он явно занимался спортом. Чем-то очень серьезным. Такой разворот плеч может быть у борца или у того, кто занимался плаванием, но он не был похож на пловца. Хотя, что я могу вообще понимать в этом. Он может оказаться кем угодно.

Под левой лопаткой круглый шрам и с другой стороны, возле ребра, такой же. Что это за шрамы? От чего такие могут быть?

— Ты уснула?

Схватила за его плечи и принялась что есть мочи мять, видела, как это делали массажистки, которых заказывал отчим для гостей. Правда, потом эти массажистки массировали все части тела гостей и ублажали их, но я видела лишь первую часть, потому что подносила фрукты, закуски и выпивку.

— Прижмись ко мне и три шею. Черт, как же она затекла от этой поездки.

Его тело было горячим, а кожа шелковистой и ухоженной, пахнувшей чем-то незнакомым. Его запах отличался от отчима, Чумакова и от других. От них обычно воняло перегаром, потом и кислятиной. Отчим обожал есть свежий лук с борщом или супом и запивать все это пивом. Чумаков пахивал примерно так же. Остальные постояльцы тоже приятными ароматами не отличались. Когда я убирала после них номера, казалось, там ночевали лошади или свиньи.

Мои груди расплющивались о мужскую спину, и соски терлись о лопатки, пока я старательно разминала его шею. Это было чувствительно и почему-то смущало. Я напоминала себе тех самых массажисток.

Олигарх в этот момент с кем-то переписывался на планшете, потом вдруг отбросил его в сторону и, схватив меня за плечи, как пушинку, перекинул через плечо и поставил перед собой. От неожиданности я резко выдохнула, и все тело напряглось. Между ног тут же засадило напоминанием о том, что там растерто.

— У меня болит..., — тихо сказала, не сводя глаз с его холодных, северно-ледовитых осколков. Мне показалось, что меня не услышали.

Смотрит исподлобья, снизу вверх, но я ни на секунду не ощущаю себя выше. Скорее, ощущаю насекомым под микроскопом. Тронул грудь, потер соски, приподнял обе груди, сжимая так, чтоб выпирали вперед. Ему явно нравилось то, что он видит, и холодные глаза заблестели. Но я бы не назвала этот блеск даже теплым.

Провел руками по моим бедрам, развернул спиной к себе и сдвинул ладонями ягодички, смял их. Властным движением поставил меня на четвереньки.

Его пальцы прошли по моему позвоночнику, по каждому позвонку и силой надавили на поясницу, заставляя прогнуться. Какое-то время меня рассматривали. Я ощущала этот взгляд физически, покрываясь мурашками и заливаясь краской. Когда его пальцы коснулись меня между ног, я зажмурилась и приготовилась к боли, но ее пока не последовало. Они оказались влажными и неожиданно приятно скользнули между складок, дотрагиваясь до клитора. Затем он их снова убрал и снова тронул уже более мокрыми, вошел ими внутрь, погружаясь глубоко, словно исследуя.

— Маленькая, — словно констатируя, подтверждая.

И уже через секунду вместо пальцев я ощутила в себе его член. Одновременно услышав его гортанный выдох над моим затылком. Почти так же больно, как и в первый раз. Закрыла глаза и закусил губы, чувствуя, как берет меня за волосы, сжимая их в кулак, и давит на спину еще сильнее, заставляет выгнуться до предела. Больно... но уже не настолько, но дискомфорт и жуткий стыд заставляют молиться, чтоб все закончилось быстро. Его движения резкие, грубые, очень сильные и порывистые. Бедра бьются о мои ягодички, и я слышу эти шлепки, они кажутся мне ужасно пошлыми и грязными. В меня словно вбивается огромный поршень, издавая незротичные звуки и стирая из моих представлений все фантазии о сексе. Оставляя только жуткое осознание реальности. Я больше не девственница, меня трахает совершенно незнакомый мне мужчина второй раз за ночь. И я совершенно себе не представляю, что будет дальше. Возможно, это начало конца, и весной мое обглоданное рыбами тело выловят рыбаки. Отчим скажет, что я сама утопилась, меня похоронят у дороги и будут плевать на мою могилу. Неблагодарной твари Маруськи. Не хочу быть Маруськой. Я — Мэри. Меня мама так назвала. Я не стану больше разменной монетой для отчима и не позволю ему вершить мою судьбу.

Теперь это длилось долго. Настолько долго, что я перестала думать о времени. Я смотрела перед собой и кусала губы, пытаюсь расслабиться и привыкнуть к его органу внутри своего тела, но у меня не получалось. Под любым углом он входил глубоко и очень сильно. Я всхлипывала и стонала, мычала и даже пыталась вырваться, но меня удерживали сильные руки и продолжали насаживать на себя до упора.

Вдруг все прекратилось, и он развернул меня к себе. Стоит надо мной с расстегнутой ширинкой, с торчащим из штанов членом в презервативе, блестящим от моей влаги. От одного вида мужского достоинства настолько близко пересохло в горле. Оно показалось мне не просто большим, а огромным, и мне стало страшно, что вот ЭТО каким-то образом вошло в меня, и я все еще живая. Незнакомец сдернул презерватив и отшвырнул на пол. Теперь красная и налитая кровью головка пульсировала у моего лица.

— Открой рот. Пошире, и высунь язык.

Оглушенная и какая-то жалко маленькая я подчинилась, представляя, что именно сейчас будет, и сомневаясь, что смогу взять в рот даже головку. Он слишком огромен. Его орган похож на зверя без шерсти, на какого-то монстра, увитого прожилками, торчащего из паха с густой порослью светлых волос.

— Сначала языком. Оближи его.

Удерживает член ладонью у основания, и мне видно, как его сильные пальцы сдавливают пульсирующие вены. Тронула сам ствол, коснулась губами, и в нос ударил запах мускуса и латекса. Так пахнут руки после перчаток. Прошлась языком по головке и услышала тихий стон. Глаза открыть не решилась.

— Сделай его мокрым.

Я изо всех сил старалась. Облизывала головку, прошлась языком сбоку. Не так противно и не так уж и страшно. Все можно пережить. Наверное.

Мои волосы снова сжали в кулак, и я не успела даже вдохнуть, как член наполнил мой рот, упираясь в самое горло. И бояться было уже поздно, только стараться не задохнуться и вытерпеть, сдержать слезы, которые выступили на глазах.

— Твою ж мать!

Нет, он не бился, не толкался, он вдруг резко дернулся, и мне в гортань потекло что-то солоновато-горькое. Увернуться, выплюнуть не получалось. Только давиться и сглатывать, и слышать глухие сдерживаемые стоны. Отпустил мои волосы. А я так и продолжила стоять на коленях. Вся в слюне, в его сперме и в слезах. Услышала, как стянул с себя одежду, как скрипнула кровать, а через какое-то время раздалось мерное сопение. Он уснул.

Я тут же бросилась в ванну полоскать рот, сплевывать, давиться позывами. Потом посмотрела на себя в зеркало. Глаза припухшие, красные, в слезах, губы натертые... и нет, не поцелуями, а членом, натерты минетом. Потому что я сосала у мужика без имени. Внизу вообще страшно тронуть. Там все огнем горит. Я не смогу ни сидеть, ни ходить. Вернулась в комнату и с опаской посмотрела на постель. Стало страшно, что он сейчас проснется и захочет еще. От одной мысли об этом у меня подогнулись колени.

Он спал на спине, вытянув руки по швам на одеяле. Четкий профиль, резко очерченные красивые скулы, серебристая седина, придающая шарма, не состаривая. Красивый и в то же время опасный, холодный и безразличный.

И что мне делать? Выйти отсюда нельзя. Только оставаться здесь с ним и... и надеяться, что меня заберут с собой. Я вначале хотела лечь на кровать, но потом все же не решилась и свернулась клубочком в кожаном кресле, завернувшись все в тот же халат. Я не просто уснула, меня отключило... хоть я и обещала себе не спать.

А когда открыла глаза, номер был совершенно пустым. В отчаянии вскочила с кресла и со слезами, с диким стоном увидела на столе несколько стодолларовых купюр. Зарыдала, опускаясь на ковер у стола, закрывая лицо руками, тыкаясь лбом в пол и издавая какой-то тонкий звук. Вот и все. Меня бросили, как собачонку... дура! Идиотка! На что я еще надеялась! И деньги его паршивые! У меня их все равно отберут! От злости разорвала купюры на мелкие кусочки.

Дверь открылась, и кто-то откашлялся. Всхлипнув, подняла голову и увидела одного из сопровождающих незнакомца. Он стоял в дверях и, вздернув бровь, смотрел то на меня, то на обрывки денег.

— Вам велели одеться и пройти с нами. У вас пять минут. Машина уже ждет.

#### Глава 4

Я шла по коридору следом за охранником, или кем он там приходился незнакомцу, и тряслась от страха. Боялась, что сейчас выскочат отчим и мачеха, схватят меня за волосы, не дадут уехать, не дадут даже выйти из здания. Собственное сердце пульсировало в ушах и отдавало набатом в виски. Тяжело дыша, шаг за шагом я приближалась к фойе. На мне все то же платье, туфли на босую ногу и чей-то плащ. Он теплый, согретый чьим-то телом, и пахнет сигаретами и улицей. На нем все еще видны капли дождя. Это самое нелепое, во что я когда-либо была одета, но мне казалось, что этот плащ может меня защитить, и куталась в него, как в спасение.

Медленно выдыхая, ступила на ковер, который сама пылесосила тысячи раз и в качестве наказания собирала на нем ворсинки вручную. Отчим любил придумывать квесты посложнее, чтоб я не расслаблялась. Однажды сын повара чистил всю кухню зубной щеткой, потому что разлил оливковое масло, которое добавляли по капле в салаты лишь для того, чтобы написать в меню, что оно там есть. Вначале он убирал это масло, а потом кафель начищал. Но их вместе с отцом все равно уволили.

Они все там. Все семейство и старый боров. Выстроились в шеренгу. Как по стойке смирно. Королевишна, ее дети, следом за ней Чумаков и еще несколько работников гостиницы. Бледные, даже желтые, я бы сказала. Смотрят перед собой. Какой-то человек что-то пишет на стойке администратора, перед ним раскрыты папки и мельтешит туда-сюда Иван — бухгалтер отчима, и сам отчим с волосами дыбом, кому-то звонит по сотовому, точнее, собирался позвонить.

Человек за стойкой отобрал у него сотовый и раздавил ногой. Отчим лишь затрясся еще больше и ничего не сказал.

— Никаких звонков! — рявкнули ему, и Зубов ссутулился, сжался, глядя, как бухгалтер отдает журналы.

Мне не понятно, что происходит, но это нечто из ряда вон. Такими я их никогда не видела, как на похоронах или того хуже — перед расстрелом. А я просто иду следом за мужчиной, который направляется к двери энергичным шагом.

Когда проходила мимо мачехи, услышала злое истерическое шипение:

— Будь ты проклята, шлюха и дочь шлюхи, чтоб ты сдохла! Все из-за тебя, тварь! Не будет у тебя жизни! Никогда! Так шлюхой и сдохнешь!

Первым желанием было втянуть голову в плечи, но я преодолела себя и выпрямила спину, задрала вверх подбородок, чтобы пройти дальше с высоко поднятой головой. Если проклинает, значит у них неприятности из-за меня, и я этому безумно рада. Они заслужили каждую из них, и мне никого не жаль. Уже у меня за спиной Лиля громко разревелась с воплем:

— Мы что теперь в детдом?!

— Замолчи! — шикнула Королевишна.

— Мамаааа, мне страшнооооо!

А сколько раз было страшно мне, сколько раз я закрывала глаза, готовясь к удару отчима, и боялась, что он будет последним или настолько сильным, что я останусь инвалидом. Или когда Королевишна трепала меня за волосы, или когда они прижимали меня в углу и требовали отдать чаевые, и тушили спички о мое запястье, если денег у меня не было. Кожа в тех местах покрыта маленькими белыми точками.

Мы вышли из здания, и я с наслаждением втянула свежий воздух. Как будто сто лет не выходила на улицу. Вот так, именно свободной не выходила никогда. А я чувствовала себя свободной. Наивная дурочка.

— Поторопитесь.

Меня взяли под локоть и провели к машине, распахнули дверцу сзади и усадили на мягкое кожаное сиденье. Я в жизни не сидела на таких. Да и машин таких не видела. Во все глаза смотрела на обшивку, в окно, на всякие мигающие лампочки и кнопки сбоку на двери. Как будто машина из другой жизни и пахнет в ней тоже иначе. Осмотрелась.

Олигарх сидит впереди рядом с водителем. Холодный, надменный, отчужденный. Мы в машине, а кажется, что он все равно выше всех на голову, и все они зависят от него, от каждого вздоха. И рядом с ним все замерзает. Айсберг. Никаких эмоций. Разве люди могут быть такими? Да... он похож именно на айсберг. И я вижу лишь его вершину. Лед синих глаз, снежное серебро в волосах, смешанные с бронзой кожи. Арктическая красота, и от нее очень холодно.

Остальные молчат. Водитель и мой провожатый с глубокими залысинами, острыми чертами лица, оба в черном, в аккуратных костюмах, с какими-то проводами возле уха. Все смотрится круто, и как в фильмах. Им только темных очков не хватает.

В салоне много места, и я свободно расселась на сиденье. Мною овладела какая-то дикая эйфория, какое-то отчаянное состояние радости. Дааа! Я смогла. Я вырвалась из этого кошмара. И теперь все будет иначе. Я точно знаю.

Мимо, по направлению к гостинице, проехали несколько полицейских машин. Ого. Что там еще такого могло случиться. Или это за отчимом и его семейством? Этого я, наверное, не узнаю.

Я поерзала на сиденье и посмотрела в зеркало над лобовым стеклом. В нем было видно лицо незнакомца. Да, он все еще для меня незнакомец. Мужчина выглядел совершенно невозмутимо, смотрел впереди себя все тем же нечитаемым холодным взглядом. Интересно, кто он? Бизнесмен? Мафиози? Как мне себя с ним вести? Куда мы едем? А вдруг меня сейчас выкинут из машины и бросят подышать в канаве?

Много читаешь, Мэри, слишком много. И поэтому тебе в голову лезет всякая ерунда. Стал бы он тебя выкидывать. Бросил бы там в твоей гостинице, да и все.

— Утром меня завезешь в резиденцию, а ее вези в Богемское и оставишь там. Виолетта пусть займется и... и Гройсман. Уведомь их сейчас, пока не взлетели.

— Понял. Какие еще распоряжения? — услужливо переспросил Залысина. Пока что я не знала, как их называть, и имен никто не произносил. Оставалось только так.

Ему не ответили. И он заискивающе улыбнулся, потянул носом и что-то записал в своем сотовом. Ощущение неловкости становилось все сильнее, а еще мне ужасно хотелось в туалет и смущало грязное нижнее белье. Я всегда меняла его с утра. В голову пришла мысль, что у меня нет даже чистых трусов и банально носового платка.

— Что такое Богемское? — спросила и посмотрела сначала в зеркало на олигарха, потом на своего конвоира или кто он там. Мне тоже не ответили. Я вообще, как пустое место, и меня не существует. Даже не смотрят. Поерзала на сиденье уже в какой раз и опять посмотрела в окно. Мы подъезжали к аэропорту. Как ни странно, но машину не досмотрели, ее не просто не остановили, а пропустили, отдавая честь. Да. Он точно какой-то генерал из спецслужб, или не знаю откуда. Страшно и страшно интересно. И в горле пересыхает от понимания, что назад дороги нет. И на взлетной стоит самолет... слишком близко стоит. Как огромная белая птица с разверзнутыми крыльями. Мы на нем полетим? Сейчас? О, Боже!

Меня ведут следом за Айсбергом по коридору. Не спрашивают ни имени, ни документов. Я никогда не летала на самолетах, и мне очень страшно, мое

сердце колотится настолько сильно, что я не могу дальше идти по трапу. Остановилась, набирая в легкие побольше воздуха.

— Что такое?

Спросил Айсберг, раздраженно оглядываясь, видя, что мы задерживаемся.

— Я никогда не летала. Мне... мне страшно, и меня тошнит. — ответила тихо и подняла на него взгляд, встретила с синими льдинами, пронизало током, захотелось тут же зажмуриться.

— Потолшнит и перестанет. Тебе дадут пакет. Впрочем, ты можешь остаться, тебя даже отвезут обратно в гостиницу.

Сказал, как отрезал, и прошел в салон самолета. И я следом на дрожащих ногах. Еще чего. Обратно никогда. Села на удобное сиденье напротив олигарха, стюардесса заботливо меня пристегнула и вручила пакет в руки. Наверное, слышала, как я сказала о том, что меня тошнит. Когда самолет начал разгоняться, я сильно зажмурилась и впиалась в сиденье руками, на взлете у меня заложило уши, и я вся тряслась от напряжения, пока не услышала над ухом.

— Открой рот!

О боже! Что? Здесь? Сейчас! Я же вырву ему на штаны!

— Рот открой, я сказал.

Глотая обильно выделяющуюся слюну, открыла рот и почувствовала, как на язык легло что-то прохладное и мятное. Конфета.

Приоткрыла один глаз, потом второй — Айсберг уже сидит на своем месте с ноутбуком.

Я с опаской осмотрелась и увидела, что мы находимся совершенно одни (не считая стюардессы, которая проверила — пристегнуты ли мы, и ушла) в красивом салоне цвета слоновой кости с бордовыми подушками и пледами. Сам салон похож на гостиничный номер, только без постели. Но я даже не сомневалась, что все эти сиденья раздвигаются. Только черт его знает, как.

Конфета была ужасно мятной и почти не сладкой, но уши, и правда, перестали болеть, а тошнота сошла на нет. Теперь у меня в горле царила мерзлота от конфеты, и от желания быстрее попасть в туалет тянуло низ живота. Автоматически я начала трясти ногами и слегка раскачиваться, чтобы не произошло катастрофы. Меня так в детстве мама учила. Пританцовывать. Тогда якобы хочется не так сильно. Немного помогало.

— Хватит постоянно ерзать.

Сказал, не отвлекаясь от ноутбука, и неожиданно сдвинул мое колено своей огромной ладонью. Я тут же притихла. Его рука оказалась горячей и мягкой, от нее колкой паутинкой по ноге пробежалось тепло. Противно не было. Несмотря на это я все равно его боялась. И прикосновение напомнило о том, что эти руки творили со мной ночью, как властно раздвигали мне ноги, как

трогали мою грудь. Снова взгляд на обручальное кольцо, и внутри стало неприятно. Как будто я делаю что-то мерзкое... Впрочем, я и так знала, что делаю много всего мерзкого, и мое поведение отвратительное. Я просто шлюха. Правильно сказала мачеха.

— Мне очень надо в туалет, — пискнула я, но на меня даже не посмотрели. Тогда я принялась дергать ремень, пытаюсь его расстегнуть. От усилий мне хотелось еще сильнее, и я чуть ли не плакала. Пока вдруг мужская рука не щелкнула замком, выпуская меня на волю. Я соскочила с кресла, бросилась к двери в конце салона и сильно дернула ее на себя. О, божеее! Дааа! Заскочила в кабинку, закрыла дверь и через несколько секунд с облегчением выдохнула.

Яркий свет вдруг погас, и вокруг зеркала зажглись мелкие лампочки. Я засмотрелась на кусочки мыла, на пузырьки, на красиво свернутые салфетки и туалетную бумагу с выбитыми на ней розами. Все пузырьки я перенюхала, изо всех помыла руки. Так же я перенюхала разноцветные салфетки и кусочки мыла в виде цветов. В этом туалете так красиво, как во дворце. Даже сами пузырьки казались мне произведением искусства, и ничего подобного я никогда не видела. Гостиница отчима показалась убогим местом... а ведь раньше я считала, что живу в роскоши. По крайней мере меня в этом убеждала Нинка.

Ручку двери требовательно дернули, и я замерла.

— Что ты там делаешь? — послышался голос Айсберга, и я стиснула в ладони очередной флакон с жидким мылом.

— Мою руки.

— Двадцать минут? Открой дверь!

Послушно подвинула щеколду, и дверь тут же распахнулась. Кабинка сразу показалась мне маленькой и тесной, а он возвышается скалой надо мной, и я кажусь себе крохотной букашкой, которую можно раздавить носком его отполированного ботинка. Посмотрел на открытые флаконы, на раскиданные салфетки, на меня.

— Выходи отсюда. Завтрак принесли.

От слова «завтрак» в моем животе с такой силой заурчало, что я покраснела. Протиснулась между ним и дверью. Застряла. Подняла голову и посмотрела в ужасающе синие глаза. В горле опять пересохло. Не делает ни движения, чтобы помочь мне пройти, просто смотрит своим невыносимым взглядом, и мне хочется исчезнуть или, как хамелеон, слиться с обшивкой.

Наконец-то я проскользнула в салон и быстрым шагом прошла к креслу. На раздвинутом столике нас ждало целое пиршество, и от вида еды у меня во рту выделилась слюна. Айсберг сел напротив и принялся размеренно намазывать на булку сливочное масло с зеленью, а я положила к себе в тарелку всего понемногу. И омлет, и сыр, и кусочки ветчины, и салат с авокадо и помидорами черри. Когда моя рука протянулась еще и за плавленым сыром, я встретила взглядом с незнакомцем. Он пил чай и смотрел на меня. Пристально, пронизывающе, как на какое-то странное существо. Затем откусил



кусочек хлеба и продолжил щелкать в ноутбуке. Я очень быстро опустошила содержимое тарелки и разомлела от сытости, сладкого чая, тепла и уюта. Не знаю, зачем я вдруг начала говорить:

— Оказывается, летать совсем не страшно. Немного заложило уши, а так ничего. Дух сильно захватывает, как на аттракционе. Я один раз была в луна-парке и...

Поднял голову и посмотрел на меня так, что я замолчала, стискивая пальцы и кусая нижнюю губу. Снова склонился к ноутбуку и надкусил хлеб. У него получалось это делать очень красиво, как-то утонченно и даже не испачкать бороду. В нем вообще все было каким-то холенным, чистым до тошноты и правильным.

— А еще писать, читать и одновременно есть нельзя.

Почему-то захотелось ему помешать, и я тут же об этом пожалела.

— А еще, если много разговаривать, можно вылететь в окно.

Я подавилась воздухом и закашлялась.

— Когда я захочу, чтобы ты открыла рот, я сообщу тебе об этом. И вряд ли это будет для разговоров.

Сердце сильно забилося, и в горле запершило от обиды. Очень захотелось запустить в него чашкой с чаем или пустой тарелкой, но я, конечно же, не посмела бы этого сделать. Быстро заморгала, чтобы слезы не запекли глаза.

От скуки я долго смотрела в окно, но там кроме неба ничего не было видно, тогда я подтянула под себя ноги. Почувствовала, что меня накрыли пледом, но глаза открыть не смогла. Мне было тепло, я наелась и даже не заметила, как провалилась в сон.

У меня большая грудь, тяжелая, а вырез узкий и больно впился сбоку в полушарие. Я вскочила и тут же выдохнула. Он сидел рядом и трогал мои груди. Гладил ключицы, самую грудь, сминал, надавливал, и в этот момент я краем глаза заметила, как он дергает рукой, подняла взгляд и вздрогнула, увидев, как широкая ладонь второй руки Айсберга обхватила член и быстро двигается вверх-вниз. Он не смотрит на меня, он смотрит на мою грудь. Остекленевшим взглядом с приоткрытым ртом, тяжело вдыхая и со свистом выдыхая воздух, а когда я попыталась двинуться, рука смяла полушарие так сильно, что я охнула и замерла. Большой и указательный пальцы сдавили сосок, стиснули, вытягивая вперед. Это не было неприятно. Наоборот, остро отозвалось покалыванием где-то внизу живота и судорожным сжатием промежности. Незнакомым и пугающим ощущением в самом соске.

Он резко наклонил меня к себе, упираясь головкой члена мне в грудь. Задвигал рукой еще быстрее, потираясь о мою кожу. Резко запрокинул голову, оскалился, и я увидела, как брызнуло семя, оно потекло по соску вниз под грудь к ребрам. Мужчина глухо выдохнул, продолжая тереться об меня и вздрагивать, пока не затих на несколько секунд. Отстранился, бросил мне салфетки и пересел на свое место, застегивая ширинку.

Я все еще вытиралась салфетками, когда нам объявили о том, что самолет вот-вот совершит посадку.

В аэропорту мы расстались. Точнее, Айсберг с охраной пошел к целому кортежу машин в окружении своей охраны, а меня Мыш (именно так — Мыш) потащил совсем в другую сторону, сдавив мой локоть. Я хотела крикнуть что-то Айсбергу, что-то спросить, оглядывалась ему вслед, но меня уводили очень быстро к другой машине, как прокаженную. Чтобы никто не заметил. Потому что вслед за Айсбергом бросилась какая-то бешеная толпа репортеров, журналистов. Может быть, он актер? Или... депутат?

Пока ехали в машине, я выглядывала в окно с широко открытым ртом и смотрела на красивые улицы, окутанные осенней дымкой с золотыми деревьями и запахом сожженных листьев.

Я никогда не видела ничего кроме нашего маленького городка, а столица теперь казалась мне настолько великолепной, что я буквально вжималась лбом в окно, втискивалась в него, чтобы все рассмотреть. Вдали увидела площадь и фонтаны.

— Давайте посмотрим, давайте остановимся. Эй! Я с вами говорю! — толкнула переднее сиденье.

— Не велено.

Ясно. Не велено. А что велено? Это я узнала чуть позже, когда машина выехала в пригород, свернула к небольшим частным домам. Я ехала молча, затаив дыхание, и ждала, что вот сейчас мы остановимся, или вот сейчас. Но машина продолжала ехать, углубляясь, поднимаясь серпантином вверх, вокруг деревьев, огибая небольшое озеро, направляясь к кирпичному забору с широкими темно-коричневыми воротами. А над забором возвышался сам дом. Небольшой, из серого кирпича с огромными во всю стену окнами. Ворота бесшумно открылись, впуская нас внутрь. Вокруг дома посажены густо ели, виднеется небольшое деревянное здание с одним окошком.

И я судорожно глотнула воздух. Красиво. Уютно, аккуратно. Все рассмотреть из окна машины не получалось, но по телу порхали благоговейные мурашки. Я никогда ничего подобного не видела. Мне терем отчима казался дворцом. Господи, да мне страшно выйти из машины. Кажется, что даже подъездная дорожка сделана из мрамора. Но она была вымощена брусчаткой и красиво вписывалась в общий интерьер.

— Идем! — раздраженно сказал Мыш и снова потянул меня за руку.

На высоких ступенях я споткнулась, чуть не упала, засмотревшись на крышу с крутым изгибом. Скандинавский стиль. Я читала у отчима книги по истории архитектуры, а также новые веяния в дизайне домов. Он коллекционировал дорогие издания с красивыми глянцевыми картинками, ему привозили модные журналы, и их складывали в шкафчики в библиотеке. Я вообще перечитала там все, что только было, даже мемуары Черчилля. Хотя бы этого мне никто не запрещал.

Внутри дома у меня захватило дух, и я все никак не могла его перевести. Навстречу нам вышел пожилой мужчина с аккуратно уложенными темными

волосами в костюме стального цвета. И мне кажется, даже его пуговица стоила целое состояние, как и ковер, в котором утонули мои ноги.

— Я — Карл Адольфович. Зовите меня просто Гройсман.

Значит, это тот самый Гройсман, о котором говорил Айсберг. Адольфович. Если ему прицепить квадратные усики, он будет похож на Гитлера. Невысокого роста, щупленький, с тонкими волосиками и с высоко задраным подбородком.

— Я — Марина.

— Ясно, — сказал совершенно равнодушно и кивнул Мышу. Тот многозначительно посмотрел на меня, потом на Гитлера... ой, Гройсмана и собрался удалиться. И мне вдруг стало страшно. Все же я их более или менее знала. Точнее, даже не знаю, как это объяснить, нас связывало что-то с моим прошлым, и уход Мыша заставил чувствовать себя неловко и очень неудобно, а еще мне хотелось понимать, что со мной будет.

— Подождитеее! — я бросилась за ним, схватила его за рукав. — А я? А со мной что? Он когда придет? Он что-то говорил насчет меня?

— Нет. Мне велено оставить вас здесь. Это все, что господин сказал мне.

— Аааа... а он сам... он придет, он...

— Это мне неизвестно. До свидания.

И пошел к машине. Хотела было сказать еще что-то, но промолчала, подняла руку и опустила.

— Пройдемте, у нас нет времени, у вас сегодня встреча с парикмахером, косметологом и дизайнером.

— Что?

— Парикмахер и дизайнер вас уже ждут.

— А можно сначала поесть?

— Нет!

И быстрым шагом пошел вперед, а я бросилась за ним следом.

Они ушли, а я стою перед зеркалом и смотрю на собственное отражение. Там вроде бы я, а вроде бы и не я. Девушка в зеркале похожа на выхоленную куклу с аккуратно уложенными локонами темными волосами, достающими до бедер. Ее ногти блестят от светло-розового лака, лицо пахнет кремом, как и все тело. На ней надето платье из тонкой шерсти, молочного цвета чулки с кружевными резинками, невероятное нижнее белье тоже белого цвета и домашние тапочки, которые скорее похожи на дорогие туфли. Я боюсь пошевелиться, чтобы образ куклы не растаял. Он мне слишком нравится, он будоражит, он пахнет совсем другой жизнью, которой у Марульки никогда не было. А вот там... там княжна, там та девушка, которой Марулька мечтала стать. У нее красиво подведенные жгуче-зеленые глаза с длинными черными ресницами и персиковые губы, тонко намазанные вкусно пахнущим блеском, у нее румянец на щеках, и ее кожа кажется перламутрово-прозрачной.

Протянула руку и тронула отражение, оно сделало то же самое, доказывая мне, что там— это тоже я. А потом вдруг не смогла сдержаться и громко, как сумасшедшая идиотка, завизжала. Уши заложило, запекло, а я прыгала от радости, заскочила на диван и принялась прыгать уже на нем. Вся комната уставлена коробками с одеждой, обувью. И я среди вороха этого великолепия подбрасываю вещи вверх и ловлю их.

Двери в комнату распахнулись, и на пороге застыли Гитлер со своей Евой Браун. Она же Виолетта. Она же моя надзирательница, домомучительница и царица зверей (то есть слуг, которые напоминали мне стайку мышей). У нее какая-то пасмурная прическа на макушке в виде ракушки из блондинистых волос с жемчужным оттенком, педантичное выражение лица, тонкие губы, накрашенные бордовой помадой, и изысканный брючный костюм бежевого цвета. На меня она смотрит, как на идиотку, и, если бы в ее руке появился лорнет, я бы не удивилась.

— Что за вопли? — недовольно проворчала. — Спускайтесь оттуда. Вас ждет обед.

Гитлер раздраженно пожал плечами и вышел из комнаты, а я слезла с дивана и принялась подбирать вещи, но Виолетта схватила меня за руку.

— Деточка, для этого здесь есть слуги, или вы хотите переквалифицироваться в одну из них?

Судорожно стлотнула и высвободила руку. Щеки вспыхнули от злости. Как будто она прочла в моих мыслях, что я и так долго была слугой, уборщицей туалетов, поваром, швеей и кем только не была. Как будто я недостойна стать кем-то большим...

— Не хочу.

— Вот и славно. Прекращайте скакать, садитесь обедать.

— А после обеда?

Она пожала плечами.

— Ничего. Можете быть предоставлена сама себе. Никаких других распоряжений я пока насчет вас не получала.

Обед состоял из трех блюд. Но все выглядело очень постно, скучно и неаппетитно. Рисовый суп с вареной курицей, чечевичная каша с овощами и на десерт морковный пирог. Все это время Виолетта следила, чтоб я ела вилкой и ножом, сделала мне три замечания, чтобы я не чавкала и не глотала воду, как голодная собака. Она именно так и сказала.

— А кроме воды есть что-то еще? Ну там компот, фанта, кола?

— Человек должен употреблять только воду. Все остальное вредит здоровью и работе желудочно-кишечного тракта.

— А колбаса или...

— Нет. Это тоже вредно. Завтра на обед будут индюшачьи отбивные. Сегодня постный день. По четвергам мясо только в супе.

Отрезала она и демонстративно отпила воды из стакана.

Бред какой-то. Я не хочу постоянно пить только воду и есть вот эту невкусную пищу. Пусть сама ее ест. Даже обеды в доме отца были вкуснее, чем вот это вот все. После обеда от меня отстали, а я с непривычки никак не могла освоиться ходить в платье, чулках и каких-то невероятных тапочках на каблуке. А еще мне ужасно мешали волосы, и я постоянно собирала их в хвост, но Виолетта появлялась как черт из табакерки и стягивала резинку с моих волос.

— Почему?

— Он так хочет. Одно из условий — распущенные волосы. В любое время он хочет видеть вас с распущенными волосами.

ОН. Ни имени, ни фамилии, ничего. ОН. Просто ОН.

— Кто он?

— Господин.

— А кто он — господин? У него есть имя? Фамилия? И вообще...

— Никто с вами личность господина обсуждать не будет, а вы научитесь задавать меньше вопросов, а еще лучше молчать. Молчание — золото. Слышали такое высказывание? Или вас... откуда вы там... такому не учили?

— Слышала.

— Вот и чудесно. Воспользуйтесь им.

Когда она удалялась, я показала ей язык и внезапно осталась одна. По крайней мере мне не запрещали перемещаться по дому, чем я и воспользовалась. Я принялась исследовать его и заходить в каждую комнату и в каждый угол, восхищаясь роскоши, дотрагиваясь руками до чистых, блестящих поверхностей. Мне здесь нравилось. Я бы хотела вот так жить. В

таком роскошном доме, одеваться в такие красивые вещи, пахнуть кремами и духами и спать на огромной постели, застеленной шикарным покрывалом.

В доме оказалось около десяти комнат, огромная кухня, баня в том домике на улице, библиотека и два кабинета, а еще огромный зал с камином, мягкими диванами и телевизором размером во всю стену. Сейчас, когда я брожу по этому дому в новых вещах и в тапочках на каблуке, мне кажется, что я красивая, умная, что я невероятно везучая и попала в самую настоящую сказку. В девятнадцать многое может показаться сказкой, а плохое забывается так же быстро, как после дождя выходит солнце.

К вечеру я обошла почти весь дом. Ознакомилась с техникой и даже выучила, какой пульт от чего в этом доме. Серый от кондиционера, черный от телевизора, второй черный от музыкального центра, белый от подсветки в спальне. Эта подсветка меня озадачила почти на целый час. Я включала ее, выключала, меняла цвета и от восторга забывала дышать, когда мягкий свет струился по полу и из лампочек под потолком, создавая таинственную и завораживающую атмосферу в спальне, и так сводящей с ума своей роскошью. Едва я в нее вошла, то впала в ступор и стояла с открытым ртом, пока Гитлер пультом открывал жалюзи, впуская яркое осеннее солнце.

Вся стена позади спинки кровати состоит из окон, как и половина потолка. Так, что кажется, как будто ты на улице и в тебя летят осенние листья. А кровать размером ... я даже не знаю, с чем сравнить, но я точно могу на ней спать и вдоль, и поперек и Айсберг тоже, несмотря на свой исполинский рост.

От мыслей об Айсберге вдруг дернулось сердце. Он приедет? Он здесь вообще живет? Скорее всего, нет, если говорил о какой-то резиденции. В которой наверняка обитает его жена... Она ведь есть. И снова от мысли, что у него другая женщина, внутри стало холодно и как-то не по себе.

Ближе к вечеру я включила на всю громкость телевизор, найдя какой-то сериал, схватила книгу из библиотеки, и это оказался Достоевский «Идиот». Она почему-то лежала там на столе и попалась мне в руки самой первой. Захотелось перечитать.

Открыла и тут же прочла:

«Ограниченному обыкновенному человеку нет, например, ничего легче, как вообразить себя человеком необыкновенным и оригинальным и усладиться тем без всяких колебаний».

Как будто про меня... вообразившую себя кем-то необыкновенным, а на самом деле... просто куклу, которая лежит в спальне и ждет хозяина.

Но лучше ждать и быть куклой Айсберга, чем стать тряпкой для Чумакова.

Ужин я пропустила, а Виолетта сказала, что теперь меня ждет только завтрак. И черт с ней. Валяясь поперек постели с книгой, я не заметила, как уснула.

Он приехал посреди ночи. Разбудил меня громкими шагами по коридору и настежь распахнувшейся дверью. Прошел по спальне в пальто, в ботинках,

принес с собой запах улицы, ветра, дождя и жженных листьев. Он выглядел немного уставшим. И его волосы в беспорядке разбросаны ветром, и снова он напомнил мне океан, бушующий и страшный в своей силе.

— Раздень меня.

Не поздоровался, ничего не спросил, даже не посмотрел на меня. Стоял посреди комнаты с широко расставленными ногами с этим тяжелым, холодным, непроницаемым взглядом. Я встала с постели еще сонная, немного смущенная его визитом, не привыкшая ни к чему подобному и растерянная. Внутри что-то взбунтовалось против его приказа, против этого потребительского отношения, но... я сама предложила стать его вещью и теперь должна выполнять свою часть сделки.

Расстегнула на нем мокрое пальто, замерзая от прикосновения к холодным пуговицам. Сняла и положила на кресло, затем стянула шарф с сильной шеи. Все это время мне в ноздри забивался его запах, въедался в мозги, заставлял дышать еще чаще. Мне нравилось, как от него пахнет. Этот запах волновал меня. Боязливо посмотрела в лицо Айсберга и вздрогнула от того, как он впился в меня взглядом. Стянула с него свитер, принялась складывать, но он тряхнул моей рукой, чтобы бросила. Я потянулась к вороту рубашки и дрожащими пальцами расстегнула первую пуговицу, затем вторую, судорожно глотая воздух и боясь прикоснуться к его коже.

— Обувь сними.

Опустилась на колени и принялась развязывать шнурки, затем стянула с него ботинки, сняла носки.

— Ремень.

Дернула за пряжку и тут же покраснела, увидев, как красноречиво натянута материя штанов в паху, и я вижу толстую выпуклость, уходящую вбок. Потянула за змейку ширинки, и в горле пересохло, когда увидела ткань черных трусов, обтянувших напряженную каменную плоть.

— Достань член и возьми в рот. Я хочу кончить тебе в горло. Сейчас.

И почему-то от его слов между ног все стало гореть и подергиваться. Я ощутила сокращение мышц влагалища. Непроизвольное и какое-то волнующее. Никогда раньше ничего подобного не чувствовала.

## Глава 6

Несмело потянула резинку трусов вниз и перехватила член обеими руками. Он мне не мешал, только смотрел очень пристально на мои руки, на мое лицо.

Вспомнила, как он двигал рукой вверх-вниз, и провела так же своей. Кожа гладкая, бархатистая и перекачивание вен под ладонью заставляют сжиматься и меня саму. Один раз я это уже делала, и сейчас должно получиться.

Наклонилась вперед и обхватила член губами, и почувствовала, как Айсберг весь дернулся. Выдохнул. В ту же секунду схватил меня за волосы на затылке и силой надавил на мою голову. Я подавилась и впиалась руками ему в бедра, но больше обманчивого затишья не было. Он сделал первый толчок, заставляя меня замыкать от неожиданности.

— Рот держи широко открытым, зубы прикрой губами.

Голос гортанный, с придыхом. Я его слышу, но что делать — не пойму, у меня только один рефлекс — вытащить его изо рта, вытолкнуть, избавиться, но мне никто не дает этого сделать. Он поршнем ходит у меня во рту, и я слышу глухие стоны, пальцы зафиксировали мою голову, и я не могу ни двинуться, ни пошевелиться, только принимать его и чувствовать, как брызгают непроизвольно слезы и течет слюна.

— Даааа... вот так. — толкается мощно, сильно, как до этого толкался внутри моего тела, меня тошнит, и все внутренности поднимаются вверх. От дискомфорта трясет все тело.

Мужчина резко дергает мою голову назад, избавляя от своей плоти, и я чувствую, как свело скулы, как хочется кашлять, как я задыхаюсь и по подбородку течет слюна. Опрокинул меня на ковер навзничь, навис надо мной, прихватывая мое лицо ладонью, заставляя смотреть на него, и я вижу, как он облизывает свои пальцы, и они опускаются мне между ног, скользят между складками, цепляя что-то очень чувствительное, вначале думала — не нарочно, а потом поняла, что нет... он намеренно трогает меня в каком-то таком месте, где каждое касание отдается пронизывающим током во всем теле. И мне это нравится вместе с саднящим ощущением во рту, с привкусом его члена под пронизывающим взглядом черно-синих глаз, и с его пальцами во влагалище я такая беспомощная... и мне кажется, я больше не хозяйка своему телу. Он хозяин. Там, где касается меня, там, где вкруговую мнет мою плоть, то надавливая, то растирая, заставляя то сильно закрывать глаза, то распахивать их, впинаясь в его плечи, в его шею.

— Нет..., — как-то жалобно в ужасе от непонятных накатывающих острых волн.

— Да! — выдохом с приказом, и я смотрю на его губы, и от этого властного и безапелляционного «да» все мое тело выгибает дугой, и в ту же секунду вместе с нарастающей пульсацией в меня одним сильным толчком вбивается его плоть, срывая в какую-то огненную пропасть, и мое влагалище начинает бешено сокращаться, при этом выворачивая меня в животном наслаждении, не испытываемом никогда ранее. Я что-то кричу. Не знаю, что, и мне уже все равно, как сильно он придавил мои колени к моей груди, и что его толчки настолько сильные и глубокие, что кажется, что меня продерет насквозь. Наслаждение глушит все — и растянутость, и боль от вторжения, делает оргазм невыносимым. Это мой первый оргазм в жизни. Я о нем читала, слышала, но никогда не испытывала. Под мои судороги он стонет, но не отводит взгляда от моего лица, на его лбу выступила жилка, и заблестел пот, всегда заглаженные волосы упали на лицо. Невольно протянула руку, чтобы убрать их, но он перехватил ее и грубо отбросил. Сдавил ладонями мою



грудь, сводя оба полушария вместе, вдавливая большими пальцами соски, а потом с громким «ммммммм» он вдруг вонзился очень глубоко, так, что я ощутила, где заканчиваюсь, продолжая мять мою грудь, запрокинул голову, скривился, задержался очень быстро в самой глубине меня и потом резко вышел, и скатился на спину. Тяжело дышит, как и я. Какое-то время мы лежим молча. Я скрестила колени и перевернулась на бок, лицом к нему.

Мой любовник, мой первый мужчина, чье имя я не знаю и ничего о нем не знаю. Мне виден его четкий профиль, ровный крупный нос, линия выпуклых губ, большой широкий лоб и выдающийся слегка вперед подбородок. Сейчас он кажется мне еще красивее и мужественней. Мне очень хочется до него дотронуться и после секса, хочется близости... какого-то тепла, но я помню, как он отбросил мою руку, и второй раз попробовать страшно.

— Иди помойся. К следующему разу я хочу, чтобы ты все волосы убрала. Мне не нравится растительность между ног. Скажи Виолетте.

Стало ужасно стыдно, и вся краска прилила к лицу. Не сдержалась и зло выпалила.

— А я не люблю волосы на лице.

Резко повернулся ко мне, и я вся скукожилась от его взгляда.

— А кого здесь волнует, что ты любишь, а что нет.

Как же сильно задевают его слова. Ранят. От них становится больно внутри, и все то ощущение близости, которое возникло, когда он меня брал, вдруг исчезает, испаряется, оставляя какое-то разочарование и презрение к себе за то, что он может со мной вот так...

— Но вам идет борода, — продолжаю я, — никогда раньше не нравилось. А вам реально идет.

Сел рывком на ковре, выпрямился, а я засмотрелась на широкую сильную спину. Покусала губы, не зная, что еще сказать, и в этот момент в моем животе заурчало. Стало совсем неловко.

— Я... не ужинала.

— Ужин был в семь вечера.

Встал на ноги, сбросил штаны и трусы, рубашку отшвырнул в сторону и прошел босыми ногами по ковру к постели. Не удержалась и проводила его восхищенным взглядом. Когда-то я рассматривала известные скульптуры в коллекционной книге отца, и тело Айсберга напоминало тела греческих богов. Особенно Зевса.

— А я голодная сейчас, а не в семь.

— Там нечего есть. Все свежее будет приготовлено завтра. Иди в постель.

Лег на кровать, закрыл глаза и уснул почти мгновенно. Я сходила в душ, постояла под теплыми струями воды, поиграла разными направлениями и силой

воды. Потом с любопытством потрогала себя между ног, выискивая, где именно было настолько приятно, когда он меня трогал. Нашла свой клитор. Его теперь щипало от потертости. Странно, но, когда я там трогала и терла, оргазма не было... хоть и было хорошо. Еще глубже опять болело после вторжения, и чувствовалась припухлость. Когда-нибудь это должно пройти, я думаю. Я привыкну к нему. Все мое тело привыкнет. Я хочу, чтобы ему было со мной хорошо... тогда я дольше смогу находиться в этом доме.

Желудок буквально сводило от голода. Я побродила по спальне и все же решила выйти на кухню. Ведь этого никто не запрещал. Только в чем выйти... все мои вещи сложены в шкафу, а если я начну там ковыряться, Айсберг услышит. Я не придумала ничего лучше, чем натянуть на себя его рубашку. Наверное, он отправил бы ее в стирку.

Спустилась вниз, пробралась воришкой на кухню, включила свет. Первым делом изучила содержимое холодильника. Уныло. Там практически ничего нет. Только яйца, масло, молоко, немного сыра и свежие помидоры. Вот и отлично, я сделаю фирменный мамин омлет. Прошлась по ящикам в поисках муки. Нашла разного вида. Потом еще полчаса разбиралась с электропечкой, у отчима были старые газовые модели на кухне. Он покупал что-то новое только тогда, когда старое не поддавалось ремонту. Но у меня врожденное интуитивное умение со всем разобраться, все включить. Я очень любопытная и никогда не сдаюсь, а еще мне нравится учить что-то новое.

Через пару минут я уже взбивала венчиком яйца и разогревала масло на дорогой сковородке. Вылила в нее вкусно пахнущую яичную массу, потянулась за солью и вдруг услышала за своей спиной.

— Ты что здесь делаешь?

От неожиданности подпрыгнула и обернулась. Айсберг, раздетый по пояс, стоит в кухне и смотрит на меня с нескрываемым любопытством.

— Омлет. Хотите, я и вам приготовлю?

— Приготовь.

Ответил быстро и уселся за стол, выбил из пачки сигарету, потянул ее зубами и поднес к ней зажигалку. Сейчас он не был похож на олигарха, выглядел моложе и не так холодно.

— Я так понимаю, что правила тебя особо не заботят, и ты любишь их нарушать? — спросил и склонил голову вбок, выпуская кольца дыма в мою сторону.

— Я просто очень проголодалась, — ответила и накрыла сковородку крышкой, наблюдая, как начал подниматься омлет.

— А мою рубашку кто тебе разрешил взять?

— Я... я верну, постираю ее и верну. Я с ней ничего не сделаю. Я просто не хотела вас будить и...

— Сними ее.

Я судорожно сглотнула, не понимая, говорит ли он это серьезно. На мне ведь только она и трусики.

— Под ней ... почти ничего нет.

— Я не спросил, что есть под ней. Я сказал тебе снять мою вещь немедленно.

— На мне под ней ничего нет. Я же готовлю есть.

— Вот и готовь в одних трусах, чтобы научилась не брать чужое.

Я расстегнула рубашку, хотела швырнуть в него, но вместо этого повесила на спинку стула.

— Давай готовь дальше, я тоже проголодался, — сказал и откинулся на спинку стула, затянулся сигаретой и выпустил дым в мою сторону.

Я поставила перед ним тарелку с омлетом и перед собой тоже. Неловкость все еще заставляла щеки гореть, но выбора особо и нет, а голой он меня уже видел. Засунуть поглубже свой стыд и гордость. Иначе я с ума сойду. А я жить хочу, а не винить себя и грызть. Сейчас хочу жить. Сегодня. Моя жизнь всегда была не моей. Мои решения, мое мнение, у меня ничего этого не было, и пусть я игрушка этого равнодушного и холодного олигарха — это я решила быть игрушкой и это мой выбор.

Этот его взгляд... Мурашечный. Такой пронизывающе холодно-обжигающий. Как будто хочет сожрать вместе с омлетом. Мне нравилось и в то же время пугало. Мне многое в нем нравилось и пугало. Его манера молчать, его манера смотреть исподлобья и шуриться, его медленные жесты, его стиль одежды и завораживающе поставленный голос. Каждый слог выверен, тембр отчетливо ясный. Мне казалось, что он прекрасно справляется с оружием, что его руки ничего не боятся.

Села напротив, отковыряла кусок омлета вилкой и отправила в рот. Грудь при этом скользнула по столешнице, и, соприкоснувшись с холодом, соски напряглись. Стыдно и в то же время как-то паршиво возбуждающе вот так сидеть перед ним почти голой. Касаться грудью стола и есть. Он же медленно жевал и смотрел на мой бюст, облизывая языком жирные от масла губы, и от этого взгляда соски становились тверже, вытягивались, реагируя, как на прикосновение.

В горле пересохло, и мне почему-то захотелось, чтобы он прикоснулся ко мне по-настоящему. Подумала об этом и сдвинула вилку сильнее.

— Почему вы все время молчите?

Мне нужно было заговорить, иначе казалось, что я сойду с ума от этого молчания. Как будто я действительно вещь и пригодна лишь для одного. И ему жалко произнести хотя бы слово.

— А о чем ты предлагаешь говорить с тобой?

Сказано с пренебрежением и явно издевательски. Жует и смотрит на меня, ожидая ответа.

— О чем угодно. Я не так глупа, как вы думаете?

— Правда? — он словно искренне удивился.

— Представьте себе.

— Меня мало волнуют твои умственные способности. Мне гораздо больше нравится пользоваться твоим телом.

— И вас совершенно не волнует, что нравится мне? О чем я думаю? Как отношусь к вам?

— Абсолютно не волнует.

И опять тишина. Он ест, я ковыряюсь вилкой, потому что от его слов аппетит пропал, и я ощутила себя ужасно грязной. Но если молчать, то я словно соглашусь с его словами о том, что я тупое ничтожество, способное только раздвигать ноги.

— Я придумала вам имя, если вы не хотите называть свое. Мне кажется, оно вам очень подходит.

— Да? И какое же?

Оказывается, разговор о нем самом вызвал неподдельный интерес. Он даже слегка подался вперед, и в синих радужках появились холодные голубые искорки любопытства.

— Айсберг.

— Айсберг? — густая бровь приподнялась, и он удивленно усмехнулся уголком рта. Мне опять подумалось о том, что у него красивый рот. Особенно нижняя губа. Такая мягкая и полная. А ведь он ни разу меня не целовал. Я знаю, что такое секс, минет, но никогда не целовалась. Какими могут быть его губы на вкус? Соленые как океан? Холодные, как лед?

— Почему именно Айсберг? — да, ему стало интересно, и у меня аж мурашки пошли по коже от азарта и радости, что вывела его на разговор.

— Потому что вы... вы похожи на лед. Холодный, далекий, недостижимый, с опасной тайной. Я всегда сравнивала людей со стихией, с кем-то или чем-то... подыскивала им подходящие образы. Вот ваш... Гройсман похож на Гитлера. У него жиденькие волосики, усы квадратиком, и он ведет себя, как надутый индюк.

Айсберг усмехнулся и откинулся на спинку стула.

— Гройсман бы очень удивится такому сравнению. Ведь он еврей.

— Ганс Франк — доверенный человек фюрера утверждал, что и Гитлер — еврей со стороны деда, но он желал навсегда стереть какие-либо упоминания об

этих корнях и ужасно их стыдился. Вот почему он был таким ярким антисемитом.

Голубые искорки любопытства стали ярче, а Айсберг положил вилку и внимательно на меня смотрел.

— Что еще ты знаешь о Гитлере?

— Например то, что он сожительствовал со своей родной племянницей Ангелой и сделал ее своей любовницей, а потом приказал ее убить, потому что она начала угрожать его политической карьере.

Айсберг склонил голову набок, казалось, он ужасно заинтересован.

— Он ужасно любил ее и после ее смерти развесил во всех комнатах портреты.

— Думаешь, можно убить того, кого сильно любишь?

— Любовь похожа на ненависть, она столь же сильна... Наверное, его любовь к ней граничила с ненавистью, ведь он понимал, что их отношения — инцест, и эти мысли вводили его в диссонанс. Он переставал казаться себе...

— Иди сюда...

Медленно положила вилку и встала из-за стола. Посмотрела на прищуренные глаза Айсберга и ощутила снова эту жаркую волну внизу живота. Это невероятно мощное возбуждение. Ни одного логического объяснения, почему мое тело реагирует на него именно так. Подошла вплотную, он протянул руку и усадил меня к себе на колени, лицом к лицу. Теперь моя грудь колыхалась у самого его рта, а бедра обхватывали его ноги. Тонкий шелк трусиков не защищал мою плоть, и я чувствовала жесткость его штанов и выпирающей ширинки.

— Продолжай свою мысль.

— Гитлер переставал казаться себе идеальным, кристально чистым, каким видел истинного арийца. Она пятнала его..., — приподнял меня, сжимая мои бедра, высвобождая член...

— Дальше!

— Пятнала его репутацию.

— И... ты считаешь, что он убил ее только потому, что она начала угрожать его карьере? Женщину, которую якобы любил?

Отодвинул пальцами трусики в сторону и одним сильным движением усадил на свой член. Я охнула и впилась руками ему в плечи. В унисон со мной он глухо выдохнул. Теперь мне казалось, что я нанизана на него сверху, и эти сильные руки удерживают меня за бедра, не давая пошевелиться.

— Ангела заявила, что хочет оставить его и уехать, после этого ее тело нашли в их квартире. Ее избили, а потом застрелили. Я не знаю, почему... возможно, была иная причина...

Айсберг схватил меня за руку и потянул вниз, туда, где наши тела соприкасались. Моя собственная рука легла на мою промежность. Хотела двинуться на нем, но мне не дали. Приподнял мои ноги под колени, укладывая их на ручки стула, а меня облокачивая спиной о стол.

— Нет. Я хочу, чтобы ты кончила, как в прошлый раз.

Растерялась...

— Это... вышло случайно.

— Мастурбируй.

— Я... я не умею.

— Ложь. Умеешь. Ты трогала себя в ванной. Трогай там же.

От мысли, что в ванной камеры и он наблюдал за мной, вся краска прилила к щекам еще сильнее. Особенно под его взглядом. Мужчина смотрел туда, где расположились мои пальцы. Он провел ими по клитору и поднял на меня взгляд потемневших глаз. Вблизи его лицо казалось еще красивее, мужественнее, а похоть искажала черты и делала их заостренными, резкими. Мне ужасно захотелось его поцеловать.

— Вот здесь. Да..., — одобрительно кивнул, когда я начала водить пальцами по кругу, перехватил и начал двигать ими вверх-вниз, потом отнял мою руку, поднес к своему лицу и выпустил слюну на подушечки, и снова уже мокрые опустил вниз. От влажного скольжения по напряженному бугорку по телу прошла волна дрожи, а распирающая изнутри мужская плоть стала еще тверже. Мои пальцы доставляли сейчас намного больше удовольствия, чем когда я была одна, и оно закручивалось спиралью вокруг твердеющего узелка, пульсировало в нем, нарастало, заставляя соски набухнуть, низ живота сладостно занять, а бедра подрагивать. Я понимала, что оно приближается, то наслаждение... оно не случайно. Он умеет его давать мне. Все в нем пробуждает во мне какой-то непонятный голод.

— Быстрее... еще быстрее. — спираль закручивалась все сильнее, я задыхалась, смотрела ему в глаза, и казалось сходила с ума. Едва я ощутила, что сейчас сорвусь, он тут же перехватил мою руку, не давая двигать ее дальше, наклонился и втянул в рот мой сосок, я жалобно всхлипнула и тут же ощутила мощный толчок его члена, который скользнул набухшими венами по раздраженной плоти и сдернул меня в самую адскую бездну оргазма. Я, кажется, закричала, а меня начали бешено нанизывать на ритмично вдирающийся внутрь поршень. Я извивалась, цеплялась за его плечи и даже за волосы. Мои судороги были настолько сильными, что казалось, я сейчас умру от этого наслаждения. Внезапно он поднял меня, судорожно сжимающуюся, задыхающуюся, и уложил спиной на стол, вдавливая все сильнее, глубже, пока вдруг не зарычал, не извлек член, зажимая его между нашими телами и обхватывая мокрый от наших соков пенис моей рукой, кончая мне в ладонь с хриплым стоном.

Через несколько секунд приподнялся и посмотрел мне в глаза, потом потрепал меня по щеке, как собачку.

— Все же мне больше нравится, когда ты стонешь подо мной или сосешь мой член.

Стало почему-то очень обидно. Мне казалось, после секса говорят что-то другое... Нет... мне хотелось, чтобы он сказал что-то другое.

— Я всегда думала, что содержанкам дают деньги на содержание. Вы мне дадите денег?

С его лица исчезла издевательская улыбка, в глазах блеснул адский холод, и голубые искры спрятались в темной заводи. Он застегнул ширинку и направился к двери из кухни.

— Так дадите или нет?

Вместо ответа дверь с грохотом захлопнулась, а я с трудом сдержалась, чтобы не запустить тарелкой в стену.

## Глава 7

В саду у Айсберга росли розы. Самые разные белые, красные, желтые и даже черные. У отчима был сад, я пыталась за ним ухаживать, но когда их дочь увидела, как я приношу в дом срезанные цветы, устроила истерику, что у нее аллергия и астма, и мне запретили, а потом и вовсе вырезали весь сад, заложили все плиткой и насажали каких-то вечнозеленых кустов. Они любили искоренять все, что могло принести мне радость.

А я любила цветы. Самые разные. И розы, и астры, и пионы, и даже самые простые ромашки с васильками. В моей комнате они все равно стояли в простых стеклянных банках. В детстве мама плела мне венки и всегда рассказывала какую-то интересную историю. Ножницы я нашла на кухне и аккуратно срезала розы, составляя букеты и композиции из разных оттенков, и украсила ими весь дом. Теперь он не выглядел так мрачно и гротескно. По крайней мере мне так казалось.

Очередной букет я принесла в кабинет Айсберга и воткнула его в трехлитровую банку (их я тоже нашла на кухне, когда вазы закончились), поставив ее посреди стола. Следом за мной в комнату вбежала Виолетта. Ее глаза сделались размером с блюдца, и она не переставала махать руками, как курица.

— Что за безвкусица! Ты что здесь устроила? Это тебе что — деревня? Что за... цирк? Что за плебейство? Цветы в банках?

— Я... я хотела украсить дом! — схватила букет и прижала к себе, видя, как та решительно направилась к банке.

— Ты его обезобразила! Где это видано! Что за деревенские замашки!

— У вас недостаточно ваз!

— Они и не нужны! Хозяин никогда не ставил здесь цветы! Им самое место в саду! Немедленно выбрось все букеты!

— НЕТ! Мне нравятся цветы!

Она сделала несколько шагов ко мне и прошипела мне в лицо:

— Послушай, девочка, ты здесь временно. Настолько временно, что даже эти цветы простоят дольше, чем ты удержишься в этом доме. И если ты думаешь, что ухватила черта за бороду, то тебе кажется! Немедленно выбрось все это безобразие!

— Не выброшу! Я здесь живу. И хочу, чтобы в доме были цветы! Пусть ваш хозяин запретит мне!

— Моего слова достаточно!

— А мне недостаточно!

Нагло посмотрела ей в глаза, и та остановилась, не решаясь наступать на меня дальше.

— Для меня важно слово только одного человека, а не ваше. Прислуга тоже обычно ненадолго.

Ее не просто задела мои слова, она так тряхнула головой, что очки свалились с одного уха, и ей пришлось нервно поправить их обратно.

— Я не прислуга!

— А кто?

Эти судорожные потуги найти ответ отразились на ее лице.

— Я... я более тридцати лет в этом доме! Я сейчас заставлю тебя убрать эти цветы и эту безвкусицу.

— Я поставлю снова!

Ответила тихо, но отчетливо.

— Это мы посмотрим! Уверена, что уже сегодня вечером вылетешь отсюда, как пробка. Маленькая... потаскушка!

Она извлекла из кармана кнопочный сотовый и принялась лихорадочно тыкать в него пальцами. Тяжело дыша, я держала банку прижатой к своему телу, и аромат роз забивался мне в ноздри. Они пахли, как и Айсберг, другой



жизнью, роскошью и благополучием. А от слова «потаскушка» пылали щеки и саднило в груди. Как будто там только что разодрали ногтями. Почему-то от этой холенной женщины слышать такое слово было обидно. Оно резануло и заставило проглотить слезы.

— Ожидайте, вас соединят.

Монотонный голос то ли коммутатора, то ли секретаря. Обе слушаем музыку. Классическую. Венский вальс. После отъезда Айсберга прошли сутки. Я не знаю, куда она звонила... но почему-то была уверена, что ему.

— Да! Что случилось?

От звука властного низкого голоса у меня вдоль позвоночника пробежали мурашки и нежно защекотало внизу живота. По всему телу разлилась истома. Вдруг очень сильно захотелось его увидеть. Как говорит это властное «Да! Что случилось?», как шевелятся в этот момент его губы.

— Она... эта... эта девчонка по всему дому расставила банки с цветами! Трехлитровые банки, представляете?! И не дает их убрать!

— Это экстренный номер, Виолетта Марковна!

В голосе металлические нотки сильного раздражения.

— Я понимаю и прошу прощения за то, что беспокою... но я в течение многих лет не пользовалась им... но это превосходит все мои. все границы! Это вопиюще! Людмила Антоновна бы...

— Что? Банки? Пусть Вадим съездит в город и привезет вазы. Это все?

— Нет... эта... эта девушка, она называла меня прислугой, она наглая, и я требую, чтобы вы с этим разобрались...

— Я так понимаю, вы хотите уволиться с этой должности, Виолетта Марковна? Я верно вас понял?

Она замолчала и судорожно сглотнула. А мне захотелось рассмеяться и одновременно с этим вдруг стало ее жалко. Я видела, как поникли ее худые плечи, и даже высоко взбитая прическа обмякла. Это был жестокий ответ. От неожиданности даже я обомлела.

— Нет... я...

— Я ценю ваш вклад в благосостояние этого дома и готов оплатить вам высокие отступные.

— Я не хочу увольняться.

Прозвучало тихо и очень жалко. Вся спесь Евы Браун растворилась в ледяном голосе ее хозяина. И сейчас она напоминала поджавшую хвост собачонку.

— Вот и славно. Купите вазы. И больше не звоните по этому номеру по таким пустякам, или мне самому придется попросить вас уйти на пенсию. И... пусть Марина делает все, что захочет, в рамках разумного.

Развернувшись на каблучках, она выскочила из кабинета, а я водрузила трехлитровую банку обратно на стол и открыла форточку, впуская теплый октябрьский воздух. Внутри меня бушевал адреналин, взорвалось какое-то безумие. Просто от того, что ОН назвал меня Мариной... Знал мое имя. И оно прозвучало его голосом как-то невероятно необычно, как-то невероятно прекрасно. Меня ведь никто не называл Марина. Маруська, Мэри, Марьяшка. Да как угодно, только не Марина. И... он за меня заступился. Впервые за меня заступились.

Вазы привезли примерно через час. Все одинаковые — белого цвета. Я бы выбрала совсем другие, но... лучше так, чем банки. Виолетта совершенно исчезла с горизонта. Теперь меня не гнали на обед по строго определенному времени, и я сама пришла на кухню и пообедала тем, чем мне захотелось.

Не знаю почему, но меня снова и снова влекло к кабинету Айсберга. Точнее, я знала почему. Мне хотелось узнать о нем хотя бы что-то. Даже они не называли его по имени. А я хотела знать, как его зовут.

К вечеру я вернулась туда снова. На улице разбушевался ливень. Монотонный, осенний с одинаковым шумом стекающей воды с пожелтевшей листвы, ударами по крыше и ровными потеками на стеклах. Когда-то мама говорила, что если дождь косой, то он ненадолго, а если прямой, то будет лить сутками, особенно если на лужах есть пужири.

Во дворе зажглись фонари, охрана протащилась под окнами в своем очередном рейде вокруг дома. В плащах с фонариками и рациями они прошлись черной стайкой, как Ночной дозор, и исчезли в мокром тумане. Кого и от кого охраняют — загадка. Потом я польстила себе, что они охраняют меня, и стало приятно.

Я залезла на большое кожаное кресло и покрутилась в нем несколько раз вокруг своей оси, пока не затошнило, как на карусели, тогда я начала крутиться в обратную сторону. Потом не смогла преодолеть любопытство и отодвинула первый ящик стола. Нашла там конверты, шариковые ручки, какие-то бумажки. Во втором — несколько толстых папок, а самый нижний оказался заперт на ключ. Вспомнила, что отчим хранил ключи от ящиков на полке с книгами. До полки я не доставала, подтащила к ней стул, влезла на него и покопалась в книгах, за ними, но ничего не нашла. Но сами книги привлекли внимание. Старые переплеты многотомников классики. Одинаковые с серебристым и золотистым теснением, завитушками на выбитых буквах. Одна из книг чуть выдавалась вперед, как будто ее недавно второпях поставили. Я вытащила ее и посмотрела на обложку «Теодор Драйзер. Финансист». Книга старая, пахнет временем, пахнет застоявшейся бумагой. Мне нравился запах книг. Они словно хранили в себе аромат времени. Как будто впитали его в себя с каждым днем, годом и десятилетием.

Я открыла ее, пролистала и... с удивлением обнаружила маленький ключик. Скорее всего, от того самого последнего ящика.

Спрыгнула со стула, подбежала к столу и с детским восторгом открыла замок. Там лежал фотоальбом в темно-бордовой бархатной обложке. Я достала его, водрузила на стол и с трепетом открыла первую страницу.

На ней маленький ребенок сидит верхом на лошадке, и внизу подписано «Пете три года». Что-то неприятно кольнуло внутри... Вначале подумала, что это сын Айсберга. Похож немного, но смутило, что фото черно-белое и совсем не новое. Потом мальчик с глобусом «Петру семь лет», волосы совсем светлые, улыбка такая лучезарная, на щеке ямочка, затем парень с велосипедом, накачанным телом, сильными руками и длинноватыми русыми волосами «Петру тринадцать лет», фото уже цветное, и видно ярко-синие глаза мальчика, и черты лица заставляют сердце биться быстрее. Перевернула еще страницу и вздрогнула, увидев Айсберга в военной форме, без бороды с такими же синими глазами, светлыми волосами, свисающими челкой на лоб, уже знакомой ухмылкой, и подпись красивым каллиграфическим почерком явно женской рукой: «Петр. Двадцать два года. Скоро дембель». На следующей фотографии он с девушкой, но я не успела рассмотреть.

Кресло было развернуто молниеносно. Так, что я от ужаса вскрикнула. Альбом вылетел у меня из рук, и я увидела искаженное яростью лицо Айсберга. Пощечина была настолько сильной, что меня снесло с кресла на пол, и во рту появился солоноватый привкус, он поднял меня рывком с пола и за шею вдавил в стену. Его руки оказались ледяными и влажными после дождя, а глаза так близко возле моих глаз, и они почти черные от ярости. Мне показалось, что этот человек может меня удушить одной рукой, сдавить посильнее и сломать меня, как куклу. Я ведь совершенно его не знаю... может быть, он сумасшедший.

— Никогда! Не смей! Трогать! Мои вещи! Еще раз увижу и оторву тебе голову!

Схватил меня за шкурку и вышвырнул из кабинета. Я проехала животом по полу, вскочила на ноги и бросилась к себе в комнату, закрылась в ней на ключ, сползла по стене, прижимая одну руку к шее, а другую к щеке, и глядя застывшим взглядом в темноту комнаты.

Послышались шаги по коридору, и я вжала голову в плечи, но он прошел мимо, сбежал по лестнице, затем от дома отъехала машина, и я с облегчением выдохнула, всхлипнула и по щекам покатились слезы.

Уснула, свернувшись калачиком в кресле, после того, как долго прислушивалась к звукам за окном... чтобы не пропустить, если он вернется. Но он не вернулся. Я так и не узнала, зачем он приезжал. А утром Гитлер принес мне на подносе серебристую банковскую карту, демонстративно поставил поднос на стол и сказал:

— Хозяин передал и сказал, можете использовать без ограничений. Глеб готов отвезти вас в любой магазин, какой пожелаете. После завтрака, разумеется.

Первой мыслью было послать их всех к чертям, а эту карточку разломать на мелкие кусочки и швырнуть в невозмутимую рожу Гитлеру.

Потому что я всю ночь лежала и смотрела в темноту, глотая слезы. Мне больше не хотелось здесь оставаться, не хотелось, чтоб меня унижали, заставляли раздеваться, трахали и... били. Я ведь могу уйти, могу устроиться

на работу, могу... могу пока переночевать на пресловутом вокзале, как мне пророчила мачеха. Наверное, так было бы правильно.

Мне стало себя ужасно жаль. Мне захотелось стать маленькой, залезть на колени к маме и жаловаться ей на все, а она чтоб гладила меня по голове, целовала и говорила «моя маленькая Мэри, когда ты вырастешь, ты обязательно станешь принцессой, ты будешь счастливой... ты будешь любимой. Ты даже не представляешь, сколько всего тебя ждет впереди».

Принцессой? Мамочка, какая из меня принцесса? Подстилка — да, проститутка, содержанка... а принцесса... принцесса умерла вместе с тобой и похоронена на старом кладбище в том проклятом городе. Нет у меня шансов стать принцессой. Мне бы человеком хотя бы стать, выучиться...

Я смотрела на карточку, и внутри меня поднималась волна злости. А какого черта я не возьму ее и не порву его лимиты, или как они там называются? Какого черта я не воспользуюсь тем, что мне дают? Он же пользуется мной! И эта пощечина будет ему дорого стоить. Не дождется, чтоб я ушла босиком и спала на вокзале, а он так дешево от меня отделался, после того как брал меня, как оставлял на мне следы своей спермы.

Я выхватила карточку и, сверкнув глазами, прошла в ванную, прихватив за собой огромное покрывало.

— Змея зеленоглазая. Ведьма... — услышала себе вслед шепот Гитлера. — Давно ее надо в шею... а он ей карточки.

Наверняка ему нажаловалась его Виолетточка, и вместе они мне перемывали кости. Гитлер!

Я долго и яростно чистила зубы, язык, щеки. Потом полоскала рот каким-то чудесным бальзамом, потом умывалась принесенными косметологом водичками с разными названиями, подписанные для меня от руки. На скуле остался след от пощечины, от пальца. Я замазала его тональным кремом и еще раз подумала о том, что он пожалеет об этом и о том, что дал мне карту, тоже пожалеет.

Хотя... раз мечталась. Там, наверное, установлены лимиты. Он же не дурак, давать какой-то девке много денег. От этой мысли настроение ухудшилось, но я собиралась потратить то, что там есть. Вот прям решительно настроилась от всей души.

А еще... я хотела получить свои документы и открыть счет в банке. И то, что будет давать мне Айсберг, буду класть туда. В голове щелчком всплыло его имя. Петр. Ни разу не встречала мужчин с таким именем вживую. Хотя в гостинице бывало много постояльцев, и я бегала с записной книжкой и пофамильно разносила по номерам то заказы, то покупки. Я помнила только одного человека с таким именем — царя. Петра Великого. Как любитель истории, я в свое время много прочла и художественных, и книг-биографий. Особенно про времена правления этого государя, и мне показалось, что имя Петр подходит Айсбергу. Оно такое же каменное, стойкое, жесткое и беспощадное, как и он сам.

Так как я не знала ни одного названия магазинов, я попросила Глеба отвезти меня туда, где эти магазины имеются, и волочиться за мной, пока я выбираю

себе вещи. В отличие от многих других, Глеб был моложе и разговорчивее. Он охотно рассказывал мне об улицах столицы, отвечал на вопросы, когда я что-то спрашивала, и терпеливо ждал меня в магазинах, и даже оценивал то, что я выбрала. Ему, кажется, нравилось, а мне и подавно.

В первом магазине я набрала себе коротеньких платьев, разноцветных и блестящих кофточек, юбочек, мне казалось, что я трачу немереное количество денег, и у меня от этой вседозволенности кружилась голова. Я отволокла весь ворох вещей на кассу и с трепетом расплатилась карточкой, ожидая, когда та окажется пустой в конце то концов, но вся сумма прошла, и я направилась в обувной, там прикупила ко всем ярким шмоткам яркие туфли и кеды. Я вообще любила спортивную обувь. Потом я окончательно разошлась и приобрела себе курку косуху, пальтишко и жилет, шапку с шарфиком, несколько сумочек. Кучу разной бижутерии с цыганскими браслетами и серьгами, ворох трусов и лифчиков, колготки (к чулкам я так и не привыкла, и с ними попа мерзнет). Со всеми этими пакетами я прошла мимо магазина с игрушками, вернулась к витрине с огромным медведем. Сердце болезненно заныло. Я дернула дверь магазина, но он оказался закрытым. Я ужасно расстроилась.

— Что вы там увидели? Я могу привезти вас сюда завтра. — Глеб сделал музыку тише и посмотрел на меня, сидящую на заднем сиденье с ворохом пакетов.

— Точно такого же медведя мне подарила когда-то мама. Потом его выкинули. Помню ту страшную трагедию. Я плакала, у меня случилась истерика, и я бегала по помойке и искала его в мешках с мусором. Так и не нашла. Домой вернулась грязная, вонючая. Меня за это побили половой тряпкой и отправили мыться. Медведя называли ненужным хламом и сказали, чтоб я о нем забыла.

— Сочувствую... А где сейчас ваша мама?

— Мама умерла, когда я была маленькой... А отчим выкинул все, что ей принадлежало, кроме украшений... Их он заложил в ломбард и так и не выкупил. Там было мамино колечко и браслет. Больше у меня не было ни игрушек... ни украшений.

Больше он ничего не спрашивал, а я молча смотрела в окно. Иногда чувствовала, как Глеб поглядывает на меня, потом он включил музыку и приоткрыл окно, впуская свежий воздух, и, потряхнув головой, попыталась избавиться от воспоминаний. В конце концов я куплю себе этого медведя завтра и, вообще, еще много всего себе куплю. Пусть я никогда не стану принцессой, но я хотя бы ненадолго себя ею почувствую.

Под ошарашенные взгляды Виолетты и Гройсмана Глеб заносил пакеты с вещами наверх. Я ликовала и с трудом сдерживалась, чтобы не показать этим снобам язык.

Оказавшись в своей комнате, я врубила музыку и все перемеряла снова. Я скакала по кровати в разных платьях, вертелась перед зеркалом, надувала губы и строила себе глазки. Я даже представляла, как Айсберг увидит меня в этих платьях, как будет снимать их с меня своими большими руками... и смотреть. Так смотреть, как никогда не смотрел, а потом он войдет в меня, и я забуду обо всем на свете. От мысли об этом вспыхнули щеки и заныло

внизу живота. Одновременно понравилось думать о нем и нет... Я не понимала, что именно чувствую, не понимала своего влечения к этому человеку. И не могла пока в этом разобраться. Он ударил меня, и я должна его ненавидеть... Но я знала, что рылась в его вещах, и это было ужасно некрасиво. Мне хотелось представить себе, как он приедет, как обхватит мое лицо ладонями и извинится за пощечину. Я даже слышала его голос у себя в голове «Марина, прости меня». Он будет ласкать меня, трогать между ног... рука скользнула вниз под трусики. Растирать меня там вот так. Глядя себе в глаза в зеркало, я терла свой клитор, покрываясь мелким бусинками пота, представляя, что это его руки... было приятно, горячо, даже что-то поднималось внутри, но оргазма не случилось.

Позже я с любовью развешивала все купленное в шкафы, раскладывала по ящичкам. Когда в доме стихли все звуки, я забралась на постель, достала купленный шоколад и наелась им до отвала. Так и уснула на в куче развернутых фантиков.

Утро началось для меня с того, что все купленное мной выносили из комнаты. Я вскочила с постели и прямо в ночнушке побежала за слугами.

— Куда? Зачем? Я все это только купила. Вчера! Куда вы это несете?

Меня трясло от непонимания, от ощущения отчаяния и разочарования. Они уносили все, что я купила, паковали в мусорные мешки и вышвыривали на улицу в контейнер.

— Отдайте! — орала я и бежала следом, хваталась за пакеты, колотила по их спинам. — Кто вам позволил все это выбрасывать? Вы ненормальные! Это же стоит денег! Больших денег! Я все это купила! Кто вам позволил?

— Я!

От звука голоса подпрыгнула и резко обернулась. Айсберг стоял внизу, разодетый, как для журнала, в светло-голубую рубашку, темные штаны, которые прекрасно подчеркивали его рост и длинные ноги.

— Почему? Это же вещи... дорогие! Я только вчера их купила!

— Это не вещи. Это тряпки. Не дорогие, а дешевые, безвкусные, смешные тряпки. Я приказал их вышвырнуть.

Тяжело дыша, смотрела на него, сжимая руки в кулаки и разжимая.

— Вы... вы мерзкий. Вы знаете об этом? Вы просто отвратительный, бесчувственный самодур, который возомнил себя богом!

Я говорила и понимала, что должна именно сейчас заткнуться, прикусить язык, но не могла. Меня просто несло по течению реки под названием ярость. Меня колотило от злости до слез.

— Вам несвойственна боль, вы не умеете сочувствовать...

По мере того, как я говорила, его глаза сужались, а губы поджались.

— Истерику прекратила и пошла к себе! — скомандовал он и бросил быстрый взгляд на поглядывающих на нас охранников.

— Не прекращу! Верни... те мои вещи! Они мои! Я их купила для себя!

— На мои деньги.

— На мои! Я их заработала! — нагло заявила и сжала руки в кулаки. — У вас ведь нет кого-то, кто бы жил с вами не за деньги, да? Вы всех покупаете? Вот их вы ведь тоже купили? — кивнула в сторону слуг.

— Закрой рот! — прошипел и сделал шаг ко мне.

— Всех здесь купили. Все здесь ваше. Дом, люди... а вы сами не человек! Никакой вы не Петр. Вы Айсберг. Холодный кусок льда, бесчувственный, бесчеловечный чурбан! И никому по-настоящему не нужны! Даже той... той женщине, которая писала в вашем альбоме...

На этих словах он кинулся на меня, схватил за талию и, перекинув через плечо, понес вверх по лестнице.

— Отпустите меня! Хватит! Вы можете меня выкинуть на улицу! Я больше не хочу ваших денег! Слышите?

Колотила по его спине кулаками, но это все равно, что бить по каменной стене. Он нес меня словно пушинку, взбегая по ступенькам. Распахнул ногой дверь в спальню и впечатал меня в стену, раздирая на мне ночнушку дрожащими руками.

— Нееет! — я цеплялась за его волосы, пытаюсь оттолкнуть, но он меня не слышал, подхватил под бедра и в два шага отнес к постели, и швырнул на нее лицом.

## Глава 8

— Нет? Уверена, что нет? — злобное рычание над ухом. — Может быть, вышвырнуть тебя на улицу? Или отвезти к твоей семейке, чтобы продали еще кому-то? Или у тебя есть еще какие-то планы?

От обиды на глаза навернулись слезы, и я сдвинула руками покрывало на постели. Не ответила ему, но сопротивляться перестала, ощутила, как мужские руки задирают платье на поясицу, как сдергивают вниз трусики, думала, что сейчас он навалится сверху и войдет в меня, но вместо этого ощутила увесистый шлепок по ягодицам, взвизгнула и хотела вырваться, но он придавил сильнее за шею в кровать, не давая даже пошевелиться, только

вдыхать носом запах ванильного порошка для белья и задышаться от неожиданности.

— Это за то, что посмела повесить на меня голос!

И снова сильный шлепок, такой, что весь зад обдало кипятком и из горла вырвалось жалобное хныканье.

— Это за то, что посмела открыть свой рот при моих людях!

Это не те удары, от которых можно потерять сознание, не побои... именно унижение, какое-то едкое ощущение, и от него хочется плакать, хочется раствориться и исчезнуть. Но уже следующий шлепок заставил передумать и понять, что боль становится сильнее.

— Хватиииит!

— Нееет! Не хватит! Когда я говорил тебе молчать, ты не молчала! Ты продолжала орать свой бред! А теперь покричишь уже для меня! Запомни... мне насрать на то, как ко мне относятся! И да! Я все и всех могу купить! И мне это нравится! Слышишь? Нра-вит-ся! Потому что это власть!

Его ладонь была тяжелой и сильной, и каждый удар отзывался обжигающей болью в ягодицах и унижительным ощущением беспомощности, какого-то едкого стыда.

— Любовь проходит, а страх — никогда! И я предпочту, чтоб меня боялись!

Он шлепал и приговаривал, за что... О, Боже! Неужели я так много натворила! Пусть прекратит! Я больше не выдержу... мне больно и ужасно обиднооо стоять вот так коленями на ковре со спущенными трусами и задранном платьем и получать по заднице, как... как... я даже не знала, как кто. Из глаз лились слезы, я ерзала, я кусала покрывало и всхлипывала. Каждый шлепок сотрясал мое тело, и щека терлась о покрывало, я жмурилась и шмыгала носом.

— Хватиииит. — молила в очередной раз, мне хотелось приложить лед к ягодицам, опустить их в прохладную воду, хотелось, чтобы это прекратилось.

— Хватит? — задыхаясь переспросил над моим ухом, — Попроси прощения, маленькая дрянь!

— Проститеее... — пропищала я, радуясь передышке и чувствуя, как горит кожа после этих унижительных шлепков.

— Не так! А прости меня, пожалуйста, Петр, и трахни меня! Давай! Проси!

— Нет!

— Нет?

— Да... дадада... прости меня, пожалуйста, Петр, и... и трахни меняяя, — заливаясь слезами и чувствуя себя полным ничтожеством.



Рука легла мне на ягодицы, и я испуганно дернулась, но он больше не шлепал, а осторожно провел по воспаленной коже ладонью, едва касаясь, опускаясь ниже к промежности, раздвигая нижние губы и тут же ныряя одним пальцем внутрь лона. Вопреки всему он скользнул очень легко и глубоко, и я сдавила его изо всех сил сократившимися мышцами. По телу мгновенно пробежала волна электричества, как будто во мне одновременно уживались два человека... две меня. Одна плакала от боли и унижения, а вторая ощутила прилив крови к низу живота и нарастающую пульсацию в клиторе. В самом кончике как будто тоненькой иглой извращенного возбуждения.

— Ты мокрая..., — хрипло прошептал мне в затылок, продолжая вдавливать мою голову в кровать, палец вынырнул и коснулся той точки, которая ныла и зудела от жажды прикосновений, обвел подушечкой, слегка надавливая и потирая, и повел вверх, между несчастных ягодиц и снова вниз, скользя внутрь, выныривая и цепляя клитор. От невероятно острых ощущений задрожало все тело, мне хотелось, чтобы его пальцы не скользили, а сосредоточились там, где надо, чтобы дали мне взорваться и разреветься от облегчения, но он продолжал трогать везде, лишь слегка задевая мучительно ноющий узелок, доводя до изнеможения, пока вдруг не сдавил его двумя пальцами, обрывая меня в ослепительно острый оргазм и врываясь в мое тело членом под сильные сокращения стенок влагалища и под мои рыдательные стоны и вскрикивания, шлепая пахом по моим многострадальным ягодицам, все еще пылающим после экзекуции.

Все закончилось быстро. Он кончил через несколько мощных толчков, зарываясь лицом мне в затылок и все еще сдавливая мою шею ладонью. Его гортанный низкий стон пропустил по моему телу еще один заряд электричества, и мне казалось, что я никогда ему этого не прощу... того, как действует на меня, того, как мое тело реагирует на его ласки после такого унижения. Как же я хочу быть к нему равнодушной или ненавидеть его.

Увидела, как презерватив отправился в урну, а Айсберг последовал в ванную, а я так и осталась с торчащей кверху попкой, ноющей от шлепков, и спущенными трусиками. Кое-как поднялась на ноги, натягивая белье и морщась от соприкосновения тонкой ткани с воспаленной кожей. Вытерла слезы ладонями, судорожно вздохнув и шмыгнув носом.

Айсберг вышел из душевой и с ухмылкой посмотрел на меня, откатывая рукава и застегивая пуговицы.

— Пошли завтракать. Я голодный.

В зале он сидел за столом, а я стояла рядом с тарелкой в руках и ковырялась в ней вилкой. Сесть у меня не получилось. Ягодицы горели, ныли и саднили.

— Присаживайтесь, — ехидно сказал Гитлер и подвинул ко мне стул.

— Спасибо, я постою.

Кажется, в квадратных усах спряталась мерзкая ухмылочка, как будто он знал, почему я не могу сесть, и злорадствовал. Когда он исчез за дверьми вместе с подносом, я громко спросила у Айсберга:

— Мои документы у вас? Вы ведь забрали их у отчима?

— Мне казалось, мы сегодня перешли на ты и по имени?

— Забрали? — нарочно не соглашаясь с ним, переспросила я.

— ЗабраЛ!

Раздраженно посмотрел на меня, отправляя в рот кусочек жареного бекона.

— Я хочу их взять и открыть себе счет в банке, куда буду класть мои деньги. Вы ведь будете мне платить, верно?

Ожидала очередную вспышку ярости, но ее не последовало, он так же аппетитно откусил белый хлеб и, лишь когда полностью дожевал, ответил.

— Завтра получишь свои документы и откроешь счет. А твоим гардеробом впредь займется стилист. Теперь по магазинам ты будешь ездить в его сопровождении и с моего разрешения.

Я какое-то время молчала, доедая свой завтрак, потом не выдержала и снова спросила.

— А может, мне еще чем-то заняться?

— Чем?

— Ннне знаю. Курсы какие-то, клубы, встречи и... Я целыми днями сижу и ничего не делаю, я...

— Ты ублажаешь меня. Это единственная твоя задача. Развлекать тебя никто не обещал.

Вытер губы салфеткой и встал из-за стола. Не попрощавшись, пошел к двери, а потом спустился вниз и уехал. Он никогда со мной не здоровался и не прощался. Он вообще ничего со мной не делал... только имел и наказывал. Стало себя жалко, и я опустилась на стул, тут же вскочила с него и все же разревелась.

В банк я ездила с Глебом. Он приехал после обеда и отвез меня в отделение VIP клиентов, где мне выделили отдельную комнату с личным банкиром. Девушка была очень услужливой. Она открыла мне счет и выдала серебристую карту, наподобие той, что мне давал Айсберг. Вопросов не задавала, только сфотографировала меня с документами, угостила кофе и провела нас до дверей.

Это было очень странное чувство — сидеть там, как совсем взрослая и самостоятельная, со своим паспортом и открывать счет. Я ерзала на мягком кресле почти зажившей задницей, осматривалась по сторонам и ощущала снова этот соблазнительный запах иной жизни. Меня многие не поняли бы, да и вряд ли поймут. Людям легче всего осуждать. Нищих, бомжей, проституток, скатившихся на дно людей, но у каждого своя история, свои горести и беды, и самое невероятное — каждый может оказаться на их месте.

В доме отчима работала тихая и неприметная женщина по имени Анна. Она убирала дом три раза в неделю. Всегда ухоженная, чистенькая, с прической, накрашенная. На вид лет пятидесяти с небольшим. Нинка мне рассказала ее историю. Когда-то Анна была владелицей сети модных магазинов, имела дом на Кипре, несколько машин и круглую сумму в банке. А потом в один день все рухнуло, ее мужа обвинили в финансовых махинациях, наложили арест на имущество и посадили его в тюрьму, отняв все до единой копеечки. Муж в тюрьме умер от пневмонии, сын умер через год после него в какой-то подворотне от передозировки наркотиков. Анна осталась одна с невесткой на съемной квартире и воспитывает внуку. Живут они на ее зарплату, так как невестка заболела энцефалитом и ослепла на оба глаза.

По-разному в жизни бывает... Я не хочу больше голодать, не хочу больше одеваться в обноски дочери отчима, не хочу, чтобы меня лупили, как собаку. И я радуюсь, да, я радуюсь тому, что я открыла счет, радуюсь новым вещам, которых у меня никогда не было. Я радуюсь всему, что теперь принадлежит мне. И, нет, я это не украла, не отобрала у кого-то, а заработала. И не важно, каким образом. Конечно, внутри нарастал осадок от того, что я... ничем не лучше проститутки, от того, что я продаю свое тело, но вот такие моменты стирали эти мысли.

Я соберу денег и поступлю учиться или... или открою свой салон красоты или начну моделировать одежду.

И еще я поняла, что мне не хватает выездов из дома, не хватает общения, не хватает всего того, что может позволить себе обычный человек. Самое большое мое развлечение – это приезд Айсберга и секс с ним. Ну иногда поездки из дома. И пока что мне неизвестно, как изменить ситуацию. Мой любовник не дает мне альтернатив, и я не вижу никакого выхода из ситуации.

Когда я обратила внимание на дорогу, мне показалось, что мы проехали поворот к нашему «дачному» поселку. У меня отличная память, можно сказать фотографическая.

— Куда мы?

— У вас сегодня встреча.

— Встреча? С кем?

От мысли, что снова с ним, я почувствовала всплеск радости, но ошиблась. Конечно же, не с ним, судя по выражению лица Глеба. Машина скользила по улицам столицы, крутилась в центре, пока не заехала в красивый, но старый район.

Глеб вышел из машины, подошел к багажнику и достал чемодан. Я судорожно глотнула воздух, и мои руки мелко задрожали.

— Что это?

— Ваши вещи.

— Мои... мои вещи?

— Да. Это ваши вещи.

Я облокотилась на капот машины, и у меня слегка закружилась голова. Наверное, я уже надоела Айсбергу, как и говорила Виолетта, и он меня выгнал. О, божееее! Какая же я дура. Я строила здесь планы, а меня просто вышвырнули... сняли мне квартиру и выкинули прочь.

— Куда мы приехали? Я никуда не пойду!

— Идемте. Мне велено вас отвести.

— Нет! — рывкнула и вытянула руки вперед, — Не приближайся, или я закричу!

Глеб начал озиаться по сторонам.

— Тихо. Хватит. Мне приказано отвезти вас в этот дом.

— Какой дом? Зачем? Почему ты не отвез меня обратно?

— Как отвратительно вы орете! Примерно так же отвратительно, как и одеваетесь!

Женский голос заставил меня обернуться. Передо мной стояла женщина... без возраста. Из тех, по кому видно, что они совсем не юные и даже не молодые, но их шарм и красота идеальны настолько, что кажется, у вас перехватывает дух от одного взгляда на них. Такой могла быть Коко Шанель... наверное, или... или Джулия из «Театра» Мозма. Да, такой могла быть именно Джулия Ламберт с серебристыми прядями волос, уложенными в короткую, изысканную, пышную прическу, умопомрачительными синими глазами и точеной фигурой балерины.

— Идемте, Мэри, вас привезли ко мне. И меня зовут Эллен.

У нее был легкий акцент и очень красивый бархатный голос. Кутаясь в роскошную шубу, женщина последовала к дому, и я поплелась за ней, а следом Глеб с моим чемоданом.

Едва мы вошли в ее квартиру, в голову ударил запах дорогих французских духов и... какого-то раритета. Здесь было уютно, и в то же время отдавало временем. Мебель с завитушками на ножках, тяжелые шторы, хрустальные люстры на высоких потолках и белый рояль в гостиной.

— Пьер сказал, зачем отправил вас сюда?

— Нет.

— Ну да... не в его стиле сообщать женщине о своих намерениях.

Пьер... как интимно звучит его имя, произнесенное ею. Интимно и с любовью. С трепетом.

— Снимите ваши ужасные туфли и оставьте возле двери. Тапочки в шкафу у вешалки.

Она прошла грациозным шагом куда-то вглубь квартиры, а я поискала тапки и, надев их, поторопилась за ней. Стало нудно, скучно и ужасно захотелось сбежать. Зачем я здесь? Я хочу домой... к нему. Почему он не приехал и не сказал мне об этой поездке?

— И... зачем я здесь?

— Хотя бы для того, чтобы научиться открывать рот, когда это нужно, и уметь вовремя замолчать. А еще не опускаться до уровня слуг и не верещать на улице, как истеричка. Ума не приложу, где он вас подобрал... но работы будет очень много.

Она сняла тонкий шарфик, сложила на тумбу возле зеркала и поправила свои невероятно красивые густые волосы. Он... отправил меня учиться у нее? Кто она ему?

— Я не хочу. Я вас не знаю, и в мои планы не входило проводить время с... вами...

— Вы не хотите? — она рассмеялась и с жалостью на меня посмотрела, как будто всем своим видом говоря мне, что ее вынудили снизить до меня.

Я судорожно глотнула воздух и попятилась назад к двери.

— Я могу вернуться к себе?

— Можете. Вас не заставляют здесь находиться.

— Тогда я, пожалуй, поеду обратно.

Она поднесла к губам тонкий мундштук и прикурила от изящной зажигалки.

— Как пожелаете. Я говорила Пьеру, что эта затея может быть неудачной.

Усмехается загадочно и презрительно. И я чувствую себя рядом с ней, как та второсортная актрисулька чувствовала себя рядом с Джулией, когда та играла на сцене.

Ну вот и хорошо. Вот и прекрасно.

Я снова надела свои туфли, натянула пальто.

— Тапки поставьте обратно в шкафчик!

Поставила и выскочила на лестницу, быстро сбежала вниз. Машины там не оказалось. Я испугалась, что Глеб уехал и оставил меня одну. Какое-то время стояла возле тротуара и переминалась с ноги на ногу с чемоданом в руках. Он оказался очень легким. Через какое-то время машина вернулась, и я ужасно обрадовалась. Всю дорогу я что-то рассказывала и даже подпевала радио, пока машина не остановилась, и я не увидела, что мы приехали на вокзал. Глеб открыл дверцу с моей стороны и, взяв меня под локоть, вытащил из машины.

— Почему ты привез меня сюда?

Он молча вынес чемодан, поставил у моих ног и, сев обратно в машину, уехал. А я так и осталась стоять на вокзале совершенно одна. Кажется, теперь меня вышвырнули окончательно. От ужаса и неожиданности у меня подогнулись колени, и я осела на свой чемодан, глядя вслед уехавшей машине.

## Глава 9

Какое-то время я сидела на чемодане и смотрела в одну точку. Я растерялась.

Потом все же встала с него и еще какое-то время выискивала глазами такси. Первой мыслью было вернуться к той мадам и согласиться на все что угодно... а потом как будто прострелило. НЕТ! Я туда не вернусь. Когда я пришла и предложила себя Айсбергу — это был крик о помощи и возможность сбежать от отчима, получить свободу. Да. Я обещала быть покорным телом, и я им была. Я ни разу не сказала ему «нет»... Но он хочет ломать мою душу, он хочет заставить меня точно так же, как и отчим, опуститься на колени и стать кем-то, кем я не являюсь. А еще... еще я очень сильно боялась того, что чувствую к нему. Боялась того, что жду его приездов и скучаю по его ласкам. Как собака скучает по хозяину. Есть в этом что-то болезненное и ненормальное.

А он... он хочет только дрессировать меня. Одевать, как ему нравится, кормить, когда положено, и затыкать рот, если говорю что-то неудобное. А я... я не хочу. Человеком быть хочу. И чувствовать себя человеком.

Осмотрелась по сторонам, прихватила легкий, как перышко, чемодан в сторону такси.

В какой-то умной книге было написано, что в городе все знают именно таксисты. Даже лучше полиции.

— Девушка, куда едем? Доброшу за копейки такую красивую. К родственникам приехала?

Молодой водила помахал мне рукой и подмигнул, осматривая с ног до головы.

— Нет. Я здесь одна... мне бы жилье найти и на работу устроиться.

— Ну так в гостиницу можно здесь же привокзальную. Там как раз такие красивые и работают. Нашего брата голубят и балуют.

И мерзко подмигнул, я тут же назад попятилась. Намек поняла, и на душе стало опять мерзко.

— Дочка, не слушай придурка. Садись. Подкину тебя к женщине одной, квартиры сдает. Может, и о работе у нее спросишь.

С другого такси напротив мне посигналил пожилой водитель в кепке.

— Ты давай... вали отсюда, не твое место! Первый раз вижу! — заорал ему молодой и махнул рукой, — Давай! Пока ребят не позвал! А то катаются тут залетные, хлеб отнимают!

— Садись-садись, девочка. А то они тебя тут разведут.

Я в машину к седому мужику в кепке села и дух перевела. Он мне внушил доверие больше, чем тот молодой с пахатым взглядом и наглой ухмылочкой.

— Вы сказали, к женщине завезете.

— Да, Марья Петровна. Хорошая тетка. Сдает комнаты. Не дорого. У тебя деньги есть?

— Дда... есть.

Подумала про карточку и про то, что Айсберг обещал на нее положить сумму. Надеюсь, мне ее на оплату комнаты хватит.

— Вы мне возле банкомата остановите, пожалуйста.

— Остановлю-остановлю.

Радио погромче включил, а я наконец-то расслабилась. Попробовала и хватит. Не подхожу я для содержанки. Я на работу устроюсь. Я же все умею — и готовить, и убирать. Я даже шить могу. Мачеха заставляла и белье постельное застрачивать, и шторы. Они на всем экономили. Шить мне нравилось. Я книгу у них нашла по крою и шитью и вдоль и поперек изучила. Мечтала иногда, что стану дизайнером-модельером, рисовала всякие модели одежды. Пока их не нашла их дочь и не изодрала в клочья, не забыв назвать меня тупой бездарной сучкой. Они меня так между собой и называли «эта сучка». Потому что я огрызаться умела. За это часто ремня получала.

— Вот здесь банкомат, а дальше поедem к Марье Петровне. Я за углом машину поставлю. В переулке. Здесь нельзя парковаться. А ты деньгиними и через арку как раз выйдешь ко мне. А то так обходить три дома придется.

Я кивнула и из машины вылезла.

— Вы только не уезжайте.

— Да куда мне уезжать. И чемодан твой в багажнике. Я постою, покурю, радио послушаю.

Кивнула, прижала сумочку с кошельком к груди и стремглав к банкомату. Карту трепетно сунула в отверстие и нажала заветные кнопочки, как учила девушка в банке.

Банкноты зашуршали и мне в руку выскочили. А потом еще раз и еще. В голову ударила эйфория. Это мои деньги. Все мои. На первое время мне хватит. Айсберг не поскупился и положил мне на счет хорошую сумму. Мысль об Айсберге больно кольнула в области сердца, и я вдруг ясно представила себе его синие холодные глаза. Стало больно. Так, что и выдохнула с трудом.

Вышвырнул... потому что не согласилась ломаться под него. Как собаку вытолкал. Только использовал меня. Не нужна я ему была никогда. Поигрался, и все. Нечего по нему скучать и страдать. Я начну новую жизнь. У меня получится. Как в книгах. Приехать в столицу, работать пойти, потом, может, и учиться поступить смогу. Я ведь отличница. Всегда старалась в школе лучше всех быть. Назло отчиму. Потому что тупой тварью называл. Учебники не покупал. Я в библиотеке старые брала, заклеенные.

Но ему нравилось хвастать, что он неродную дочь содержит и помогает в учебе, что благодаря ему так выучилась и с таким аттестатом школу окончила. Правда, когда посмотрел в него, заржал.

— И нахер они тебе, эти оценки? Думаешь, в универ пойти? Дык нет его здесь, а в другой город тебя никто не отпустит. Отрабатывать будешь. Коровам хвосты крутить с оценками своими. Зря время тратила. Никчемной тварью и останешься!

Не останусь! Вот увидишь, ублюдок! Я многого добьюсь! Обязательно! Деньги в кошелек положила, сунула его в сумочку и поискала взглядом такси. Не нашла. Он говорил, что в переулке машину поставит. А то в центре никогда стоянки не найти. Пошла в переулок через арку в старом доме.

Мои шаги эхом отдаются под сводами, и к ним присоединились еще несколько. Обернулась — за мной следом двое идут. Я ускорила шаг. Сердце гулко забилось, сумку сильнее прижала к себе. Их лиц не видно. Они в темной одежде и в шапках, надвинутых на глаза. Сейчас день. Никто меня не тронет. Я сейчас из арки выйду, и там такси и...

Выйти из арки не успела, меня за волосы схватили и об стену ударили так, что в глазах потемнело. Придавили к ней изо всех сил.

— Сумку давай, сука!

Зарычал кто-то в лицо и дернул за ремешок, пытаюсь выдрать сумочку.

— Не отдааам! — заорала и пнула ублюдка изо всех сил коленом в живот. — Спасииииитеее...

Мне тут же закрыли ладонью рот. Я изловчилась и укусила подонка за ладонь, за что меня наотмашь ударили по губам, а потом в солнечное сплетение кулаком.

— Ах ты ж мраазь!

Скрутилась пополам, но сумку не отдала. Я яростно за нее сражалась, как будто понимала — сейчас заберут, и я снова останусь ни с чем, а там документы, там деньги мои первые. Там моя новая жизнь. Красивая, чистая,



настоящая. Она пахнет круассанами, чаем и маленькой уютной комнаткой у Марьи Петровны.

— Что ж она вцепилась в нее! Отдай, дрянь!

— Сейчас отцепится! Я ей зубы сломаю и пальцы повывкручиваю!

— Не бить! Только деньги взять!

— Кому она на хер нужна, прошмандовка?!

— Не бить!

Пока они спорили, я ударила одного головой в бок, а потом врезала по ноге и хотела побежать, но меня сцапали за волосы и свалили на асфальт.

— Она по-другому не понимает! Сумку дай! Дай ее сюда! — тот, что назвал меня прошмандовкой, ударил ногой по руке, наступил мне на пальцы, но я крепко держала ремешок. Мне казалось, что если я еще немножко продержусь, то кто-то услышит и придет на помощь.

Меня ударили по ребрам уже сильно, потом еще и еще, пока в глазах не потемнело, и пальцы не разжались.

— Я сейчас юбку на голову подниму и трахну. А ты поддержишь. Красивая тварь! У меня встал!

Рванул ткань, потащил на себя за шиворот, раздирая платье на груди.

— Ты что, бл\*! Отпусти ее! Сумка у меня!

— А что? Смотри, какая сочная. Я давно...

Он начал выкручивать мои руки вверх за голову, наваливаясь всем телом сверху.

— Вые\*у тебя, шалавка! Давай, раздвигай ляжки!

Царапает по бедрам, ноги насильно в стороны разводит. От истерики и ужаса я уже ничего не вижу. Только вою и плачу.

— Идет кто-то! Давай! Быстрее! Хватит!

— Сука! — ударил снова по лицу ладонью. Так, что голова назад отклонилась.  
— Повезло тебе!

Я, кажется, закричала, но мой крик потонул где-то в темноте подворотни. Я услышала, как они уходят.

От отчаяния и боли зарыдала, поползла на счесанных коленках в сторону дороги, чувствуя, как пульсирует боль в голове и под ребрами, как мне тяжело дышать и плакать, как саднят разбитые губы. Когда все же поползла до тротуара, выискивая глазами таксиста, но так его и не увидела. Ко мне бежали какие-то люди, а я упала на асфальт, перевернувшись на спину и

посмотрела в очень синее яркое небо. Такое же яркое, как глаза Айсберга... когда он смотрел на меня в моих мечтах. Оказывается, у меня были о нем мечты. Маленькие, глупые мечты, в которых он нес меня на руках на постель и любил среди лепестков роз. Любил... в моих мечтах я хотела, чтобы он меня любил.

Но... в этой жизни нет никого, кто испытывал бы ко мне хотя бы сочувствие, не то, что любовь.

Мне показалось, что в этот момент я вся сломалась. Как будто из меня вытащили батарейки, и все силы закончились. Очень захотелось выключиться окончательно. Насовсем.

Врачи скорой клали меня на носилки, щупали пульс, что-то спрашивали, а я только плакала и отрицательно качала головой. Разбитые губы больно саднили, голова стала чугунной, и я, кажется, уснула. Потому что вокруг вдруг стало очень темно.

Я лежала, отвернувшись к стене, и смотрела на светло-бежевую краску. Возникло желание поцарапать ее ногтем, как в детстве, чтобы отковырять пару кусочков. После осмотра врачей мои ссадины помазали мазями, отвезли на рентген, ощупали со всех сторон и поздравили с тем, что я отделалась легким испугом, ушибами ребер и парой синяков. Предложили пойти в полицию и написать заявление.

Я бы пошла... только вместе с сумочкой у меня украли и мои документы, и карточку, и деньги. Я даже не знаю, как теперь все это восстановить. Мне просто страшно, что, когда меня выпишут, я останусь на улице... а у меня даже обуви нет. В больницу привезли без одной туфли. Пальто вываляно в грязи, платье разорвано.

По ночам, когда боль в ребрах стихала, а сон так и не шел, я думала о НЕМ. Запрещала себе, не хотела и все равно думала. Нет, не о том, как мне круто жилось в его богатом доме, не о том, как вкусно меня кормили, в отличие от пресной больничной еды, а просто о нем. О его глазах с поволокой и длинными ресницами, о его тяжелых веках и густых бровях, о его крупном и ровном носе, о полных губах, пахнувших виски и дорогими сигарами, о его волосах густых и жестких на ощупь, о том, как они скользят под моими пальцами, когда я в них вливаюсь, выгибаясь от наслаждения.

В груди тоскливо заныло, и мне ужасно захотелось его увидеть. Чтоб посмотрел своими равнодушно-демоническими глазами, обжег своим холодом и властно приказал раздеться. Но этого никогда больше не случится. Я нарушила договор, я не стала для него тем, кем он хотел меня видеть... Дура я, наверное... ужасная дура. Вспыльчивая, дикая. Мама всегда говорила мне, чтоб держала себя в руках, и Нинка говорила.

«Ты бы промолчала, Марина, язык прикусила» и мазала ссадины от пряжки ремня отчима у меня на плече или на спине. Не умела я молчать... смиряться не умела. Жил во мне какой-то маленький дьявол и не хотел он становиться на колени.

Пальцы вывели на стене слово «Айсберг», и на глаза навернулись слезы. Как сильно мне бы хотелось быть для него не содержанкой, не вещью, не просто

телом с отверстиями... а любимой. Я представляла себе, как познакомилась бы с ним где-то в кафе или на набережной в этом огромном красивом городе, и наш роман начался совсем по-другому. В моих фантазиях он бы смотрел на меня иначе и говорил мне на ухо нежные слова, а я бы готовила ему обед, пришивала пуговицы на рубашку, завязывала по утрам галстук и провожала к машине. У нас бы было все красиво, как в книжках, или просто, как у нормальных людей.

Потом оказывалось, что это я уснула и на самом деле лежу в больничной палате в казенной пижаме, батареи почти не греют, и я прячусь под двумя одеялами, которые милостиво принесла мне медсестричка Рая, как и огромные тапочки сорок третьего размера. Мне снится огромный дом Айсберга, снится, как я вернулась обратно, и от понимания, что этого никогда не случится, я тихо реву в подушку и ненавижу себя еще больше. Потому что ни там ничего не вышло, ни сама не смогла.

К шагам за дверь я прислушивалась с ужасом, так как боялась, что ко мне войдут и скажут, чтоб я освободила палату.

Мне выделили отдельную, маленькую комнатку с окном на задний двор больницы и забор. И каждую секунду я думала о том, что еще немного и не будет даже этого. Без документов меня на работу не возьмут, без денег мне будет нечего есть... Я даже домой не смогу вернуться. Да и нет у меня больше дома. К отчиму я никогда не пойду. От мыслей об этом у меня сжималось все внутри, и я начинала мелко дрожать, как паршивая собачонка на холоде.

Я представила себя в ободранном платье, грязном пальто без обуви где-то в подворотне. Как сижу там и чиркаю спичками, и когда последняя погаснет, я замерзну насмерть, как девочка в сказке Андерсена. У него все сказки были очень грустными и почему-то всегда напоминали мне меня саму. Как будто моя история не могла иметь хорошего конца и не подразумевала его изначально.

Дверь палаты приоткрылась, и я стиснула руки в кулаки. Ну вот... сейчас мне скажут о выписке. Как раз сегодня понедельник и...

— Вам тут кое-что передали, Мариночка. И вы зря не вышли на завтрак. Сегодня у нас было пюре и сочная отбивная. Но... судя по всему, вы будете роскошно завтракать совсем в другом месте... Как много у вас секретов, наверное, а все прикидывались простушкой.

Голос медсестры заставил приподнять голову и обернуться. Тут же вскочить и сесть на постели, глядя, как она пристраивает огромного розового медведя на тумбочку одной рукой, а в другой держит стеклянную банку с цветами. Не просто цветами, а темно-бордовыми бархатными розами.

Я судорожно глотнула воздух и стиснула пальцы. Этого не могло быть на самом деле. Я продолжаю спать, мне снится сон, и я вот-вот проснусь в этой же постели, только ни медведя, ни роз там не окажется.

— Это не все. Вы можете войти и занести пакеты. Да.

Мужчина в наброшенном на плечи белом халате занес большой полиэтиленовый пакет, сквозь который просвечивали апельсины и бананы. Его лицо мне показалось смутно знакомым, но я сейчас не могла думать, у меня бешено

билося сердце, оно приостановилось и опять пустилось вскачь, запрыгало в груди. Дыхание сильно перехватило, и я закусила губу. Медведь был тот самый с витрины магазина. У него даже виден след от ценника и слегка выцветшее пятнышко на огромной нижней левой лапе. Это от солнца. Он ведь долго сидел за стеклом и ждал меня там.

— А еще доктор вас выписал. Вы можете поесть, переодеться и отправиться домой. Вас уже ждут.

Вскочила с постели и бросилась к окну, прижалась лицом к стеклу и, увидев знакомую черную машину, чуть не закричала от радости. Это ОН. Он прислал за мной машину, он прислал розы, мишку. Он меня нашел.

— Ну вот, а вы боялись выписываться. Оказывается, у вас есть семья... или возлюбленный. Я даже не сомневалась, что у такой красавицы кто-то должен быть.

Она вышла из палаты, оставив меня наедине с вещами, с медведем и букетом цветов. Среди бархатных лепестков виднелась маленькая открытка. Я подошла, протянула руку и осторожно ее сняла.

«Прежде, чем принимать какие-то решения, подумай дважды, Марина».

Я никогда не видела ЕГО почерка, но я точно знала, что это он. Снова сильно сжалось сердце, задергалось, защемило. Что он имеет в виду — подумать сейчас или... надо было подумать тогда. Потрогала лепестки цветов, посмотрела на милую морду медведя и снова подошла к окну, отодвинула шторку.

По ночам, когда я видела его во сне и просыпалась в слезах, мне очень хотелось иметь еще один шанс начать все по-другому. Не так... как было. Может быть, это он и есть? Может быть, меня услышали сверху и дали то, что я просила? Может быть, моя мамочка так заботится обо мне?

Айсберг хочет, чтобы я вернулась. Но решение должна принять я. И я его приняла.

Вместе с пакетом с едой был и пакет с вещами. Я быстро переоделась, натянула на себя шерстяное платье, колготы и новые сапожки с мягким мехом внутри, расчесала волосы и посмотрела на себя в зеркало. Бледная, все еще с синяком на скуле, похудевшая за эти дни. Темные кудрявые пряди падают на лицо и лезут в глаза. От прически, созданной стилистом, не осталось и следа, и у меня на голове снова дикое буйство.

Когда я вышла в коридор, то вместо грязного пальто в гардеробной мне выдали совершенно другое. Теплое, пахнущее кожей и новеньким мехом. Громила помог мне его надеть и сопроводил к выходу из больницы.

Когда уходила, услышала голоса гардеробщицы и администраторши.

— Кто бы мог подумать... а выглядела такой оборванкой.

— Угу... оборванкой. Да ее в первый же день к вечеру в отдельные хоромы определили, и осматривал САМ Коневский. Приезжал из-за нее в наш сарай. Я говорила, что это та еще птица.

— Хм... да просто папика себе какого-то подцепила. Тоже мне птица. Воробышек. Не более.

— Из таких воробышков, Верка, вырастают такие павы, что тебе и не снилось. Коневский, милочка, самого президента лечит и всех этих шишек. Чтобы он к нам приехал, тут должна по меньшей мере дочь генерала лечиться. Папики те вон на Балтийской все отлеживаются, а тут полет выше надо брать.

— Вот я и говорю, кто бы мог подумать. Пигалица.

— Ну пигалица — не пигалица, а глазищи ее зеленые видела? Красивая девка. Такая вся аристократичная, хрупкая, тоненькая. Ей бы в царские времена в карете разъезжать и меха носить.

— Скажешь тоже. В моде всегда были и будут блондинки.

Я так и не поняла, о ком они болтают. Вряд ли обо мне.

Возле машины меня поджидал Глеб. Когда увидела его, вначале обрадовалась, потом вспомнила, как он меня высадил на вокзале, и радость испарилась.

Позади меня плелся тот самый человек, который принес в палату пакеты. Теперь он тащил цветы, опять те же пакеты, а медведя я ему не доверила. Его я тащила сама и даже не дала положить в багажник.

Пока мы ехали в машине, я снова и снова задавала себе вопрос — почему он решил меня вернуть, почему нашел меня в этой больнице... зачем эти цветы и мишка. Мой воспаленный мозг жаждал невероятных ответов, он придумывал себе причины и ликовал от них, сходил с ума. Я даже не приняла обезболивающее и забыла о своих ребрах.

Машина подъехала к дому, и мое сердце забилося еще сильнее. Он вдруг показался мне родным этот дом после холодной палаты и подворотни в моих мыслях. Я хотела в него обратно... Как же много я тогда хотела и навдумывала себе. По лестнице поднялась и его увидела. В самых дверях.

Остановилась и дыхание перехватило...

Мне казалось, что я иду к нему очень долго, медленно, и мне очень хотелось быстрее, но я считала шаги, и время остановилось, словно я не видела его очень долго.

Ветер трепал его густые волосы, отбрасывал со лба, и этот зимний взгляд такой обжигающе синий, такой темный и манящий. Оказывается, я ужасно боялась, что больше не увижу его. Пошла быстрее и, когда приблизилась совсем близко, растерялась. А потом быстро обняла его и зарылась лицом в мягкий шерстяной свитер. Запахло надежностью и мужчиной. Именно так я могла охарактеризовать запах Айсберга. От него пахло мужчиной. Взрослым, опытным, сильным. Ощутила, как большая ладонь легла мне на голову и провела по волосам. От этого касания у меня пробежали мурашки по коже, а потом вдруг пальцы впились в мои волосы и резко дернули за них назад, так, что мне пришлось запрокинуть голову и привстать на носочки.

Глаза Айсберга теперь были так близко к моим глазам, что я видела светло-синие разводы в его радужках и расширенные бездны зрачков.

— Если ты сейчас переступишь порог этого дома, ты больше никогда не сможешь отсюда выйти, ты больше никогда не сможешь сказать слово «нет». Ты будешь принадлежать мне. Бесспорно. У тебя десять секунд, чтобы развернуться, сесть обратно в машину и уехать... Тебя отвезут туда, куда скажешь. Я даже дам тебе денег. Десять... девять... восемь...

Я смотрела на его губы, на то, как они считают, как отталкиваются от них четкие слова, как при этом чуть выпячивает полная нижняя губа. Мои собственные губы начало покалывать от желания ощутить, что значит его поцелуй. Я ведь... могу сейчас уйти. Да, наверное, могу... точнее, должна бы. Но меня слишком манят его губы. И если я уйду, я никогда не узнаю, какие они на вкус. Соленые или сладкие.

— Пять... четыре... три... беги...

Вскинула руку и провела по его лицу. Мне давно хотелось это сделать. Тронуть его лицо, там, где скула, чуть ниже щеки, касаясь пальцами шеи, провести вниз, чтобы обхватить ладонью сильный затылок.

— Не хочу уходить... хочу вас целовать...

— Два... один..., — смотрит все так же пристально, как будто вцепился в меня взглядом, и я уже не смогу отвести свой взгляд никогда, — целуй.

Это прозвучало так неожиданно, что у меня сердце сорвалось и, кажется, полетело в адскую пропасть его глаз. Я потянула его к себе за затылок и по-дурацки ткнулась губами в его губы. И замерла. Они очень горячие, они пахнут морем, и его верхняя губа между моими приоткрытыми в страхе и нерешительности. Я никогда раньше не целовалась. Обхватила ее губами и вдруг ощутила, как он весь вздрогнул, сдвинул меня обеими руками. Одной за талию, а другой за затылок, и впечатал мой рот в свой, раскрывая его широко и захватывая мои губы как будто укусом, с сосущим движением втягивая их, а затем сильно проталкивая язык мне в рот. Я, кажется, застонала от неожиданного и острого наслаждения. Меня всю пронизало током и в висках запульсировало сумасшествие, захватило дух. Нет, я его не целовала. Я не умела, не знала. Это он меня пожирал. Кидался на мой рот,

атаковал его с дикой силой, кусая мои губы, трепая их, засасывая мой язык в себя, кусая его, и от удовольствия я вся размякла, повисла, цепляясь за его плечи.

Петр поднял меня на руки. Легко, как будто я невесомая, и не прекращая впиваться в мой рот, понес куда-то. И мне стало все равно куда. Это было так же красиво, как я себе представляла в мечтах, и мне хотелось расплакаться, мне было страшно, что я открою глаза и проснусь. Появилось ощущение, что он нуждался во мне и хотел, чтобы я вернулась... Он дал мне это ощущение, позволил так почувствовать. Даже этим умел манипулировать. Контролировал, что и как я должна почувствовать... Но это я пойму гораздо позже, когда будет слишком поздно, когда я буду готова отдать все, чтобы повернуть время вспять, и при слове «беги» броситься прочь. Но я свой выбор сделала, точнее, меня заставили поверить, что выбор был именно моим.

Не знаю, где мы оказались, я закрывала в изнеможении глаза и не могла оторваться от его губ. Мне хотелось, чтобы он опрокинул меня на постель или прижал к стене и резко и быстро взял, но вместо этого я оказалась в ванной, и поцелуй прервался.

Я смотрела в лицо Айсберга ужасно пьяными глазами и снова потянулась к его губам, но он обхватил мое лицо и удержал. Задумчиво провел пальцем по скуле, по ссадине, тронул край едва зажившей губы и прищурился, сильно стискивая челюсти. Потом стащил с меня через голову платье, по-хозяйски развернул спиной к себе, снял с меня лифчик, сдернул колготы вместе с трусиками.

— Смой с себя запах больницы и ложись спать.

Включил воду и хотел подтолкнуть под нее, но я резко обернулась и схватила его за руку.

— Не уходи.

Встретились взглядом, и я увидела, как странно он на меня смотрит, как будто удивлен, как будто не верит мне. Взгляд скользнул по моим ребрам, на которых красовались багровые кровоподтеки, и его челюсти снова сильно сжались.

— Их найдут и разорвут на куски. Обещаю. А теперь мойся и ложись спать.

— Останься!

Обернулся и... все же не ушел, наверное, в моих глазах отразилось все отчаяние. Не знаю почему, но он обхватил мою шею руками и толкнул под воду. Я замолчала, позволив ей стекать по моему лицу, волосам, по моему телу, а он стоял и смотрел, как струйки катятся вниз по моей груди, по вздернутым от его взгляда соскам, и его черты заостряются, он становится бледным и напряженным, и это напряжение передается мне. Между нами все не так, как в прошлые разы, между нами что-то другое, и оно пугает и сводит с ума.

Айсберг отодвинулся назад, потом набрал в руки жидкого мыла и повел скользкими руками по моим плечам. Никогда раньше он так не прикасался ко

мне. Всегда резко, сильно, грубо. А сейчас он тщательно намыливал мою грудь, взбивая пену по всему полушарию, вытягивая соски, смазанные мылом, и от этих его движений внизу моего живота раскаляется магма, нижние губы наливаются, раскрываются, и я ощущаю, как там между ними дико пульсирует похоть. Я уже знаю, чего хочу, знаю, что именно он может мне дать. Я выгибаюсь, непроизвольно раздвигая ноги в ожидании его ласк.

Не отрываясь смотрит мне в глаза, намыливает мое тело, живот, скользит вниз, очерчивая треугольник между ног и проводя пальцем по промежности.

— Трахнуть тебя?

Его губы мокрые, и одежда липнет к сильному телу, я вся дрожу от возбуждения, и вода из душа сильно бьет по моему воспаленному телу.

— Дааа, — на выдохе.

— Ты будешь кричать?

Как пошло и грязно он это говорит, как будто этими словами уже проникает в мое тело и толкается там с такой силой, что у меня темнеет в глазах, и я чувствую, как пульсация становится невыносимой.

— Даааа, буду.

И он входит в меня пальцами быстро и резко, вместе с мылом, и от неожиданности у меня закатываются глаза, а рот широко открывается и ловит капли воды. Он сильно и быстро трахает меня пальцами. Очень сильно и очень быстро.

— Кричи!

И я кричу, всхлипываю, мотаю головой из стороны в сторону. Мне хочется, чтобы он замедлился, но в то же время нет... я хочу, чтобы это было сильнее, и чтобы мне стало легче. От сокрушительного оргазма меня колотит, и я ощущаю, как мышцы влагалища сдавливают его пальцы, как из меня буквально течет, брызгает наслаждение.

Перехватила его руку, вздрагивая и все еще ощущая в себе его пальцы. Потом потянула эту руку к своему лицу и взяла его пальцы в рот, увидела, как раздулись его ноздри и как шумно он выдохнул. Развернул спиной к себе, заставив наклониться, упираясь руками в кафель, прогибаясь в пояснице. Когда заполнил меня собой, я всхлипнула и прижалась к кафелю щекой. Да, я этого хотела. Когда осталась одна без него, я боялась, что вот этого никогда не будет... что у меня с ним больше ничего не будет.

И впервые совершенно не больно, наоборот, внутри меня все словно чувствительно втрое, словно я вся, как обнаженный нерв. Руки Айсберга удерживали меня за грудь, и он быстро и глубоко входил в меня сзади. По намыленной плоти. Я ощущала, как меня щиплет изнутри, и это сводило с ума еще сильнее, мои соски то вжимались, то едва касались кафеля, и когда толчки внутри стали настолько быстрыми и яростными, что я билась и терлась о кафель, шлепая мокрым телом, разбрызгивая воду, и слышала, как он рычит позади меня, чувствуя, как лижет мою спину вдоль позвоночника, упираясь



одной рукой в стену, а другой сжимая мою промежность почти до боли, одновременно врезаясь внутрь все быстрее и быстрее.

Перед тем, как кончить, Айсберг вышел из меня, рывком опустил на колени, захватывая мокрые волосы на затылке и притягивая меня к своему паху, и я с неожиданным удовольствием вобрала его мокрый член в рот, где он тут же вбил в самое горло, истекая семенем. Которое я жадно глотала, стараясь не захлебнуться.

\*\*\*

Он не уехал, как раньше. Лежал на постели в полотенце, обмотанном вокруг бедер, вытянув длинные ноги, а я рядом в его банном халате. Возле нас блюдо с виноградом, включен огромный телевизор, и из колонок раздается музыка, и мне впервые за долгое время хорошо. Я рассматриваю его тело. Оно упругое и накачанное, с очень шелковистой кожей, которой приятно касаться пальцами. Я еще помню, как стаскивала с него мокрую одежду, и он снисходительно позволил мне это делать, как завернул меня в свой халат, а сам обматывался полотенцем, и я жадно смотрела на него, и мне казалось, что более идеальным мужское тело быть не может.

— Начнешь принимать таблетки... мне нравится быть в тебе без резинки. Хочу кончать в тебя. — сказал и убрал с моего лица влажную прядь волос. Я кивнула и нагло заявила:

— Мне тоже нравится, когда ты во мне без резинки.

— Что именно нравится?

Спросил, и я смутилась.

— Что именно?

— Чувствовать вены на... на нем.

Усмехнулся уголком рта.

— Смелая... глупая и смелая. Куда собралась с пустым чемоданом? М?

— Не знаю... Хотела найти работу. Попробовать сама...

— Глупая.

— Ты меня выгнал.

— Потому что ты глупая.

Повторил еще раз и легонько шелкнул меня по носу, потом положил виноградину мне в рот. Это было сущим хамством — есть виноград почти

зимой. Я вспомнила, как отчим следил за тем, чтобы деликатесы с кухни никто не взял, а если что-то пропадало, то виновника могли жестоко избить его лизоблюды из obsługi. Помню, как я смотрела на виноград, клубнику, ананасы и бананы, и у меня сводило скулы от желания их съесть. Я мечтала, что когда-нибудь смогу позволить себе все это столько, сколько захочу.

Оказалось, что есть из рук Айсберга еще вкуснее, чем просто так. А еще невероятно круто лежать с ним вот так на огромной кровати на животе, телепать скрещенными ногами и подпирать рукой щеку, наблюдая за ним и больше не чувствуя себя раздавленной.

Где-то за моей спиной слышны голоса из телевизора. Кажется, там идут новости, и Айсберг засмотрелся туда, а я оторвала еще одну виноградину и теперь положила к нему в рот. Посмотрела, как он прожевал и проглотил.

— Там показывают что-то интересное? — спросила и провела пальцами по его груди.

— Да так... политику, депутатов, президента, — ответил и посмотрел на меня.

— Кому интересно на них смотреть. Стадо баранов и старый, уродливый пастух.

Он приподнял одну бровь и рассмеялся.

— Кто старый и уродливый пастух?

— Президент. Разве они бывают другими? У них гладко выбритые мятые физиономии, злые глаза, — я посмотрела исподлобья. — Тонкие губы и жирные животы. Они жируют на деньгах простых людей и ничерта не делают.

— Как интересно. — он потер бороду и поджал губы, потом положил мне в рот еще одну виноградинку. — Наш президент тоже жирный и старый?

— Конечно! — без тени сомнения ответила я и облизала мокрые от сока губы.

— А еще мерзкий и маленького роста! Как гном!

Он расхохотался, и я вместе с ним.

— А ты его видела? — спросил, отдышавшись от смеха, и откинулся на подушки, потянул меня за кудряшку и намотал ее на палец.

— Кто ж его не видел? — соврала я и улыбнулась. На самом деле я не помнила. Видела или нет. Наверное ж, видела. Просто мне было неинтересно и... Айсберг явно был в прекрасном расположении духа, он закинул одну руку за голову, наблюдая за мной, а я ощущала себя невероятно счастливой от того, что мы с ним впервые разговариваем и он впервые выглядит заинтересованным в этом разговоре.

— Точно видела?

— Не помню, но скорее всего видела. Я же откуда-то знаю, что он страшный и низенький... у меня не было телевизора. Отчим считал, что все гаджеты — это мракобесие, и запрещал прислуге включать телевизор.

— Ну ты же не прислуга.

— Я мало чем от нее отличалась.

Отпустил кудряшку, и она тут же скрутилась обратно в спираль.

— Где твоя мать?

— Она умерла, когда мне было девять. А через пару месяцев отец женился на Королевишне, и они родили себе еще детей, а я стала им мешать и отправилась жить с прислугой, — я нахмурилась и привстала с постели, но он не дал мне уйти, а привлек к себе поближе и потянул пояс на моем халате.

— Я открыл на твое имя еще одну карту. Хочу, чтобы завтра ты вместе с Эллен обновила свой гардероб. Вместе с Эллен — это значит, что она выберет, а ты к ней прислушаешься!

Пока говорил, гладил большим пальцем мою скулу, затем приспустил с моего плеча халат и провел по нему кончиками пальцев, опускаясь вниз к обнажившемуся соску. Он вдруг наклонился и обхватил его губами, заставив меня застонать.

— Кто такая Эллен?

Айсберг перевернул меня и опрокинул на спину, нависая сверху.

— Хватит задавать вопросы. На сегодня беседа окончена.

## Глава 11

Когда Петр ушел из комнаты, уже темнело. Я, совершенно голая, лежала на постели в обрамлении смятых простыней, разбросанных подушек и исковерканного одеяла. Телевизор все еще был включен и начал меня раздражать. Я потянулась за пультом и вдруг увидела на экране лицо того ублюдка, который пытался меня изнасиловать в переулке. Голос диктора за кадром заставил меня прислушаться и сжаться от ужаса.

— Вчера нашли изуродованные тела двух мужчин, их избili до неузнаваемости, несчастные скончались от полученных травм задолго до того, как их обнаружили случайные прохожие. Предположительно оба убитых ..., — она назвала имена, и на экране появилась скорая помощь, носилки, накрытые простынями, а из-под простыни выглядывает окровавленная рука. Я сдавила простынь сильнее, и сердце тревожно забилося. — Оба были найдены неподалеку от другого места преступления. Как мы и сообщали в прошлом выпуске новостей, водитель такси был обнаружен в собственном автомобиле, в

котором сторел заживо в безлюдном переулке буквально в километре от парка. Сейчас следствие устанавливает — была ли связь между таксистом и двумя другими трупами.

На экране появилось изображение водительских прав и лицо седого таксиста, а меня затошнило. Я вспомнила, как Айсберг сказал мне:

«Их найдут и разорвут на куски... Обещаю».

— У вас отвратительный вкус, моя дорогая. С таким вкусом надо телятам хвосты крутить в деревне.

Эллен в очередной раз швырнула выбранный мною наряд на кожаное кресло, вышло это красиво и в то же время демонстративно. Продавец тут же заметалась перед ней, начала предлагать воду или напитки, но мадам вежливо отказалась.

— Теперь идите и примерьте то, что выбрала я.

Эллен восседала на высоком стуле, скрестив стройные ноги в тонких чулках. Я была уверена, что это именно чулки. От нее веяло аристократическим холодом, надменностью и непримиримой враждебностью. Хотя она и скрывала свои эмоции под маской милого и нежного презрения. Из ее неизменной тонкой сигареты в длинном мундштуке струилась струйка дыма, пахнувшего табаком и вишней.

— Для того, чтобы быть женственной, не обязательно выглядеть, как проститутка на вокзале. Я, конечно, понимаю, что вас не в жены выбирали и даже не в любовницы, но издавна роль куртизанки отличалась тем, что ее исполняли воспитанные, умные, талантливые особы с отменным вкусом и невероятной харизмой. По вам же плачет вокзал и большая дорога.

— Вы так хорошо знаете о способностях привокзальных путан, это личный опыт или книг много читали?

— Невоспитанность и грубость так же отличительная черта плебеев. Чем ниже интеллект, тем выше оскорбления.

Я закусила щеку и стиснула кулаки, пытаюсь успокоиться. Каждое ее слово, как пощечина. Мне хочется вернуть ей. Хочется ответить так же омерзительно, но я кусаю губы и молчу. Не сейчас. Мне было слишком хорошо в эти дни, я была впервые счастлива. Если все вот это можно назвать счастьем. А в моей жизни можно пересчитать на пальцах одной руки, когда на самом деле я ощущала такую радость. Мне хотелось угодить Петру, хотелось увидеть блеск и одобрение в его глазах. Эти три дня он приезжал ко мне каждый вечер, и это были лучшие вечера в моей жизни. И от одной мысли, что так будет и впредь, мое сердце стучало так сильно, что казалось, сейчас пробьет грудную клетку и выскочит наружу. Я не знала, как это называется, не знала, что именно со мной происходит, но если бы я умела сочинять стихи или писать музыку, то именно сейчас у меня получились бы шедевры... Мне даже казалось, что я умею. Потому что внутри меня играла музыка. Особенная. Я нигде ее раньше не слышала... она играла, когда я думала о том, как снова увижу ЕГО вечером, и о том, как он обхватит своими сильными руками мое лицо и вопьется чувственным ртом в мои губы.

Поэтому я вернулась в примерочную и надела узкую серую юбку с персиковой блузкой с пышными гипюровыми рукавами и воротником-стойкой. На удивление вещи сели очень красиво, и когда я вышла, мадам приподняла одну бровь.

— Весьма недурно. Расстегните первые три пуговицы. Нам не надо показывать соски, но нам надо намекнуть, что если расстегнуть еще одну, то они будут близко. И ради Бога, прекратите носить идиотские колготки.

— Но сейчас конец ноября, и на улице невероятно холодно!

— Даже в дикий холод настоящая женщина наденет чулки и кружевные трусики, потому что лишь она и прежде всего она должна чувствовать себя сексуальной и привлекательной, и только тогда именно это почувствует и сам мужчина. Вы же не ходите пешком по морозу, Мэри.

Мэри. Она называла меня именно так и именно этим раздражала. Почему-то в ее устах и ее голосом мое имя звучало оскорбительно. Как будто издевательски. Она его произносила так... словно между строк так и слышалось: «Какая из тебя Мэри, ты самая настоящая деревенская Маруська».

Затем она затягивала на мне ремень на последнюю дырочку и заставила втянуть в себя весь кислород.

— Вот теперь вас можно обхватить обеими руками.

— Но как я буду обедать?

— Вот так и пообедаете.

— В меня ничего не влезет!

— Значит, останетесь голодной. Зря убрали корсеты из повседневной жизни, ужасно зря. В них нельзя было съесть больше, чем могло бы поместиться в сжатый желудок. Прекрасное лекарство от обжорства.

Сама она съела на обед салат с какими-то листьями и тонкой полоской мяса, запила минеральной водой без газа и закусила яблоком.

Я последовала ее примеру, только взяла себе апельсин, но Эллен велела официанту сменить апельсин на зеленое яблоко, как и у нее.

— Почему? — обиженно воскликнула я, и так чувствуя себя злой, уставшей, голодной и просто несчастной.

— Потому что апельсин сильный аллерген, и вашу прекрасную кожу испортят прыщи. Хотите ходить с гнойниками на физиономии, как подросток?

Я посмотрела на часы. Скорей бы закончился этот проклятый день. Скорей бы он прекратился или настало солнечное затмение, чтобы эта фурия просто испарилась и оставила меня в покое. Но мы зашли еще в несколько магазинов, где она выбрала для меня брючные костюмы, платья для завтрака, обеда и ужина. Нижнее белье, чулки, носки, крема для рук, ног и, наверное, даже для ресниц.

— Зачем мне все это?

— Женские руки должны быть нежнее шелка, а у вас они грубые, особенно на костяшках. Как будто вы поломойка или кухарка.

— Нежные они бывают только у белоручек, а я с детства полы мою и стираю руками. Нужно уважать физический труд. Не все рождаются в рубашке.

— Не станете ухаживать за собой, очень быстро снова начнете мыть полы. Тяжелый физический труд не вызывает уважения, а лишь говорит о том, что ума не хватило, чтобы работать мозгами. И для этого не обязательно родиться в рубашке, главное родиться с серым веществом в черепушке.

Отрезала она. Ее, кажется, совершенно не тронул мой рассказ о мытье пола и стирке. Даже наоборот, вызвал в ней еще больше презрения. Захотелось огреть ее шваброй и надеть ведро с грязной водой на голову. Я даже себе представила, как портится ее высоко взбитая прическа «бабетта», и вода стекает по напудренному лицу. Высокомерная сучка.

Расстались мы у ее дома, так как Глеб вначале отвез ее домой и лишь потом мы поехали обратно в особняк. По дороге я стянула с себя пояс, который сдавил меня так, что казалось, желудок застрял где-то в горле, и попросила Глеба отвезти меня в кафе или ресторанчик. От голода у меня кружилась голова, а ведьма Эллен так и не дала ничего перекусить. Глеб посмотрел на часы.

— Скоро ужин.

— Но я ужасно голодна, я бы съела целого слона, а Виолетта наверняка положит какие-то органические хлопья в органическое молоко или сделает фруктовый салат. Пожалуйстааа.

Я схватила его за руку и увидела, как он быстро посмотрел на вырез моей блузки, виднеющийся под расстегнутым пальто. Кадык на его шее судорожно дернулся, и я сама немного отпрянула назад.

— Нет. Мне запрещено водить вас по таким заведениям, только с распоряжения хозяина.

И вдруг меня осенило... Не знаю, что на меня нашло.

— Тогда поехали в супермаркет.

— Зачем?

С удивлением спросил Глеб и посмотрел на меня, как на умалишенную.

— Ну поехали. Хочу устроить Петру сюрприз.

— Кому?

— Петру.

— Нам не дадут ничего из них приготовить, и вообще... даже не знаю. Это плохая затея!

Он снова удивленно хлопнул глазами.

— Ну поехали, пожалуйста. Дадут. Мы же ничего плохого не делаем. Мы в магазин. За вещами ж можно... а почему нельзя, например, за лимонами. Поехалииии!

Наверное, около часа я просто бродила по огромному гипермаркету и хлопала глазами. Никогда не видела таких огромных магазинов и такого изобилия товаров. Я рассматривала все склянки, коробки, упаковки и не могла остановиться. Как будто меня впустили в огромную пещеру с сокровищами, и я забыла, где из нее выход.

Глеб терпеливо шел следом с тележкой, а я бросала туда все, что на меня смотрело, и все, что я могла использовать для своего грандиозного сюрприза.

Домой ехала в невероятном настроении. Я предвкушала, как приготовлю Айсбергу вкусный ужин. Как он удивится, когда на столе будут не его привычные органические безвкусные «хрени», а настоящий ужин. И не просто ужин, а французский или марокканский, или тайваньский, а можно и просто истинно наш. Да-да. Я могла приготовить блюда любой кухни, меня этому научила повариха Люда, когда я торчала с ней на кухне чуть ли не каждый день.

— Учись, Маришка, пригодится. Мужики они, конечно, смотрят на упругий зад и торчащие сиськи, но голодный мужик думает только о жратве. А жратва, Маришка, должна быть самой вкусной только у тебя, чтоб даже когда сиськи-письки увянут, было чем мужика завлечь. Ни одна самая сладкая пилотка в мире не сравнится с виртуозно приготовленным аппетитным жаркое, сочным борщом и пирожками. Это я тебе говорю, как женщина, прожившая в браке почти сорок лет. Поняла?

Да, я поняла... и мужа ее Тимофея знала. Всегда домой, всегда с любовью говорил «моя Людочка». Красивый мужик, видный. Начальник охраны у отчима в гостинице. Ни на одну женщину не смотрел, бежал домой к своей Людочке с пятьдесят восьмым размером одежды и толстой рыжей косой, закрученной вокруг головы.

Глеб пронес сумки мимо застывших Виолетты и Гройсмана напрямик на кухню, поставил возле стола, и я принялась радостно раскладывать их по холодильнику и по полкам, когда вдруг на кухню вошли двое. Один тот самый с залысинами, который меня из гостиницы сюда вез и второй, по виду напоминающий тройной шкаф, стоящий у отчима в подсобке среди старой мебели.

— Так... выноси все это, грузи в машину.

— Что? — я заслонила собой продукты. — Как это выносить? Вы... вы в своем уме?

— На проверку. В лабораторию.

— Куда? — я выхватила у здоровяка сумку с продуктами и поставила обратно на пол.

— В лабораторию. Каждый из этих продуктов должен пройти проверку на ядовитые вещества и...

— Какие вещества? Вы больной? Я лично их купила в супермаркете. Там все люди покупают и...

— Выноси, Миш.

Они обошли меня и принялись вытаскивать сумки из кухни. Глеб с виноватым видом стоял у двери.

— Я же говорил, Марина,... говорил, что нельзя...

От обиды у меня слезы выступили на глазах, и я продолжала выхватывать сумки у охранников, не понимая, что именно они затеяли, и почему продукты должны пройти какую-то проверку.

— Что за бред? Мы что при дворе, а Петр царь? Что за глупости?

— Альберт Игнатьевич, что делать? Выносить или...

— Свяжись с Петром Ростиславовичем. Он сказал, по таким вопросам с ним говорить. — заметил Гитлер.

— Но сейчас пять вечера... он занят в это время с...

Я вся обратилась в слух. Занят с кем?

— Лучше позвонить, чтоб не было проблем. Уж поверьте, я знаю, что говорю.

Они вышли за дверь, а на меня искоса посматривал Гитлер и виновато прятал глаза Глеб. Голос Игнатьевича доносился обрывками и издалека. Я не могла расслышать, о чем он говорит. Только стояла и сжимала в руках пакет со свежей говядиной и смотрела, как из другого пакета выпали специи и рассыпались по полу. Подумала о том, что куркума оставит желтые пятна...

Дверь открылась, и я увидела красную физиономию начальника с залысинами. Он ткнул пальцем в Глеба.

— Она готовит — ты пробуешь. И... потом на ковер. За то, что без моего ведома по супермаркетам шляется.

От радости я захлопала в ладоши и взвизгнула. Все остальные обернулись ко мне и странно на меня посмотрели. Аборигены чертовы. Ничего, постепенно начнем есть неорганическую нормальную еду.



Я ждала его с накрытым столом в самом красивом платье, из всех купленных Эллен, с распущенными до поясницы волосами и в чулках. Неизменном атрибуте соблазнения.

Ужин дразнил ароматом, красиво сервированный стол ломился от блюд, приготовленных лично мною без помощи поваров, я украсила его красиво сложенными салфетками и мелкими свечами. Посередине стояло две бутылки вина. Красного и белого. Так как я не знаю, какое именно он любит.

Примерно час меня распирало от эйфории. Я представляла себе, как он войдет в зал, как увидит весь этот стол, как будет восхищен моими стараниями. Я представляла себе, как он сметет со стола пустые тарелки и возьмет меня почти голую на этой белой скатерти, а потом мы будем лежать на пушистом ковре у камина и пить вино.

Через час мысли начали испаряться, и я уже не фантазировала, а начала искать недостатки в ужине, нагрела все еще раз, переложила заново вилки, протерла ножи. Сменила музыку на блюз и подошла к окну. С неба срывался первый снег. Девственно белый, прозрачный кружевными тоненьким хлопьями падал на землю и тут же таял.

Примерно так же, как и моя эйфория, мои фантазии, мои ожидания. Около десяти часов вечера я нагрела ужин в четвертый раз, сменила догоревшие свечки в третий раз и попросила принести холодное вино, а это отправить в холодильник.

Где-то по коридору сновал радостный Гитлер вместе со злорадствующей Виолеттой. Я слышала их голоса, но не выходила к ним, а так и сидела за столом, как идиотка.

Ближе к двенадцати я поняла, что он не приедет. Но еще не хотела в это верить. Ведь еще не поздно. Совсем. Бывало, он приезжал и в три часа ночи, и под утро. Но внутри меня уже начало подтачивать разочарование и какая-то отвратительная тоска. От нее ныло в груди, и запах ужина уже казался мерзким, а сами блюда дурацкими, неудачными и сервировка убогой.

В полпервого я вышла в коридор и, обхватив себя за плечи, прошлась к парадному входу, отворила дверь и посмотрела во двор. Тоскливо, пусто и холодно. Тишина, шуршит ветер в деревьях, дорога совершенно пустая.

Вспомнилось, как кто-то сказал, что вечером Петр занят, и в это время ему лучше не звонить.

Это был первый раз, когда я вспомнила обручальное кольцо на его пальце. Вспомнила, как оно аккуратно сидит на своем месте и поблескивает ехидным, злорадным блеском, говоря мне о том, что этот мужчина никогда не будет моим. И я вдруг представила их вместе. Ее... пока что без лица, но чем-то

похожую на Эллен в молодости, и его. Как они держатся за руки, ужинают вместе, смотрят телевизор, разговаривают и смеются.

Их дом уютный, там горит свет и тоже пахнет едой, потому что она приготовила ему точно такой же стол. Они пьют вино... и он становится позади нее, кладет руки ей на плечи и наклоняется, чтобы поцеловать ее в шею. Им хорошо вместе и... он никогда не назовет ее вещь или подстилкой.

Глаза обожгло слезами, и я быстрым шагом вернулась в зал. Первым желанием было стряхнуть все со стола, но я заметила бутылку с вином. Схватила штопор. Долго пыталась открыть. Не вышло. Выскочила обратно в коридор.

И наткнулась на Глеба, спящего там с рацией. Ночной обход.

— Глеб? Вы мне очень нужны!

От неожиданности он встал как вкопанный. Он смотрел на меня, и я видела, как вспыхнули его глаза, когда взгляд остановился на моих обнаженных плечах и глубоком декольте. И мне это понравилось. Ощутить себя красивой, ощутить, что кто-то не смотрит на меня, как на вещь.

— Я не могу открыть бутылку с вином. Поможете мне?

— Да... только у меня обход.

— А вы быстро. Откройте и все.

Наверное, это называется строить глазки. Когда вот так взмахиваешь ресницами, вначале опустив взгляд, и прикусываешь нижнюю губу. То ли смущенно, то ли... то ли соблазнительно. И видишь в ответ, как он отводит свой взгляд, как прячет рацию и послушно идет в зал.

Ловко откупорил бутылку и даже налил вино мне в бокал, а когда собрался уходить я неожиданно для себя предложила.

— Не хотите со мной поужинать?

— Не понял. Что сделать?

— Поужинать. Иначе все испортится. — нервно сказала я. — Все это жаркое, драники, тушеная капуста, фаршированные помидоры. Все... к черту испаршится. Поешьте, а потом все обойдете.

Я нагло схватила его за рукав и потащила к столу.

— Вы что? Нам не положено! Мы только на кухне в свое время. Марина Алексеевна. Нет. Вы что?

— Ничего. Вы же меня охраняете, да? Вот я хочу своего охранника накормить. Имею право. Почему бы и нет. Никто не узнает. За вами же не следят.

Я тащила его насильно, пока не усадила на стул.

— Ешьте. Вот картошка, мясо. Вам положить помидоры? Там внутри рыбный паштет с яйцами и майонезом. И капусточки.

Я накладывала ему в тарелку и чувствовала, как пылают у меня щеки, как я готова взорваться, как меня всю трясет от понимания, что никто не приедет, никто не увидит этот проклятый ужин, и сегодня он отправится в мусорку. Не приедет, потому что он там не один... вот почему нельзя было звонить. Он с ней. Со своей...

Я осушила бокал с вином до дна, налила себе еще один, глядя, как Глеб за обе щеки уминает ужин, и чувствуя злость на него, на себя и на Айсберга.

Ведь он знал, что я приготавливаю ужин. Ему сказали. Знал и не остановил... Потому что на самом деле ему на меня плевать.

— А вы давно работаете у... у Петра Ростиславовича?

— Около пяти лет. Два года я работал в резиденции, потом меня перевели сюда. Говорят, это место для избранных, для тех, кому ОН доверяет.

Сказал с гордостью и отломил тонкий французский хлеб.

— Глеб... вы ведь можете говорить мне правду, да? Вам ведь не запретили?

Он кивнул с полным ртом и быстро наколот на вилку мясо и картошку.

— А... а Петр, почему ему нельзя звонить в пять вечера? Вы же там работали... вы все знаете.

— Потому что в это время у него ежедневное совещание.

Совещание? Значит, совещание. Мне вдруг стало намного легче, и я даже смогла выдохнуть и сделать глоток белого вина. Оно приятно согревало вены и раскрепощало. Я вдруг захотела узнать больше, и мне показалось, что сегодня Глеб будет более разговорчивым, чем всегда.

— А после совещания чем он обычно занят?

— После совещания он проводит время с семьей. По вторникам и по пятницам у них так заведено.

— С семьей..., — повторила я и сдвинула бокал двумя руками. И накрыло уже с новой силой да так, что перехватило горло и все картинки пронеслись перед глазами только уже намного ярче. — У них там что все по расписанию?

— Да. Конечно. Это ведь президент. Там все строго по часам. Первая леди любит ужинать ровно в шесть вечера в фиолетовой зале. Затем по вторникам они играют в боулинг до девяти, а после девяти посещают вместе бассейн и отправляются в спальню. А в пятницу...

По мере того, как он говорил, я медленно вставала со своего места, чувствуя, как немеют мои ноги.

— Как... вы сказали? Президент?

— Президент, — ответил Глеб с полным ртом.

— Президент чего? — переспросила я. — Корпорации? Фирмы? Как она называется?

Глеб усмехнулся и положил себе еще помидоров. А я поняла, что наконец-то услышу правду и хотя бы что-то узнаю о своем любовнике.

— Невероятно вкусно. Вы прекрасно готовите... А еще прекрасней шутите. Петр Ростиславович — президент нашей страны. Та еще корпорация, надо сказать. Тащить со дна и тащить.

У меня вдруг резко закружилась голова, и я схватилась за спинку стула, чтобы не упасть. К горлу подступило вино, и мне показалось, что я вот-вот исторгну все содержимое желудка на стол. Мне было очень плохо, как будто я отравилась и у меня резко поднялась температура.

— Президент... вы шутите, да? — переспросила я севшим голосом. — Вы меня разыгрываете! Это он вам сказал так надо мной поиздеваться?

— Шучу? — теперь он казался озадаченным и даже ошарашенным. Он смотрел на меня, как на последнюю идиотку, и его глаза округлились. Он достал свой сотовый, что-то быстро там написал и дал его мне. Медленно, с опаской я протянула руку и взяла мобильный, посмотрела на экран, и все тело стало каменным. Я потеряла чувствительность ног и рук, вросла в пол.

«Президент Петр Ростиславович Батурин вместе с первой леди страны Людмилой Филипповной на открытии металлургического завода в северном городе...»

И я вижу на фото Айсберга. Он смотрит в камеру и сдержанно улыбается одними губами, в его синих глазах арктический холод и непроницаемая толща замерзшего океана, а рядом с ним красивая, утонченная, миниатюрная светловолосая женщина. Она держит его под руку и тоже улыбается. Их лица почему-то вдруг начали таять, размазываться, двоиться и вдруг оба пропали, а вместо них перед глазами стало темно. Как будто резко выключили свет.

У меня случился личный апокалипсис. Когда открыла глаза, надо мной склонилась Виолетта с каким-то ужасно вонючим пузырьком, а Гитлер хлопал меня по щекам. Они выглядели испуганными. Именно испуганными, а не встревоженными моим обмороком.

— Позвонить ему?

— И получить по голове? Сейчас оклемается.

— Может, она...?

— Исключено, я слежу за ее циклом и за приемом гормональных.

Я оттолкнула руку женщины и, вскочив, попятилась назад. Смотрела на них на всех, чувствуя, как задыхаюсь и как все еще немеет мое тело. Перед глазами экран мобильного и лица Айсберга с ней. С его женой... Поднялась на ноги, с опаской глядя на Виолетту, на Гройсмана и на Глеба. Они казались мне не

просто ужасными, а гораздо страшнее. Они казались мне пособниками в каком-то чудовищно-мелком преступлении. Покрывателями маленьких грешков своего хозяина. Маленьких и жалких в виде меня. Глотая воздух, и никак не в силах им надыхаться, я отступала куда-то к стене, пока не облокотилась на нее спиной.

— Президент..., — тихо сказала я и увидела, как Виолетта быстро посмотрела на Гройсмана, а он на нее, потом они перевели взгляд на Глеба.

В каком-то паническом припадке я схватила пульт от телевизора, включила и начала нервно щелкать по каналам, пока наконец-то не увидела то, что искала... ЕГО. На весь экран на какой-то конференции. Стоит на трибуне, в окружении военных и что-то говорит своим невыносимо красивым голосом. Камера едет по лицам собравшихся в зале, по репортерам и журналистам и снова возвращаются к нему. Я подхожу к телевизору шаг за шагом, пока не останавливаюсь вплотную, глядя на красивое, холодное лицо Петра, который поднял голову и посмотрел пронизывающим взглядом в камеру, прямо на меня. От его недостижимости, от понимания высоты, на которую я смотрю из своей вечной бездны никчемности, у меня закружилась голова. Между нами не просто бездна, между нами целая Вселенная.

— Сегодня Петр Ростиславович Батулин выступил на пресс-конференции...

Отступила назад, отрицательно качая головой, бросилась к столу, к ноутбуку, который мне дали, когда я только приехала в дом, но которым я так ни разу и не воспользовалась. Открыв крышку, я вдруг в беспомощности поняла, что не знаю, как с ним обращаться. На уроках по информатике у нас был стационарный старый «динозавр», и там все выглядело по-другому, а в доме отца строго было запрещено трогать любые гаджеты. Подбежала к Глебу, схватила его за руку и потащила к столу.

— Ннайди мне... как это ищут, покажи, куда нажимать. Я хочу видеть, я хочу знать.

— Глеб! Не смей! Выйди! НЕ подходи и не связывайся с ней! Послушай меня! Это не доведет до добра!

Виолетта казалось сейчас сама грохнется в обморок. Ее лицо побледнело и покрылось красными пятнами.

— Она все равно уже знает! Пусть увидит сама! Это разве секрет? Рано или поздно она бы узнала. Только слепой и идиот не видел своего президента в лицо! И... она... Удивительно! Просто удивительно!

— Выйди, я сказала! Значит, так было нужно ЕМУ! Понимаешь? ОН решает — кто, что и когда должен знать!

— Мама! Прекрати истерику! Этот комп он сам ей дал. Она могла узнать в любой момент.

— При этом ноутбук всегда был закрыт и стоял в его кабинете! Куда ей запрещено заходить!

Мама? Она его мама? О... Боже! Мне кажется, я сегодня сойду с ума.

— Я хочу знать. Пожалуйста, пусть он покажет мне, как пользоваться ноутбуком. Просто покажет, я все найду сама. Я никому не скажу!

— Скажешь! Ты вообще не умеешь молчать! — зашипела Виолетта. — А не скажешь, он все равно рано или поздно узнает и тогда... ты его не знаешь! Не знаешь, на что он способен!

Я видела в ее глазах неподдельный страх, она не преувеличивала и не лгала... и я почему-то ей верила. Айсберг мог быть ужасным. Тогда я и понятия не имела насколько.

— Прекрати истерить, мама. Я просто покажу и уйду. Она имеет право знать. Имеет, понимаешь? Чтоб не было как с теми...

— ЗАМОЛЧИ! — Виолетта выпучила глаза и сжала руки в кулаки. — НИ СЛОВА БОЛЬШЕ!

Но я сейчас ничего не слышала, я смотрела, как Глеб что-то пишет на странице, в поисковой строке, как нажимает на значок с лупой и... следом за этим открываются списки статей с фотографиями.

— Вот здесь нажимайте и читайте. Думаю, дальше разберетесь.

Я рассеянno кивнула и перевела взгляд на ноутбук. Меня трясло, и я не попадала пальцами по буквам. Казалось, что это все происходит в каком-то сне и не со мной. Но фото, кадры там, в интернете говорили об обратном. И мне становилось страшно... от осознания, где я, а где он. От какого-то обреченного понимания, что я не просто никто, а я... я ничтожней пыли, я настолько мелкая и невидимая, что по мне можно пройти подошвой грязного ботинка и не заметить.

А еще... их было очень много вместе. Его и ее. Мне бы хотелось сказать, что она страшная, что она старая, что она... не знаю, что она мерзкая, но все не так. Она была настоящей первой леди. Хрупкая, нежная, несмотря на округлые формы. Какая-то вся идеальная, утонченная. Таких женщин можно увидеть лишь на обложках журналов. Она ему подходила...

Открывая страницу за страницей, я погружалась в то, что казалось мне все более и более нереальным. В его жизнь. В его насыщенную, интересную, далекую от таких, как я, жизнь. Насколько же я... ничтожная. Я щелкнула по ссылке «Семья президента Батурина — его жена и дети». ДЕТИ!

Дрожащие пальцы опустились, не дотрагиваясь до клавиатуры. Да... у него были дети. Девочки. Две. Похожие на него и на нее. Светловолосые, голубоглазые, милые. Одной двенадцать, а другой девять. Карина и Кристина. Тяжело дыша, чувствуя, как слезы подступают к горлу, я смотрела на Батурина с младшей дочерью, а потом переводила взгляд на старшую и снова на жену. Красивые, глянцевоe, такие... как показывают в кино.

И нет нигде в этой жизни места таким, как я. О таких никто не знает, о таких ни с кем не говорят. Таких прячут в загородных домах, держат взаперти, трахают, а потом... вышвыривают на улицу.

Наивная дуручка. Спустя годы я вспоминаю этот шок, эту боль, это ошеломление от понимания, кто я на самом деле, точнее, насколько же я НИКТО! И свои глупые мысли об улице...

Я ушла к себе, придерживаясь за стену, на немеющих ногах. Зашла, закрыла за собой дверь на замок, потом провернула там ключ еще раз и сползла по стене на пол.

Мне было страшно и как-то ужасно не по себе. Щеки горели и пекли, как будто мне надавали пощечин.

Вот почему отчим и мачеха носились, как ненормальные, когда он приехал, вот почему они стояли с ошеломленными лицами и никто из них не посмел возразить. Они все боялись. Они все знали, кто он. Все, кроме меня, идиотки.

Пока я сидела в темноте и смотрела в никуда, я поняла, что меня не так поразила новость о том, что он президент... она, по сути, ничего для меня не изменила. Меня поразили они вместе. Он и его жена, он и его счастливые маленькие дети. И я вдруг показалась себе по другую сторону этой картинки грязной и... какой-то отвратительной. А еще мне было мучительно больно осознавать, что она ему не чужая, не какая-то насточертевшая уродливая... я видела, как он на фотографиях держит ее за руку, или приобнимает за талию. Видела, как девочки похожи на них обоих.

Вспомнила, как читала о ней, о ее благотворительном фонде, о ее вмешательстве в судьбы голодающих детей в детских домах, о помощи многодетным. Она, как ангел-хранитель, держит на руках худых детей, жертвует деньги, везет провизию, созывает какие-то комитеты. Она достойна его... Она такая, какая должна быть рядом с ним.

Я просидела там около суток. Не выходила есть, не выходила даже пить.

Меня никто не трогал. Виолетта притихла и даже не подходила к двери. Несколько раз наведалься Гройсман, но я ему не открыла.

К вечеру второго дня я услышала шаги по лестнице, и мое сердце забилось намного сильнее. Я уже знала, что это ОН. Научилась узнавать по шагам... и не только. Внутри меня все начинало трепетать, мое сердце замирало и переставало биться, когда я понимала, что увижу его. Но сейчас оно сильно сжималось и дико колотилось. Я не хотела, чтобы он приезжал. Я впервые хотела побыть совершенно одна.

Ручку двери дернули.

— Открой.

— Я плохо себя чувствую и хочу побыть одна.

— Я сказал, ОТКРОЙ!

Голос прозвучал властно и очень резко. Я чувствовала в нем раздражение.

— Пожалуйста... я не могу. Я хочу побыть одна.

В дверь ударили несколько раз очень сильно, и она задрожала.

— Я. СКАЗАЛ. ОТКРОЙ. ЭТУ. ДВЕРЬ!

— Нет!

— Что значит, нет? Этого слова не должно быть в твоём лексиконе! Открыла и стала на колени готовая и покорная!

— Ты... не сказал мне! Не сказал, кто ты! Все это время ты молчал!

Грохот стих.

— Ты... Вы... как мне обращаться к тебе? Господин президент? А? Позовешь свою охрану, и они взломают дверь? Ты же все можешь!

На какое-то время воцарилась тишина. Но я знала, что он там. Стоит с другой стороны и шумно дышит. А потом дверь с грохотом разлетелась, и я закричала и прижалась к стенке. Он сгрёб меня за шиворот и заставил встать на носочки.

— Кто ты такая, чтобы что-то знать? А? Кто ты вообще такая? Маленькая шлюха, которая продала мне себя в гостинице? Ты никто. Пустое место. Дырка. И я эту дырку купил!

— Если бы знала, кто т... вы... никогда бы не пришла!

— А что это меняет? — его глаза впервые горели адским бешенством. — Какая разница, чьей дыркой быть? Президента, депутата, бизнесмена? Ты ж не замуж шла и даже не в любовницы, а просто в подстилки!

Как же больно он бил. Наотмашь. Так, что дух захватывало и в горле саднило. Каждым словом в солнечное сплетение.

— Ничего не меняет..., — еле шевеля губами прошептала, — а твоя жена и дети...

Он впечатал в меня в стену так, что я ударилась головой, схватил за горло и зашипел мне в лицо.

— Никогда не говори со мной о моей семье, поняла, шваль? Никогда не открывай свой грязный рот и не марай им моих детей! Ясно?

Пальцы сдавили мою шею с такой силой, что мне казалось, он сейчас меня сломает. Это было больно, неожиданно и страшно.

— Ясно, я спросил?

Едва смогла кивнуть, как он разжал пальцы, схватил меня за волосы на затылке и поставил на колени.

— Будь послушной и покорной, как обещала. Скажи «аааа».



Надавил мне на щеки, другой рукой высвобождая член. Он трахал меня в рот быстрыми безжалостными толчками, оперевшись обеими руками о стену и не глядя на меня, пока не кончил мне в горло и не развернулся, чтобы уйти. Я глотала его семя, кашляла и давилась позывами тошноты. Но он так и не посмотрел на меня. Уже переступая за порог, сказал.

— Завтра мы улетаем. Собери вещи. И еще всегда помни, что я тебе сегодня сказал. И знай свое место.

## Глава 13

Частный самолет еще шикарней предыдущего, мои вещи собраны Виолеттой без моего участия. Я только стояла в стороне и смотрела, как она их складывает и выбирает по списку. Интересно, кто его составлял. Она сама или ей приказали. Я просто смотрела и молчала. Внутри какая-то ужасающая пустота. Как будто я шагнула в пропасть и полетела, и продолжаю лететь, и точно знаю, что я упаду и разобьюсь насмерть, и всем, абсолютно всем будет плевать на меня.

Даже ему. Он найдет себе еще одну дырку. От этого слова снова сжималось все внутри и начинало жечь горло. В самолете его не было. Я летела одна. Вопросов больше не задавала. В них не было смысла. Как он правильно сказал — я никто.

Я вообще вдруг за эту ночь начала ощущать себя другим человеком. Желание радоваться жизни пропало. Пришло мрачное осознание реальности. Как будто с меня содрали розовые очки с мясом. А еще мне было очень страшно от понимания, с кем рядом я нахожусь... Во все времена женщины для утех сильных мира сего плохо заканчивали. Как же смешно теперь смотрятся мои попытки собрать денег на карту, чего-то добиться. Он может и карту отобрать, и деньги, которые дал. Я даже в полицию не пойду, потому что там мне скорее закроют рот, чем дадут что-то сказать.

Мне принесли крем-суп с креветками, салат из авокадо и фруктовый смузи. Мое меню так же составила Виолетта. Теперь мне это больше не казалось абсурдным. Я поняла, почему они все так его боятся, почему выстраиваются перед ним и готовы лизать его ботинки. Он для них Бог и может решать — жить им или умереть. Как жить, где и с кем.

Глеб летел со мной, но в другом отсеке. Он, Виолетта и еще два охранника. Свита. У меня теперь имелась своя свита. Одна будет следить за каждым моим вздохом, а другой — сопровождать даже в туалет.

От скуки полистала журнал и вдруг наткнулась на ЕЕ фото. Людмилы. Первой леди. Длинная, радужная статья о семье президента. Как кстати. Или журнал

сюда положили нарочно. Какое-то время смотрела в ее лицо, вспоминая, как он рычал мне о том, чтобы я и имя ее не произносила, не марала его.

Ясные голубые глаза, аккуратно уложенные волосы. Минимум косметики, нежные руки. Наверное, он ее любит. Они вместе с тех времен, когда он был никем. Сдержанно, но очень дружелюбно и совершенно не высокомерно Людмила Филипповна рассказывала о своем муже, о семейных традициях, несколько забавных историй из жизни и даже дала рецепт любимого вишневого пирога президента, который она печет для него сама. И на каждой странице ее фото. Вот она на кухне в белом фартуке в красную клетку, вот она читает книгу с чашкой кофе, вот она стоит на веранде и смотрит на закат...

Ее... он никогда не назовет дыркой. Не выдержала, вырвала страницу, смяла, разорвала на мелкие кусочки и швырнула в урну.

Поковыряла ложкой в супе и отставила его в сторону. Аппетит так и не вернулся. Выглянула в иллюминатор, когда самолет уже шел на посадку. И... перехватило дыхание.

Внизу бирюзовая гладь воды, нежно-желтый песок, островки с зеленью. О боже! Я все это могла видеть только по телевизору и то очень редко. Сердце подпрыгнуло, и я подвинулась поближе к стеклу. Как красиво. После унылой серости поздней осени вдруг увидеть вот это летнее буйство тепла.

Возле самолета меня встретил автомобиль. Белый джип с тонированными стеклами. За рулем Глеб, по бокам от меня охрана. Виолетта в другой машине с персоналом едет следом. И еще две машины сопровождают джип, по бокам.

В окне проносятся пальмы, играет бирюзовыми красками океан, виднеются островки с домиками.

— Мы в гостиницу?

— Нет, в личное бунгало.

Ясно. Точнее, ничего не ясно. И я понятия не имею, что значит бунгало. Наверное, привычное место отдыха. Несмотря на ужасное настроение, я не могу не восхищаться теплом, ярким солнцем и всем, что меня окружает. Как будто я попала в рай.

Мои ноги ступили на песок, и я вся содрогнулась от удовольствия и необычного ощущения. Не удержалась и зачерпнула песок ладонью.

— Где мы?

— На Мальдивах, — ответил Глеб и указал мне пальцем на яхту. — На ней мы отправимся в дом.

Ух! Стало страшно. Я никогда не ездила на лодке и никогда не плавала. Особенно в море. Или в океане. Он помог мне забраться на борт. Волнение и тревога начали отодвигаться на второй план, и мною постепенно овладевал дикий восторг. Я на... на Индийском океане. Здесь красиво, как в раю. Пахнет солью. Пахнет летом. Пахнет водой. Когда яхта отчалила от берега, мне в лицо подул ветер, и я раскинула руки. Красивоооооо. Как же невыносимо здесь

красиво. Мы приближались к небольшому двухэтажному дому, расположенному прямо на воде. И у меня дух захватывало от этой экзотики и красоты.

Глеб помог мне пройти по трапу, и я очутилась в маленьком раю, окруженном водой. Берег видно, но он далеко. Со всех сторон бирюзовая гладь, на небе ни облачка. Очень жарко, и теплый ветер треплет мне волосы.

— Идемте, я покажу вам вашу комнату.

Голос Виолетты мне не понравился... В раю его точно быть не должно, это разрушает всю атмосферу. Но я все же проследовала за ней, но уже в гостиную остановилась как вкопанная. Дом был украшен цветами. Невероятно пахнущими тюльпанами черного и белого цвета, источающими стойкий аромат. Я стиснула пальцы между собой... Как... как они узнали? Или это совпадение? Тюльпаны очень любила моя мама... и я их любила. Их запах напоминал мне о детстве, я втягивала его полной грудью, и вся злость, напряжение, тоска отступали, исчезали, рассеивались в прекрасном аромате.

Положила сумочку на деревянный, вскрытый лаком, белый комод и не удержалась, тронула черные и белые цветы пальцами, втянула их аромат.

— Я отнесу ваши вещи в спальню. Чуть позже их распакуют.

Глеб пронес чемодан, и я пошла следом за ним, и снова ступор. Спальня украшена ярко-альби тюльпанами. Они повсюду. Даже на подушках аккуратно уложенные головки цветов.

Я склонилась над одним из букетов, втягивая аромат цветов и наслаждаясь его сочностью.

— Я не знал, какие именно тебе нравятся.

Голос Айсберга заставил вздрогнуть от неожиданности и замереть. Сердце тревожно забилось. Оказывается, очень многое изменилось за эти сутки. Он больше не просто мой любовник. Он человек, который... Господи! Я не верю, что это реально происходит! Он... президент. Он выше облаков и дальше горизонта. Подошел сзади и положил руки мне на плечи.

— Нравятся цветы?

Его голос все так же пробирается под кожу, все так же ласкает слух, а руки сжимают мои плечи чуть ближе к шее. Вчера он сдал ее так, что на коже остались отпечатки от его пальцев.

— Да...

Ответила я и выдохнула, ощутив, как он гладит мой затылок.

— Вчера ты очень сильно разозлила меня, бестия. Очень сильно.

Развернул к себе и поднял мое лицо за подбородок.

— Никогда больше так не делай. Мне очень не хочется причинять тебе боль.

А мне показалось, что он сказал это с наслаждением, как будто ему понравилось, и он хотел ее причинить... и унижить.

Наклонился к моим губам и прикоснулся к ним своими.

— Снимай с себя все эти тряпки. Я буду ждать тебя в бассейне.

— Я боюсь воды.

— Со мной ты можешь бояться только меня. Никто и ничто больше не может тебе навредить.

— Откуда вы узнали... о тюльпанах...

— Ты..., мы давно перешли на ты... и я знаю о тебе все. Даже то, чего ты не знаешь сама. Но я покажу тебе... обещаю.

Так его голос еще никогда не звучал, так сладко, как тягучая патока, вместе с ласкающими шею пальцами, опустившимися к груди и приласкавшими затвердевший сосок. Меня впервые кольнуло ненавистью к нему... За то, что может это сделать. Заставить дрожать от возбуждения даже после того, как заставил бояться. Сегодня он был совершенно другим, словно психопат, чье настроение меняется со скоростью звука. Пока он гладит мой сосок, я вижу перед глазами лицо его холенной жены в клетчатом фартуке с подносом в руках... Он трахает ее по пятницам. Во все остальные дни идет ко мне? Или трахает еще кого-то? Почему-то от этой мысли затошнило и захотелось убрать его руку... Только самое мерзкое, что между ног уже влажно, и я не знаю, как этот человек может творить с моим телом такое.

Развернул меня к себе, чтобы видела всего, чтобы вздрогнула от его ледяной красоты и осознания могущества. И у меня дыхание перехватывает от понимания, с кем я... и от понимания, насколько он въелся мне в вены.

Меня манят его синие глаза, сверкающие яростью, расширенные зрачки, сжатые челюсти и его невероятный запах. От ледяной, арктической красоты захватывает дух и дрожат колени. Увидела, как расстегивает рубашку с этим страшным и в тот же момент сумасшедшим блеском в глазах, и по телу прошла еще одна волна возбуждения. Удар током. Кровь застучала в висках, и зашкалил адреналин.

Петр резко рванул меня к себе за плечо.

— Сними все это... ты должна быть полностью голой и покорной сегодня. Я так хочу.

И мне не хочется сказать «нет»... Мне хочется быть голой и покорной. И в то же время страшно, что в нем вдруг проснется тот самый зверь...

Сплотнула и потянула за тесемки тоненького платья, облизывая пересохшие губы и не сводя с него взгляда.

Платье упало к моим ногам. Голой кожи коснулась прохлада кондиционера и его горящий взгляд, заставляя соски сжаться в тугие камушки, а низ живота предательски заныл.

Он поманил меня пальцем к себе, расстегивая ширинку. Внизу все стало влажным и запульсировало. Как человек, который заставил меня плакать от унижения, может вдруг перевоплощаться в сумасшедшего и сексуального любовника.

Сделала шаг навстречу и медленно опустилась на колени, потянула змейку на его штанах, высвобождая член и обхватывая его обеими руками. Пытаюсь угодить...

— Не сегодня.

Вздернул меня вверх и обхватил мой подбородок, усмехаясь и проводя пальцем по моим губам.

— Хотя мне понравилась твоя инициатива.

Внезапно он наклонился и жадно впился в мои губы, когда почувствовала его пальцы между ног, прикусила губу, понимая, что еще немного, и я кончу. Вот так быстро и унижительно. Никакого контроля над собой. Петр резко проник сразу тремя пальцами в лоно, несколько толчков и вынырнул, размазывая влагу по промежности.

— Потекла малышка... Скажи, когда захочешь кончить...

Потер между набухшими нижними губами, массируя и надавливая, и у меня подогнулись колени... почувствовала, как издалека приближаются уже знакомые волны наслаждения... всхлипнула и впилась ногтями в его руку... жалобно прошептала:

— Я сейчас кончу...

— Нет... не кончишь..., — властно шепотом мне в задыхающийся рот.

Убрал руку, и я закусила губу до крови, стараясь немного успокоиться. Провел пальцами по моим губам, заставив облизать их, погружая глубоко мне в рот, от его затуманенного пьяного взгляда кровь застучала в висках. Внезапно Петр подхватил меня на руки, вынес из комнаты и швырнул в бассейн, не успела погрузиться в воду, как уже его сильные руки прижали меня к себе.

Испуганная, дрожащая я барахталась в воде, пока он не стиснул меня сильнее.

— Со мной не утонешь. Я не топить тебя буду, а трахать. Везде.

Я тихо застонала, глядя на его мокрое лицо, на капли воды, застывшие на смуглой коже. Мокрые волосы казались совсем темными и падали ему на лоб и на глаза. Петр обхватил меня за талию, приподнимая, отклоняя назад, и резко проник пальцами во влагалище, я изогнулась, вскрикнув и закатывая глаза от наслаждения. Как порочно и сладко звучит его голос, как много обещает, заставляя содрогаться всем телом и бояться, что не исполнит. Почувствовала жадные губы на соске, как сильно втянул его в рот, обводя

языком, и сорвалась, когда пальцы сдавили клитор, потирая, и с первым же спазмом снова врезались внутрь.

Я, кажется, кричу, ловлю воздух широко открытым ртом и кричу, быстро сокращаясь вокруг его пальцев, уткнувшись лицом ему в грудь и цепляясь руками за сильный затылок.

Когда открыла пьяные глаза, увидела его бледное лицо с заостренными чертами, голодный, дикий взгляд. Но он не оставлял меня, приподнял на борт бассейна, и через секунду я почувствовала его горячие губы на своей плоти, все еще чувствительной после оргазма.

От смущения сдвинула колени, но он насильно раздвинул их в стороны, и от прикосновения кончика языка к чувствительной плоти я выгнулась дугой.

По всему телу пошли мурашки. Он вылизывал мою плоть очень долго и очень умело. Мне кажется, я плачу от наслаждения, подгибая пальчики на ногах и закатывая глаза, сосредоточенная на самом кончике его языка, выписывающем свои наглые автографы на моем подрагивающем узелке, пока меня снова не выгнуло с диким воплем удовольствия. Петр сдернул меня к себе и жадно впился в мой рот своими мокрыми губами. Я громко стонала, лихорадочно глядя его сильную спину, царапая ногтями, задыхаясь от глубокого поцелуя.

— Нравится быть моей? — хрипло выдохнул мне в рот, собирая мои волосы на затылке. — Нравится, отвечай?

Кивнула и снова потянулась к его губам, но он удержал.

— Вся моя будешь. Каждый сантиметр твоего тела теперь принадлежит мне. Затрахую сучку мелкую, плакать будешь... а уже поздно. Хочешь, чтоб затрахал?

— Хочу..., — пробормотала и выгнулась назад, подставляя торчащие соски его рту.

— Хочешь плакать для меня? Кончать и плакать?

— Хочу...

Пытка продолжалась, меня распластали на кафеле, приподняв мои ноги и придавив их к моей груди, жадные губы снова обхватили пульсирующий набухший комочек плоти и принялись посасывать его. Почувствовала, как погладил пальцем между ягодиц, и внутренне напряглась, забывая, как дышать, но губы, терзающие мою плоть, заставляли забыть обо всем, приближая еще один взрыв наслаждения.

Петр развернул меня спиной к себе, целуя жадными губами мой затылок, шею. Его нетерпение сводит с ума, каждая его ласка сбрасывает меня в кипящий океан безумия.

Увидела, как вцепился в борт бассейна, его сильные пальцы контрастом на белом кафеле, а потом одним сильным толчком вошел в меня. Прикусил за затылок, и по телу прошла дрожь.

— Маленькая дрянь... заставляешь хотеть тебя.

Вонзился еще сильнее, громко застонал.

— Вечно хотеть...

И эти слова, сказанные скорее себе, свели с ума еще сильнее. Я застонала, приподнимаясь и прижимаясь спиной к его груди.

Он двигался во мне быстро, сильно, резко, как безумный, громко рычал и стонал, вонзаясь так глубоко, что у меня перехватывало дыхание и с губ срывались вопли и дикие крики.

Но вдруг опять оставил меня и прошелся ладоням по моей спине, надавливая на поясницу, заставляя прогнуться стоя на четвереньках. Ладони смяли мои ягодицы, и пальцы прошли между ними, пока один из них не надавил на анус, заставив сжаться всем телом и закусить губы.

Я инстинктивно напряглась, и он опять переключился на мой клитор, не прекращая медленно погружать палец во вторую дырочку, все глубже и глубже. Прижимаясь ко мне горячим телом, покрывая поцелуями мою спину, прикусывая мочку уха.

— Расслабься... чувствуешь, как приятно, когда я делаю вот так, — погрузил палец глубже, — это еще один способ доставить мне удовольствие, моя покорная шлюха. И ты будешь кричать от него так же сладко, обещаю. Не сжимайся... просто расслабься. — добавил второй палец и сделал пару толчков, — я не причиню тебе боль... хотя, ты заслуживаешь, чтобы тебя вдавили головой в пол и драли грубо и жестко. До слез.

Пальцы второй руки продолжали ласкать спереди, поглаживая клитор.

— Скажи, девочка, чья ты шлюха... скажи...

И сейчас это не звучит так мерзко, как вчера... звучит грязно и заворачивающе. Подхлестывает и сводит с ума. Он произносит это хрипло, и я становлюсь еще мокрее.

— Скажи... сейчас же!

— Твоя.

— Твоя шлюха! Говори!

Мои глаза закатились от наслаждения, от острых и дерзких ласк. Он уже двигал пальцами быстрее, и удовольствие было очень острым, запретным и невыносимо порочным. Особенно вперемешку с этим шепотом, но я была пьяная от возбуждения, податливая, как вата. И он мог творить с моим телом все, что угодно.

— Твоя шлюха..., — пропищала и застонала от невыносимости удовольствия.

— Правильно... Хорошая девочка.

Внезапно стало очень больно, и я застыла, задыхаясь и хватая воздух губами, дрожа всем телом. Вместо пальцев в меня вошел его член. Как будто разрывая, растягивая настолько, что я сейчас лопну или умру.

— Тсссс, — шепот над ухом, — не сжимай меня. Отпусти.

Успокаивающе прошелся поцелуями по моим плечам, по затылку. Очень медленно, осторожно проникая все глубже и глубже.

— Привыкай ко мне. Больно только вначале. С первым толчком... но будет приятно. Выть будешь, так понравится.

Приостановился, давая мне привыкнуть к своим размерам, к проникновению глубже. Постепенно набирая темп, лаская мое тело, хрипло рыча мне на ухо. Все быстрее и быстрее... и боль перерастала в едчайшее наслаждение. Меня от него буквально разрывало на части. По щекам покатились слезы, и я кусала губы, свои пальцы и его пальцы, проникающие мне в рот и спускающиеся по животу между ног, чтобы опять терзать меня уже с двух сторон. И это уже был не привычный оргазм, а нечто ужасающе темное и бешеное. Нечто, заставившее меня заорать, запульсировать всем телом, словно теряя сознание, отключаясь от внешнего мира. Нанизанная на своего любовника, сдавленная им и безжалостно дергающаяся от его толчков.

Он взревел, прижимая меня к себе, бурно кончая и пряча лицо в моих волосах.

Это был самый запоминающийся наш секс. Наверное, после этого я ощутила себя совершенно поработанной, сломленной и прибитой к нему какой-то отвратительно прекрасной зависимостью. Помеченная везде. Он заклеил меня, как только может мужчина заклеить женщину. И взял везде, где только можно взять.

А потом мы лежали на шезлонге, ели мороженое и фрукты. Он слизывал сливочную массу с моей груди, покусывая соски. А я точно так же жадно облизывала его. Это было развратно, грязно и очень... близко. Как будто он вдруг стал совсем моим. Я смотрела, как Айсберг улыбается. Во второй раз это было еще более завораживающе, чем в первый. Ему ужасно шло улыбаться.

Мне казалось, мы на необитаемом острове. Голые, развратные и забытые целым миром. Я простила ему все, что он говорил... Я забыла обо всем. Мне было хорошо. Так хорошо, что я засыпала у него на груди и не хотела просыпаться. Наверное, это случилось именно в тот день... Я влюбилась в него. Именно тогда эта гнилая любовь дала свои первые ростки, потянувшись к нему всем своим существом.

Но просыпаться от сказки пришлось... Потому что он уехал на следующий день. Никакой близости не случилось, ничего не изменилось. Не попрощался, не сказал, когда вернется. И я очень быстро упала с неба на землю...

Ближе к ночи к дому подъехала моторная лодка, и я в надежде вскочила с постели. Подбежала к окну. До меня доносились голоса. Охрана кого-то не впускала и требовала немедленно покинуть дом. Я набросила шелковый халат и вышла на улицу.



Глеб и еще три охранника стояли возле причала... а перед ними в лодке оказалась молодая женщина в белом наряде с развевающимися золотистыми волосами. Очень красивая молодая женщина. Настолько красивая, что мне стало даже не по себе.

— Что случилось? — спросила я, кутаясь в халат и глядя то на незнакомку, то на охрану.

— Диана Борисовна, вам лучше немедленно уехать. У меня распоряжение не впускать вас в дом!

— Глупости! Здесь мои вещи!

— Ваши вещи давно отправлены к вам.

— Где он?

— Уезжайте, пока мы не приняли вынужденные меры!

Глеб подался вперед.

— Кто это? Кого он уже сюда притащил? — гостья кивнула в мою сторону и презрительно осмотрела меня с ног до головы.

— А вы кто? — спросила я и ощутила первый укол в области сердца. Неприятный и очень чувствительный.

— Я — ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА ПЕТРА. И не пойму, что за шавку он привез в наш дом?!

## Глава 14

Я смотрела на нее, тяжело дыша и сжимая руки в кулаки. Смотрела, как ей не дают стать на причал, как отчаливает лодка.

— Думаешь, ты смогла занять мое место? Мелкая прошмандовка! Он вышвырнет тебя точно так же! Или утопит! Или смешает с грязью!

Она кричала и пыталась оттолкнуть одного из охранников, который удерживал ее насильно, чтобы она не свалилась в воду.

— Запомнииии, ты для него никтооо. Никтооо. У него таких сотнии! Неделю назад он трахал меня в этом домике и обещал подарить бриллианты. Поняла? Неделюуюю!

Мои щеки горели так, будто мне надавали пощечин. Они пульсировали и саднили, а сердце не просто сжималось, его сдавливало клещами.

Медленно, как во сне, я вернулась обратно в дом. Значит, все это не для меня... это просто то место, куда он возит своих «дырок, подстилок, шлюх». Я всего лишь одна из них. Нет... я не надеялась на большее. Я просто не думала об этом. Пока не видишь, не болит. Пока не знаешь, спишь спокойно. А я теперь видела и знала. И от этого во рту начало горчить, так горчить, что хотелось сплунуть или прополоскать горло.

Возит их сюда... трахает в этом проклятом бассейне, на этих простынях, на этом ковре. Они стонут под ним, он их целует... он их... Кажется, я закричала. Вазы с цветами попались мне на глаза, и начала хватать их и швырять в воду. Выносить и бросать вместе с хрусталем. К черту его вонючие цветы, к черту проклятые вазы, к черту этот дом, эту яхту.

Содрала простыни и швырнула их в бассейн. Меня колотило в истерике, меня от нее слепило. Как же люто я его ненавидела в этот момент. Неделю назад... в те дни, что не приезжал ко мне, он просто был с этой сучкой? С ней, со мной, с женой... Божеее... как же это мерзко.

Я вышвырнула все, что могла. В бассейне плавали мои вещи, постельное белье, полотенца, а в воде вокруг дома пестрела радуга из плавающих тюльпанов.

Устав от истерики, заплаканная, с распухшим лицом я откупорила бутылку мартини и пила ее на причале, свесив ноги в воду и глядя на то, как там плавают цветы.

Они напоминали меня саму. Такие же сломанные, вышвырнутые к чертовой матери и брошенные на произвол судьбы.

Не знаю как, но я свалилась в воду вместе с бутылкой и поняла это лишь тогда, когда начала захлебываться и тонуть. Вытащил меня из воды Глеб, когда я уже наглоталась соли и начала терять сознание. Он делал мне искусственное дыхание, давил ладонями на грудь, а когда я начала кашлять водой, поднял на руки и отнес в дом, уложил на кожаный белый диван, укутав меня в полотенце.

— Зачем? — дрожа и захлебываясь, спросила я, — Зачем вытащил? Утонула бы, и меньше проблем?

— А смысл в том, чтобы тонуть? Жизнь дорога, и оборвать ее вот так слишком глупо. Притом вы нравитесь хозяину... а эта...

— Я такая же, как и эта... такая же.

Я вдруг приподнялась и схватила Глеба мокрыми руками за воротник.

— Скажи мне... скажи, она здесь жила, да? С ним?

— Не знаю. Я был с вами.

Оттолкнула и отвернулась.

— Значит, жила... значит, правду сказала.

Молчит, щелкает зажигалкой только, и огонь то появляется, то гаснет.

— Много их у него таких? Ты же все знаешь... ты же работаешь давно, и мать твоя знает. Много?

— Какая разница? — буркнул он и снова щелкнул зажигалкой, стараясь на меня не смотреть. — Таких, как вы, не было... он с вами по-другому.

— Каких таких? Как по-другому?

— Не знаю... вот так. Чтоб каждый день приезжал... чтоб цветы и это все. Не знаю.

Мартини давно ударило в голову, а перед глазами девка эта и Айсберг трахаются в бассейне. Там же, где и мы в прошлый раз. И мне больно, мне невероятно больно... и в голове разными голосами «никто, ты никто, ты подстилка, ты...»

— Скажи, Глеб, я красивая?

Приподнялась с дивана и сжала его руку. Невольно посмотрел на меня темными глазами и тут же их отвел.

— Красивая.

— НО ведь и они красивые... очень красивые.

— Вы другая...

— Какая другая?

Потянула его к себе, впилась в руку своими холодными пальцами. Полотенце сползло с плеча, и я увидела, как дернулся кадык Глеба, как он весь напрягся.

— Мне надо идти. А вам нужно переодеться и лечь спать. Вы выпили много martinis.

— Какая я? Ну скажи! Я хочу знать...

— Живая... веселая, настоящая.

— Правда?

Приподнялась, встала на диване на колени.

— Такую, как я, можно полюбить, а не просто...

Пока говорила, нога соскользнула с дивана, я чуть не упала, и Глеб подхватил меня так, что я оказалась у него на коленях со съехавшим полотенцем.

— Классика жанра... — и громкие хлопки в ладоши.

Я вздернулась, и Глеб тут же смахнул меня с колен, встал в полный рост, а я, кутаясь в полотенце, смотрела, как Айсберг медленно входит в гостиную и хлопает в ладоши. Он смеется. Точнее, только его губы.. а глаза. Я никогда не видела таких жутких глаз. Они словно стали звериными, дикими.

— Петр Ростиславович, она...

Но он не смотрел на Глеба, он смотрел на меня.

— В комнату пошла, сука!

Взревел и указал пальцем на дверь. Я попятилась назад, поддерживая полотенце, заплетаясь в нем.

— Она упала в воду, я ее достал и...

## Глава 15

Он шел на меня, схватил за лицо и изо всех сил втолкнул в комнату, и захлопнул дверь. Всхлипывая, мгновенно протрезвев, я бросилась к шкафу, чтобы найти хотя бы одну вещь, но не нашла ничего кроме банного халата. Завернулась в него и стояла дрожа посреди комнаты. Внезапно в колонках включилась музыка. Какая-то ужасающе спокойная, но оглушительно громко, так, что уши заложило. Тяжело дыша, я смотрела перед собой, и подо мной шатался пол, крутились стены и потолок. Мне стало страшно. Невыносимо страшно. Затем музыка выключилась так же внезапно, как и включилась.

Через какое-то время дверь открылась. Айсберг зашел в комнату, запер спальню на ключ, молча разделся и рухнул на постель. Я долго не решалась на него посмотреть, а когда посмотрела — поняла, что он крепко спит.

Всю ночь я не могла уснуть. Ходила по комнате, несколько раз зашла в душ и стала под прохладную воду. Потом легла рядом с ним, но сон не шел ко мне. Я смотрела в темноту и думала о том, что это все должно прекратиться. Так не может быть. Так неправильно. Я так больше не хочу. Не хочу быть подстилкой, дыркой, одной из... не хочу, чтоб со мной вот так. Может, это и поздно, может, нужно было думать раньше, но я не предполагала, на что иду, не предполагала, что не выдержу этого.

И нет... не хуже спать с нелюбимым за деньги. Гораздо хуже спать за них с любимым... когда он ничего к тебе не испытывает, кроме желания использовать и ткнуть подарком.

Утро началось с дикого крика. Я подбежала к окну и... застыла. Поднесла руку ко рту, задыхаясь... в воде плавал Глеб. Точнее, я видела его спину, раскинутые в стороны руки, он бился головой о борт, немного отплывал назад и снова бился. Орала Виолетта. Истошно орала. Пыталась вытащить сына. К ней подбежали охранники и под руки куда-то утащили. Я хотела отшатнуться, но меня схватили сзади за затылок и ткнули лицом в стекло.

— Красиво плавает, правда? Весь в твоих тюльпанах!

— Отпустите... я хочу уйти... я не хочу смотреть, я...

— Будешь смотреть! — вдавил мое лицо в стекло, задрал халат и резким движением вошел в меня, — Нравится? Нравится, я спрашиваю?

— Нееет, — с рыданием, закрывая глаза, чувствуя, как он толкается внутри. Это какое-то сумасшествие, какой-то жуткий бред. Это кошмар. Мне снится кошмар.

— Это ты сделала. — шепотом мне на ухо. — Ты его убила! Ты!

— Нееет!

— Тыыы! Потому что ты моя шлюха! МОЯ!

Резко дернулся, и по ногам потекло его семя. Толкнул грубо в сторону и задернул шторы, другой рукой поправляя штаны. Меня колотило от истерики. Я всхлипывала, дрожала и задыхалась. Я не верила, что это происходит на самом деле. Не верила, что он такое жуткое чудовище. И на самом деле это все правда... Глеб мертв. Только потому, что я с ним флиртвала, только потому что... Господи! Да что же это такое? Что со мной не так?

— Когда я сказал, что ты моя шлюха, я выразился буквально. Никто не может тронуть мое... И он об этом знал. Он сделал свой выбор сознательно.

— Нееет, — я все еще качала головой, держась одной рукой за стену, а другой за горло. В ушах опять звучала музыка... вот почему ее включили. Чтоб я не слышала, как застрелили Глеба. — Зачем... он же ничего... он же меня не трогал, он... Боже мой, неееет...

— Да!

— Я не... не хочу... не хочу больше... Не хочу быть вашей. Ничего не хочу... я хочу уйти. Пожалуйста... можно я уйду?

Сквозь слезы, сквозь рыдания, глядя на совершенно холодное и равнодушное лицо и понимая, насколько это обыденно для него. Насколько легко он отнял жизнь и... наслаждался своей властью.

— Поздно не хотеть больше. Уйдешь вперед ногами, как твой несостоявшийся любовник.

Натянув рубашку, он открыл комнату и ушел. Я забилась в угол и, раскачиваясь, смотрела в одну точку. Кажется, я начинала понимать, что все имели в виду... понимать, почему его так сильно боялись. Он зверь, он

страшный человек. И не просто страшный, а человек с неограниченной властью в руках.

— Будь ты проклята, тварь! Все из-за тебя! Будь ты проклята!

Внизу донесся голос Виолетты, и я закрыла уши руками, застонала, прислоняясь лбом к стене. Это она мне... за сына

Крик оборвался, раздался удаляющийся рык моторной лодки. В доме стало невероятно тихо. Так тихо, что я слышала плескание волн снаружи.

Мы вернулись домой. Без Виолетты. Я не знаю, куда ее увезли, и искренне надеялась, что она не пострадает, как ее сын... но что-то внутри подсказывало, что нет. Никто не оставит ее... она свидетель, который не будет молчать. Никогда не забуду, как в считанные минуты все было убрано, а уже через час вычищен бассейн, спущена вода. Тело Глеба увезли в полиэтиленовом черном мешке. Ни о какой полиции не было и речи.

К вечеру райский домик блестел чистотой, пахло цветами, на полках стояли новые вазы, но уже без тюльпанов. Мне привезли вещи. Аккуратно сложенные в чемодан, они пахли свежей стиркой.

В самолете мы молчали. Айсберг что-то печатал в своем ноутбуке, его охрана сидела позади него, а я смотрела на остывший кофе и все еще слышала в ушах проклятую музыку.

Мне страшно. Впервые до дикости страшно рядом с ним. Нужно бежать. Но как и куда? Этот человек везде меня найдет, а я слишком неопытна, глупа, без гроша в кармане. Божеее, у меня нет ни малейшего шанса, и меня точно так же увезут в пакете рано или поздно. Или когда разозлю его, или когда надоем.

В аэропорту он, как всегда, не попрощался, за ним приехала другая машина, а точнее, целый кортеж, а меня забрал другой водитель... Было жутко видеть его на месте Глеба. И больно... Особенно с ощущением вины за все, что произошло. С этим давящим на голову и на грудь грузом собственной ответственности за смерть человека.

Меня это сломало. Мне хотелось исчезнуть, распахнуть дверь автомобиля и выпрыгнуть из машины или попытаться сбежать, пока мы стоим на светофоре. Все это картинками мелькало в голове, но я прекрасно понимала, что дальше метра не убегу.

Особняк Айсберга теперь казался мне зловещим. Я и представить не могла, что однажды здесь не будет Виолетты и угрюмо простого Глеба, единственного, кто хорошо ко мне относился.

— Отнесите вещи Марины наверх...

Знакомый голос с приказными нотками. Я вскинула голову и увидела Эллен. Она шла мне навстречу с собачонкой под мышкой и своей неизменной сигаретой в тоненьком мундштуке.

— Добро пожаловать домой, девочка, и, да, теперь тебе придется терпеть мое присутствие в этом доме. Меня пригласили погостить и помочь Пьеру. Я не могла отказать. Ему вообще невозможно отказать. ну вы же знаете его.

Конечно, теперь я знала, что Пьеру нельзя отказать ни в чем, иначе можно оказаться в мешке в виде трупа.

— Как отдохнули? К вам прицепился загар, и он вам к лицу.

Звучало издевательски и мерзко. Как будто она не знает, что там произошло. Хотя, вполне возможно, что и не знает. Посмотрев в окно, я заметила на улице Гройсмана. Он что-то делал с кустарниками, и у меня вдруг все запекло внутри радостью. Значит, он остался, значит... они никак не связаны с Виолеттой, и старика не уволили.

— Вам нужно отдохнуть с дороги, ма шери\*1. Но вначале обед. Я приказала приготовить шикарный французский грибной суп. Вы должны его отведать.

Как сладко заговорила и вся цветет и пахнет. Явно довольна отведенной ей ролью и счастлива оказаться в этом доме. Ведет себя так, как будто знает здесь каждый угол.

Суп я ела в тишине, пока Эллен рассказывала о том, что в столицу приехал французский театр, а еще будет давать гастроли знаменитая певица.

— Вам назначен парикмахер и косметолог. Завтра я планирую отвезти вас на депиляцию, затем у нас по расписанию урок танцев, а после этого — французский.

Я подняла на нее взгляд и опустила ложку в суп.

— У вас составлено для меня расписание?

— Да, Пьер сказал, что вам невероятно скучно, и распорядился сделать ваш распорядок дня насыщенным и интересным. Я решила, что вам не помешают уроки этикета, танцев и языков.

Кивнула и снова проглотила вкусный сливочный суп. Игрушку будут затачивать под персону президента, иначе она не соответствует. Аппетит пропал, и я вытерла рот салфеткой.

— Так не вытираются. Это не полотенце. Промокните губы и аккуратно положите салфетку справа. Так официант будет знать, что она использована, и сменит ее на новую. А еще вы держите ложку как...

Я резко бросила ложку на стол.

— Зачем? Все вот это? Можно подумать, кто-то увидит, как я держу ложку? Меня выпустят из этого дома? Сюда никто не приезжает, и я никуда не выхожу. Так что даже если я буду есть руками, никто об этом не узнает.

— Но... об этом знаете вы сами... — воскликнула Эллен, но я ее уже не слышала. Я вышла из-за стола и бросилась к себе в комнату.

— Там ведется генеральная уборка. Вы можете отдохнуть в библиотеке, я отобрала для вас полезную литературу.

Быстрым шагом шла по коридорам, мимо библиотеки куда-то вглубь дома. Мне нужно было оказаться одной, нужно было подумать, нужно было расставить все по местам у себя в голове. Потому что перед глазами все еще плавающее тело парня в бассейне... а мне говорят об этикете.

Толкнула дверь одной из дальних комнат, где стояла старая мебель и все было завалено какими-то светильниками, портьерами, вазами и коврами. Закрыла за собой дверь и сползла на ковер, пряча лицо в завешенном простынями кресле. Обнимая его обеими руками и тяжело дыша, изо всех сил стараясь не разрыдаться.

Как я могу оставаться здесь дальше? Как могу притворяться, будто не знаю, что сплю с убийцей и чудовищем? Как я могу учиться этикету, языкам... Как?

Где-то за дверью послышались голоса. Один из них принадлежал Гройсману.

— Я слышал, Виолетту изгнали?

— Да... я даже думать не хочу, куда. Все из-за этой... будь проклята та секунда, когда она появилась в этом доме. Все пошло наперекосяк, он как помешался на ней. Раньше день-два, и они больше никогда не появлялись, а эта... сколько месяцев уже здесь. И он почти каждый день... чем у нее там между ног намазано. Сучка хитрая. Притворяется святошей.

— Ты потише, Грос, а то и сам отсюда вылетишь.

— Давно пора. Только уйти не могу. Отсюда не уходят добровольно. Жду, когда сам уволит, и главное, чтоб еще и не на тот свет.

— Та ну... не глупи. Ты еще матери его прислуживал. Любила она тебя. Царствие ей небесное, София Дмитриевна покойная всех в кулаке держала.

— Это не помешало вышвырнуть Виолетту и ее сына.

— Ну... Глеб сам виноват. Вспомни, что учудил, как еще тогда голова его не полетела, для всех загадка. Из-за Виолетты уцелел, а мог... в лучшем случае сесть. А в худшем.

— Все! Не болтай! И у стен уши есть!

— Здесь без прослушки, ты ж знаешь.

— Когда вывозить будешь?

— Ночью... как улягутся все. С этой мадам осторожней надо быть.

— Ты в дом больше не заходи. На прежнем месте встречаться будем. Все. Хватит светиться.

— Пожрать хотя бы дай.



— Дам. Вот лягут все, принесу с кухни. А теперь все. Вали из дома.

Голоса и шаги стихли где-то по коридорам, а я смотрела в полумрак комнаты и чувствовала, как у меня по коже бегут мурашки. Голос... голос второго казался мне знакомым. И... и там... под завалом из стульев, сложенных друг на друга, и двух сдвинутых столов я увидела темно-коричневый край такого знакомого мне чемодана. Вскочила с колен, полезла под столы и, осторожно отодвигая стулья, потянула на себя чемодан. Задыхаясь и чувствуя, как опять начинает дрожать все тело.

Дергающимися руками дернула замки и открыла крышку... Это был мой чемодан. А тот второй голос... именно он тогда звал меня в машину. Тот водитель, заманивший в арку, тот самый:

«Садись, дочка»... это его голос!

Никаких случайных ублюдков не было... все подстроено... меня избили и пытались изнасиловать по приказу Айсберга.

---

\* 1 — моя дорогая (французский, прим. автора)

## Глава 16

Вас когда-нибудь швыряли в холодную воду? Нет, в ледяную? Неожиданно, после тепла, после яркого солнца сразу в воду и так, чтоб на дно пошла и все тело сковало. Не выплыть, не пошевелиться.

У меня было точно такое же ощущение. Я в ледяной воде, и мне никогда не выбраться наружу. Мелкими пазликами все картинки выстраиваются в огромный, целостный пазл. Я собрала его настолько быстро, что у меня закружилась голова.

И мой отъезд из дома отчима, и явные намеки вокруг, кто именно меня увез, и поведение Айсберга, и то, как он меня отпустил, и... нападение, и чудесное спасение.

Красивый спектакль для деревенской идиотки. Вытерла медленно слезы, собрала все вещи обратно в чемодан и задвинула его назад под стулья и столы. Сердце глухо билось, и я долго смотрела в одну точку, сильно сжав пальцы, почти до хруста.

У меня только два пути. Один — остаться на дне и замерзнуть насмерть, а второй — вынырнуть и схватить воздух обескровленными губами. Но для этого нужно начать плыть. Работать. С утра и до вечера работать. Иначе я

пропаду... А я хотела жить, дышать, хотела научиться летать, а не сидеть все время в золотой клетке и ждать, когда мне свернут шею.

Выдохнула, отряхнула платье и вышла из комнаты, затем с деланной бодростью спустилась по ступенькам обратно вниз.

Эллен расположилась на диване у камина, возле ее ног улеглась мелкая собачонка, а в руках она держала неизменное вязание. По телевизору шел какой-то фильм на французском без дубляжа.

— Я... согласна. Хочу учиться языкам, манерам. Всему, что умеете вы.

Она даже не отвела взгляда от маленьких, тонких спиц.

— Экселант. Вы не так глупы, как показалось на первый взгляд. И давайте начнем с того, что вы пойдете и переоденетесь в наряд, на котором висит бумажная бирка с буквой «у». Это вам приготовили на утро. После обеда вы смените гардероб, а вечером наденете вечерний.

— Но... — я усмехнулась, — меня никто не видит. Какая разница в чем быть утром, днем и вечером и в чем идти спать.

Она стучит спицами и уютней устраивается на диване. Сейчас она похожа мне на сиамскую кошку, такую же изящную, но расслабленную и пригревшуюся у камина.

— Вы ошибаетесь, милая. Прежде всего себя видите вы. И становитесь именно такой, какой вас помнят ваши глаза. А ночью нужно спать голой. Мой вам совет. Любые перемены в жизни нужно начинать с себя. Не меняетесь вы — не меняется ничего вокруг.

Я коротко кивнула и ушла в комнату, когда вернулась вниз, Эллен ждала меня с чашкой чая с молоком и тетрадью. Она положила ее мне на колени и грациозно прошла по комнате, покачивая стройными бедрами, затянутыми в атласную ткань длинной юбки. Она всегда одевалась настолько безупречно и элегантно, что мне тут же казалось, что на мне надет дырявый мешок, а сама я только что вылезла из подворотни.

— Здесь вы запишите все свои недостатки, которые есть в вас на ваш взгляд. Если чего-то не хватит, я добавлю..

Желание швырнуть тетрадку ей в надменное лицо было жестоко подавлено желанием превзойти ее же саму. Научиться, заткнуть за пояс, показать ей, кто здесь деревенщина. Не может быть, чтобы я не смогла. Я должна... иначе просто не выживу.

И, подавив протест, принялась писать собственные недостатки... Их оказалось так много, что я кусала от злости губы, а Эллен все дополняла их и дополняла. Заставляя меня краснеть, покрываться пятнами от злости.

— Если будете послушной ученицей, то мы вычеркнем абсолютно все пункты. Но самое главное — научиться самообладанию. Ни одной ненужной эмоции. Держать себя в руках. Вот что нужно уметь прежде всего. А вы... сплошной комок нервов. Истеричка.

Как же хотелось ей ответить, но я прикусила язык.

У меня совершенно иные планы. Я хочу быть прилежной ученицей, чтобы вырваться из этого ада и стать свободной... но не оказаться на вокзале, как в прошлый раз, а стать человеком. Стать кем-то другим...

Наверное, именно так думает зависимый наркоман, когда попадает на реабилитацию и начинает свой чистый путь. Он надеется, что все в его руках, что он владеет ситуацией, что у него все под контролем. Он даже не подозревает, что уже давно не принадлежит сам себе... и наркотик стал его полновластным хозяином. Как и я не подозревала, насколько подседа на Айсберга. Насколько стала зависима от него и не только в финансовом плане. Хуже. Я стала зависима от него физически, эмоционально, всеми своими нервами. И ничто этого уже не могло изменить... даже понимание и осознание насколько страшное он чудовище.

Впервые он не приезжал ко мне настолько долго. Три недели. Вначале я искренне радовалась его отсутствию. Выполняла задания Эллен, настойчиво следовала распорядку дня. К концу первой недели я выучила около ста слов по-французски, нотную грамоту, выучила, как правильно раскладывать столовые приборы и использовать по назначению, сочетания оттенков голубого и разницу между утренним, дневным и вечерним гардеробом. К концу второй я писала первые предложения на «языке любви», ходила с книгой на голове так, чтобы она не упала, танцевала вальс с плюшевым медведем, выучила все сочетания красного, и сама выбирала себе одежду. За ошибки Эллен снимала мне баллы. И мы начинали курс с самого начала. За что я ее ненавидела смертным боем и про себя называла «сухой и холодной рыбиной».

К концу первой недели... я поймала себя на том, что стою у окна и смотрю на ворота, проводя пальцем по холодному стеклу. Середина декабря. Вместо волшебства — серая грязь, голые деревья, вороны на ветках сиротливо каркают вдогонку шуршащему ветру и мокрому снегу. И сплошное одиночество. Мне холодно даже изнутри. Я работаю... а холод не исчезает. И мне уже кажется, что отогреть меня может только ОН.

Я вдруг поняла, что мне его не хватает... Да, мне не хватает этого жуткого человека, не хватает его холодных глаз, его безжалостно властных рук, приказов, издевательского и насмешливого тона и... его такой скупой и редкой улыбки. Со мной что-то не так. Я поломанная, неправильная, сделанная из какого-то другого теста. Люди закидают меня камнями и будут правы. Я ведь не могу тосковать по нему. Это... какое-то страшное наказание. Я должна радоваться, что его нет. Но с каждым днем становилось все тоскливей, все мрачнее на душе. Зброшенная кукла. Что может быть более жалким, чем осознание, что тобой наигрались. И страх, что это конец... и там, за чертой этого конца сплошная неизвестность, где смерть, возможно, не самое худшее, что со мной может произойти.

Запомните, самое ценное, что человек может вам подарить — это свое время. Ни подарки, ни деньги, ничто не сравнится с подаренным временем, потому что вместе с ним человек вам дарит себя самого, кусок своей жизни, и это бесценно.

Моя жизнь принадлежала Айсбергу... а у меня не было ничего кроме его прошлых визитов, которые я вдруг начала вспоминать все чаще и чаще. И ощущать, как будто у меня что-то отняли. А еще и ненавидеть себя за это... за то, что скучаю по человеку-чудовищу, по убийце, по манипулятору, по холодному и безразличному куску льда.

Но, наверное, у меня просто больше никого кроме него не было... И все мои чувства, пережитые эмоции, опыт. Все было связано только с ним. Пусть назовут это каким угодно синдромом, но это правда. У меня нет никого ближе Айсберга.

А еще любовь, настолько гнилая, настолько слабохарактерная и слепая... она предпочитает забывать о плохом, стирает память, подсовывает лживо-прекрасные картинки счастья. Чтобы отравить ваше существование еще сильнее. К концу второй недели я не просто его ждала, я вздрагивала от каждого шороха и подбегала к окну каждый раз. Когда мимо усадьбы проезжала машина. И Эллен, не отрываясь от своего вязания, негромко произнесла, когда я в очередной раз вспорхнула и подлетела к окну:

— Сгубить себя легко и свет небес не видеть...

Что ж это: зло старается любить,

Или любовь мечтает ненавидеть?

\* 1

Кажется, она сказала это себе... Но тогда я ее не поняла. Я очень многого еще не понимала. Я выросла. Скачкообразно. Мучительно и больно выросла. Шла босыми ногами по осколкам разбитых розовых очков и еще не понимала, что это только начало пути.

Через три недели мне казалось, что прошла вечность, что он никогда больше не придет. Я с замиранием сердца ждала каждый раз, что меня вышвырнут на улицу. Вот сейчас зайдет Гройсман и новый охранник, и меня выбросят где-то за чертой города в грязь вместе с тем чемоданом. Но этого не происходило. Ничего не менялось, и ожидание начало сводить с ума. Очередная пытка, придуманная умелым кукловодом. Как же хорошо он знал психологию. Как тонко и безошибочно дергал за ниточки, которыми прошил мое маленькое и глупое сердце.

Я училась. Целыми днями, вечерами и даже ночами я зубрила французский, читала умные книги, подsunутые мне Эллен, танцевала, играла на пианино свои первые гаммы и получала по кисти указкой, когда фальшивила. Теперь мой рацион составляла именно она, она же приглашала косметологов, визажистов и меняла мой стиль совершенно. Через три недели я уже не была похожа на себя. Моя спина выровнялась, волосы всегда были собраны в шикарную прическу, на лице безупречный макияж, соответствующий времени суток, как и наряд. Здоровалась с Эллен я всегда на французском.

Из зеркала на меня смотрела молодая женщина, совершенно мне не знакомая. У нее нежная ухоженная кожа, аккуратно уложенные длинные волосы, белоснежные зубы и нежно-розовые ногти с белой полосочкой по краям. «Фрэнч», который любила Эллен и говорила, что это дизайн на все случаи жизни. И мне всегда

хотелось разбить проклятое... Ведь кроме меня этого больше никто не видит. Я ни с кем не общаюсь кроме Эллен.

В доме полностью сменился штат прислуги и охраны. Все они теперь совершенно молчаливы и спуют по зданию, как тени. У них нет имен, они отвечают только «да, госпожа» или «не велено, госпожа». С ними не заговорить. Да и не о чем. Мои водители меняются каждый день. Им всем запрещено входить в особняк, и они живут в домике для прислуги, куда запрещено входить мне.

После восьми вечера я посвящена целиком и полностью себе. Наверное, это было моим собственным мазохизмом. Заходить в интернет и искать новости о нем. Каждый день запрашивать в поисковике одно и то же. Где он сейчас, что делает.

Читать статьи, видеть видеоролики с конференций, парадов, слушать праздничные речи. Останавливать видео и всматриваться в его лицо. Трогать пальцами монитор, проводя по ресницам, по губам. По его волосам... Как же невыносимо я хотела знать, умеет ли этот человек любить. Умеет ли он говорить что-то хорошее, чувствовать... Есть ли у него сердце. И понимать, что даже если и есть, то в нем никогда не будет меня.

Жадно и ревностно смотреть на него с НЕЙ. Пожирать их взглядом и становиться в собственных глазах все ничтожней, мельче и уродливей. Наверное, ее он любит. Ее, их детей, семью...

И каждую пятницу лежать в постели совершенно голая и думать, как он ее трахает. Потому что сегодня их ночь, их вечер. У нее есть все... а у меня нет даже моего прежнего «ничего»...

## Глава 17

В субботу утром я не вышла к завтраку... так и осталась лежать на боку, подтянув ноги к груди, ощущая себя совершенно раздавленной. Нет смысла ни в чем. Ни в этих уроках, ни в моих изменениях, ни во мне самой. Эллен зашла ко мне в одиннадцать утра и громко хлопнула в ладоши.

— Бонжур! В чем дело? Что за траур?

— Закройте шторы... я не хочу вставать.

— Вы пропустили завтрак, а в двенадцать у вас урок хореографии.

— Это никому не нужно... уйдите. Я хочу спать. Мне надоело. Снимайте баллы, выбросьте книги. Все. Спектакль окончен!

— А примерка? Сегодня приедет портниха!

— Зачем? — выдохнула я. — Снова для себя? Или для вас? Для кого? Мне осточертели эти примерки, осточертело все! Эти стены, этот дом! Все осточертело!

— Примерка костюма для оперы... куда вы приглашены завтра вечером.

— Оперы?

Приподняла голову и посмотрела на нее зареванными глазами. Мне не послышалось? Я... я выйду из этой клетки в оперу? Туда, где будут люди?

— Да, оперы. К нам приезжает итальянская дива с прекрасной постановкой «Травиаты». Состоится премьера в президентском дворце. Но... думаю, мне стоит отклонить приглашение. Вы еще не готовы к выходу в свет.

Вскочила с постели, потом ойкнула, подхватила одеяло, завернулась в него и протаскала с ним по всей комнате, подбегая к Эллен и заглядывая в ее непроницаемые светлые глаза.

— Это. это ОН меня пригласил?

— Конечно же, нет. Вас совершенно случайно внесли в список...

— А... а ОН там будет.

— Конечно же, нет. Президентский дворец примет знаменитых актеров без своего хозяина.

И я впервые крепко обняла Эллен. Оказывается, как мало человеку нужно для счастья.

Безумно красивое платье изумрудного цвета, с пышной юбкой до колен, с открытой спиной и плечами, в дополнение к нему длинные белые перчатки и туфли на высоком, тонком каблуке, украшенные стразами Жаровски\*2. Волосы собраны в высокую прическу на самой макушке и увенчаны диадемой из изумрудов.

Над моим лицом несколько часов работал визажист, а над прической — полдня парикмахер. Каждая прядь была уложена в невероятной последовательности, переплетаясь с другой, и аккуратно закреплена вверху к основе прически.

Это была не я. Такой красивой я себя никогда не видела. Мне было даже страшно вздохнуть, чтобы не испортить эту красоту. Я чувствовала длину своих ресниц и при каждом взмахе видела их пушистую тень, мои губы пахли сладкой малиной, а от волос исходил невероятный и тонкий аромат «Птит мадмуазель».

— От шикарной женщины всегда должно шикарно пахнуть... Я не знаю более шикарной женщины, чем Коко. Пусть этот аромат взрослый и тяжеловат для вашего возраста. Но я настаиваю именно на нем. Он придаст вам глубиной, взрослой сексуальности и... Пьер любит этот аромат.

Для меня я просто пахла очень дорого и недостижимо заоблачно.

Все, во что я одета, невероятно великолепно, даже мои тоненькие кружевные трусики – шедевр и напоминают паутинку с мелким бисером.

И эти украшения, которые на мне застегивала Эллен... я боялась у нее спросить, откуда они, но она сама ответила на мой вопрос.

– Все заказано для вас лично в единственном экземпляре...

Как же безумно хотелось спросить «кем», но я молчала, потому что не хотела услышать ответ, который мне не понравится. Я хотела думать... что все это Петр заказал для меня сам. И сегодня не могла бы вынести никакой другой правды.

Мне на плечи накинули шикарную белую шубу, достаемую до самого пола.

– Времена меняются, и теперь искусственный мех в миллион раз превосходит красоту настоящего. Как и цену. Как же он великолепен... – провела ладонью по белым ворсинкам. – Моя мечта юности была белая песцовая шуба. Ты знаешь, почему я ее так и не приобрела? Мне было жаль маленьких существ, которые должны были мучительно умереть ради моего тщеславия.

Она поправила воротник и развернула меня к себе.

– Слишком дорогая игрушка..., – скорее, себе под нос, – ты даже не представляешь, сколько козырей у тебя в руках и кем ты могла бы стать на самом деле. Глупая, маленькая дурочка. Иди... и спрячь свою заносчивость, помни, чему я тебя учила. Ласковую кошку гладят и кормят... а царапающуюся и шипящую рано или поздно вышвырнут. Или променяют на ласковую...

Впервые я ощущала себя именно так... С замиранием сердца, с каким-то диким восторгом и адским трепетом внизу живота. Машина подъехала к невероятно великому зданию, возле которого парковались другие автомобили. Гостей встречали, помогали выйти из машины и сопровождали внутрь здания. Когда мне подали руку в перчатке, и я поставила ногу на подставку, чтобы выйти, у меня перехватило дыхание. Божеее... всего несколько месяцев назад я мыла полы в туалетах гостиницы, мазала потрескавшуюся кожу детским кремом и мечтала вкусно поесть обеды из столовой. Сейчас я выхожу из лимузина, на мне великолепное платье... и я буду находиться среди всех этих людей, которые раньше и не плюнули бы в мою сторону. Но трепет овладевал мною не только поэтому – я понимала, что это ОН захотел меня видеть.

Красная дорожка ведет к самому зданию, и я поднимаюсь по ступеням, чтобы войти внутрь. Вижу, как на меня смотрят, как оборачиваются вслед, и я слышу, как в спину несутся вопросы, полные удивления и недоумения:

– Кто это?

– Вы ее знаете?

– Чья это дочь или жена?

— Впервые вижу...

— Чья это любовница?

— Она модель?

Меня не остановили, чтобы проверить есть ли я в списке приглашенных, а я с гордо выпрямленной спиной продефилировала к лестнице. Как учила меня Эллен, когда показывала расположение мест в зале изнутри. Она также учила, как ведут себя те, для кого посещение оперы всего лишь обыденная часть жизни. И я должна прятать свое восхищение и любопытство за невозмутимым спокойствием.

— Следуйте за мной, пожалуйста, госпожа.

Мне поклонился молодой парень в форменной одежде, похож на лакея из романов или старинных фильмов. Судя по всему, здесь царил антураж, подходящий для самой оперы.

Меня провели по лестнице в отдельную ложу на одного человека. Ложа закрывалась тяжелыми портьерами и полностью скрывала гостей внутри своей раковины. Когда я вошла, шторы раздвинулись, и мне помогли сесть, преподнесли поднос с бокалом шампанского и клубникой в сливках. От клубники я не отказалась, а вот шампанское решила не пить. Я очень хотела держать себя в руках.

\*\*\*

Теперь я, в диком ожидании, не сводила взгляда с другого входа огромной концертной залы. Входа, где собрались журналисты, репортеры и плотной стеной выстроилась охрана с рациями, оттесняющая людей от самого входа.

Двери распахнулись, и я невольно вскочила со своего места. Подалась вперед под всеобщие аплодисменты.

Он красиво и уверенно вошел в залу в сопровождении маленькой белокурой женщины в роскошном малиновом платье с длинным шлейфом и драпировкой на талии и бедрах. Улыбка пропала с моего лица, и я вцепилась пальцами в перила, чувствуя, как глухо бьется сердце и радость сменяется отравленным отчаяньем. Вначале впиться жадным взглядом в его красивое, мужественное лицо, похожее на лица викингов или русских богатырей, ощущая восхищенный трепет в душе и адское желание увидеть это лицо вблизи, убедиться, что мне, и правда, доступно это невозможное — трогать его скулы пальцами и... целовать губы. Губы того... к кому и на несколько метров не подпускают простых смертных. Как же я хочу увидеть его глаза, чтобы посмотрел на меня... чтобы заметил, что я здесь, а не улыбался в камеры и не поворачивался к своей жене, поглаживая ее запястье. О боже... я ревновала



его пальцы к ее руке. От каждого поглаживания мне хотелось закричать, как от боли. Ничего более жуткого я никогда не испытывала.

И только голос Эллен, звучащий в моей голове, дает мне силы стоять на месте, не броситься прочь, не позволить слезам хлынуть из глаз.

— Он будет не один!

— Естественно он будет не один. С ним будет Первая леди и его жена. Которая имеет полное право там находиться по статусу.

— И... что мне делать, просто смотреть на нее?

— Наслаждаться выходом в свет, наслаждаться оперой и самой собой. Любите себя, Мэри. Любите прежде всего себя... И помните — с ней он бывает по пятницам, а с вами тогда, когда этого хочет. А как часто он хочет именно вас... я промолчу.

— Его... его не было три недели!

— Если бы вы интересовались политикой и читали новости, а не высматривали его лицо, то вы бы знали, что сейчас в нашей стране находится премьер-министр Франции с супругой, а также несколько важных послов. На кону серьезные политические ходы и решения.

— А... может быть, я просто ему надоела?

— Именно поэтому для вас заказали шикарное платье цвета ваших глаз, обвесили вас изумрудами и пригласили в президентский дворец... весьма рискуя, при вашем-то непростом характере.

Перевела взгляд на тонкую руку Первой леди, лежащую на локте Петра, и закусил губу. Как бы безумно я хотела, чтобы там лежала когда-нибудь моя рука. Но этого никогда не будет.

Когда они проходили мимо оркестровой ямы, ОН вдруг повернул голову и посмотрел прямо на меня. Как будто точно знал, где именно я нахожусь. Несколько мгновений. Коротких, молниеносных до тока во всем теле, до дрожи, до тихого стога. И осознания, как безумно я соскучилась по нему. Да... по этому жуткому монстру.

Какие же мрачно-прекрасные у него глаза. Тяжелые, жадные, пронзительные. Тонким лезвием полоснул прямо по сердцу и тут же отвернулся, кивая кому-то из своих людей. Следом за ним в залу вошли другие венценосные гости. А я, тяжело дыша, смотрела ему вслед, и у меня подкашивались ноги. Это и все? Взгляд издали?

Ложа президента напротив моей, но так далеко, что мне хочется заплакать... потому что я не могу его рассмотреть вблизи. Зачем мне опера? Самое интересное для меня далеко не на сцене.

Но то, что происходило на сцене, так напоминало мне меня саму... Виолетта, разве я не есть воплощение куртизанки, только влюбленной не в беднягу

Альфреда, а... в своего покровителя, который недоступен для меня, как само солнце.

Когда объявили антракт, я уже была на грани срыва. Мне до безумия хотелось уехать, хотелось рыдать от отчаяния, от понимания, что мне было возможным лишь посмотреть на него издалека.

На него с ней...

Внезапно дверь в ложу открылась, а шторы закрылись, закрывая меня со всех сторон, и я увидела мужчину в сопровождении женщины... очень похожей на меня саму. В таком же изумрудном платье, с такой же прической. От удивления я приоткрыла рот и судорожно глотнула воздух.

— Госпожа, простите, мне велено сопровождать вас.

— Куда?

— Велено. Идемте. Набросьте на себя плащ и капюшон и идите за мной!

Мне подали красный плащ, похожий на костюм актеров массовой.

Сердце не просто бешено забилося, оно как будто взорвалось, я вскочила с места, кутаясь в плащ и дрожа от предчувствия и предвкушения, натягивая капюшон как можно ниже. Моя копия села в кресло, и, когда я вышла, шторы снова разъехались.

Меня вывели не в фойе, а повели какими-то коридорами, куда-то вглубь здания. Я шла очень быстро, не глядя под ноги и спотыкаясь.

— Не поднимайте голову. Смотрим в пол! — скомандовал сопровождающий, когда мы прошли мимо охраны и каких-то людей.

Передо мной открыли дверь, я вошла внутрь помещения и охнула, когда меня сильно сдавили горячие руки.

И... его лицо оказалось настолько близко, насколько я не могла и мечтать. Прямо передо мной, касаясь щекой моей щеки. Он не сказал ни слова, несколько секунд бешеного взгляда и жадно впился в мой рот, впечатывая меня в дверь и сжимая мое лицо обеими руками, тяжело выдыхая мне в рот и шепча мне прямо в горло срывающимся голосом.

— Мне было надо тебя... надо, слышишь? Сейчас!

---

\* 1 Игорь Северянин

\* 2 Названия брендов намеренно искажены

Он взял меня прямо там у какой-то двери, пахнувшей краской, в полумраке, в тишине, наполненной нашим рваным дыханием, моими и его стонами. Меня трясло от страсти. Ни разу, даже в самые долгие наши занятия сексом со мной не происходило ничего подобного, а сейчас я словно обезумела. Целовала его бешено, сильно, цеплялась за волосы, оплетала ногами и руками, пригвожденная к двери, приподнятая им под колени, с отодвинутыми в бок трусиками.

Меня накрыло после первых толчков, накрыло от его рта, вцепившегося укусом мне в шею с глухим рыком, и от рук, алчно сминающих мои ягодицы. Он держал меня практически на весу и долбился со всей мочи, набрасываясь на мой рот, на мои скулы, шею. Когда меня выгнуло дугой в преддверии оргазма, накрыл меня рот ладонью и выдохом вошел еще глубже под мои быстрые сокращения, под доносящиеся издалека первые аккорды музыки. Он кончал, вжимаясь ртом в мой рот, выдыхая в меня последний рык. Потом осторожно опустил на пол и, пытаясь отдышаться, прижимался лбом к моему лбу. Его губы пахли морем, и мне до боли хотелось опять почувствовать их требовательную мягкость на своих губах.

— Я... я скучала по тебе.

Вздрогнул и быстро посмотрел мне в глаза, словно не веря, что услышал именно то, что я сказала. Потом тихо прошептал.

— Это хорошо.

Тронул мою прокушенную губу и лизнул подушечку своего пальца.

— А ты... ты скучал по мне?

Ухмыльнулся и сжал мое лицо ладонью, долго смотрел мне в глаза. Но так и не ответил. Поправил костюм, расчесал волосы перед небольшим зеркалом, я подошла и подтянула ему галстук, разгладила воротник белоснежной рубашки и убрала свою волосинку с плеча.

— Понравились подарки? — спросил и поддел пальцем ожерелье на моей груди.

— Камни точно повторяют цвет твоих глаз и меняют оттенки на свету и в тени.

— Понравились.

Но мне нравилось то, как он это говорил о моих глазах. Нравилось то, что помнил, какие они в тени и на свету. Мне вдруг отчаянно захотелось, чтобы он думал обо мне намного чаще. Он ведь что-то испытывает ко мне... сейчас мне так хотелось в это верить.

— Спасибо.

Все еще держась за ворот его пиджака и глядя в темную заводь мрачно жестоких глаз.

— Научилась благодарить?

— Я многому научилась.

— Проверим, — ответил, продолжая улыбаться. Я чувствовала, что он уже не со мной, что ему нужно идти, и он думает только об этом. В груди царапнуло разочарованием.

— Проверь, — ответила по-французски, и Петр рассмеялся.

Расставаться не хотелось, а я понимала, что именно сейчас мы расстанемся. Он уйдет за тот глубооченный обрыв между нами и уберет мостик. А я так и останусь на другом краю в неведении, когда пропасть между нами снова сократится до нуля, до неистового трения плоти и грязного ликования моей маленькой и такой грешной души. Потянул локон моих волос, провел по щеке тыльной стороной ладони. Получить от него ласку — все равно что увидеть падающую звезду, и меня ослепило на несколько мгновений. Я рывком обняла его за шею и прижалась к нему всем телом.

— Когда я увижу тебя снова?

Медленно его руки легли мне на плечи, и он отстранил меня в сторону, освобождаясь от объятий.

— Когда будет время.

И пошел к двери. Я хотела догнать, но не разрешила себе. Как говорила Эллен — держать себя в руках. Мне дали время привести в нормальный вид мое платье, волосы. Я чувствовала, как мои трусики насквозь пропитались его спермой, и стало липко на внутренней стороне бедер. Но в душ я точно попаду не скоро.

Когда оказалась снова на своем месте — он уже сидел в ложе и смотрел на сцену. Рядом с ней. Издалека мне даже казалось, что он держит ее за руку. Радость и эйфория от встречи растаяли, испарились, стало горько, и глаза снова запекло от слез. Но я еще держала себя в руках. До того момента, как все вдруг там всполошились, закрылись портьеры.

Я приподнялась, чтобы рассмотреть, что там происходит, но, как назло, ту часть зала затемнили, но я видела мельтешение охраны. Там что-то происходило и от зрителей это пытались скрыть.

— Что такое? — слышались женские голоса из соседней ложи, и я замерла, прислушиваясь.

— Ей опять стало плохо. Бедняжка. Почему на таком сроке уже не оставаться дома. Таскается везде за ним. Первая леди, это понятно, но она прежде всего человек.

— Токсикоз — привычное дело, а беременность — не болезнь.

— Не скажи, милочка, иногда токсикоз превращает беременность в настоящее проклятие, а у нее уже шесть месяцев. Притом она не девочка совсем. Рожает, как свиноматка. Ей что двоих было мало?

— Наверное, Петр Ростиславович хочет сына, и все никак не выходит. Ты слышала... поговаривают, что у него есть любовница.

— У них у всех есть любовницы.

— А первые леди закрывают на это глаза и рожают потомство.

Они хихикали и снова говорили о ней, а у меня все плыло перед глазами. Кружилась сцена, мелькали лица. Меня тошнило и бросало в жар. Она беременна. Как же это смешно... Его жена беременна. Вот почему... пришел слить в меня. Там же... там же надо ее беречь. С ней же нельзя, как со мной у стенки, и так, чтоб матку долбило и за волосы на колени. С ней нежно. О боже, как же больно.

Голову на руки и изо всех сил прикусила запястье.

Видимо, прекрасно проходили их пятницы... Вот зачем любовница. Потому что ее нельзя. И перед глазами снова его перекошенное лицо, как орет мне, чтоб имя ее произносить не смела.

В машине домой ехала с остекленевшим взглядом, а когда приехали, содрала ожерелье, захлебываясь слезами, швырнула его на пол, сдирая, срывая с себя одежду.

Дырка. Я просто временная дырка... Так мне и надо. Это я себя продала, я предложила стать дыркой. Я шлюха. Президентская подстилка, и сливает он в меня, как в туалет, накопившееся ... от недотраха с ней.

— Дура? Это же целое состояние!

Эллен подняла с пола ожерелье и потрянула у меня перед носом.

— Не хочу ничего... не хочу его ожерелий, ничего не хочу.

Рыдая и захлебываясь слезами. Идиотка... на какие-то мгновения там, в той комнате мне показалось, что он что-то ко мне чувствовал, что он скучал.

— Что не так? М?

— Всееее, — со стоном сползая на пол, ничего не видя от ревности и боли, — она... она беременна. Его жена. Она...

— А тебе какая разница?

— Это... же ужасно... все вот это ужасно. Я никто... я никто, и у меня с ним никогда так не будет...

Эллен рывком подняла меня с пола.

— Как так? Как с ней? Да, не будет! С тобой по-другому!

— По какому? — всхлипнула и с болью посмотрела на Эллен. — Вы... вы хоть что-то понимаете? Вы когда-нибудь любили такого... как он?

— И сейчас люблю! — отрезала она и тряхнула меня. — Его люблю, поняла?! Он мне как сын, друг и брат... я была его первой женщиной, ко мне в постель его притащила Розанна. Его мать.

— Что?

Я в ужасе от нее отшатнулась, а она шла на меня, сжимая свои изящные руки в кулачки.

— Отдала мне мальчика на обучение. Я ведь была самой дорогой и высокооплачиваемой шлюхой в стране. Вип сопровождение. Бриллиантовая куртизанка богемы. За одну ночь со мной платили столько, сколько тебе не снилось даже в твоих самых влажных снах, детка.

Я оперлась о стену и обхватила себя дрожащими руками.

— Мы были любовниками... потом я ему надоела, это и понятно, молодость не любит увядающую красоту, ей нужна яркость, свет, страсть. Но он подарил мне новую жизнь, и я больше не нуждалась ни в чем! Я больше не должна была себя продавать! Взамен он получил мою преданность и верность... и любовь. Она не такая, как у тебя. В ней нет места похоти, ревности, ненависти... хотя я бы не отказалась вернуть его в свою постель. Но я люблю его как мать и как друг, и в моей постели он счастлив не будет! Так что не тебе судить о любви, ма птит! А теперь пошла в ванну и умылась, легла в кровать.

— А я... я когда-нибудь рожу? У меня будет семья?

— От него? Нет. Тебе не дадут. Довольствуйся тем, что есть, и стремись к большему.

— К чему? Где они... его женщины? Его любовницы или кто они там? Что он с ними сделал? Убил? Стер с лица земли? Вот что меня ждет?

Внезапно она ударила меня по щеке, и я резко замолчала.

— Самым болтливым закрыли рты и тебе закроют, если не поумнеешь. Не все созданы для семьи и для детей. Ты должна на него молиться, он тебя из нищеты вытащил.

А я не хочу молиться... я любить хочу, я вдруг поняла, как сильно хочу его любить, быть кем-то большим, чем содержанка.

Она продефилировала по лестнице вверх, а я облокотилась спиной о стену и закрыла глаза. Я не хочу так... не хочу быть ею. Такой, как Эллен. Не хочу. Медленно взяла ожерелье и провела по нему пальцами. И вдруг поняла, что с меня хватит. Я больше так не могу. И притворяться, что я с этим мирюсь и мне все нравится, убеждая себя, что могло быть хуже — просто лицемерие и самообман.

Решительно пошла в сторону комнат для прислуги и постучала в покои Гройсмана. Когда он открыл дверь в халате и в очках, я очень тихо сказала.

— Помогите мне сбежать отсюда... или я расскажу о вашем стоворе с таксистом!

Он долго смотрел на меня, потом кивнул, и я вошла в комнату. Он осмотрел коридор и запер дверь на ключ.

— Послушай меня внимательно, девочка. Я сразу пресеку твои попытки шантажа — так вот, таксист был нанят не мной. Поняла? И не я ему платил за то, чтобы тебя воспитывали.

— А кто платил?

— Ну ты же у нас умная. Сложи дважды два. Или, правда, только для одного и пригодна. Все мозги между ног?

Удар был ощутимым слева. Там, где всегда больно последнее время. Там, где поселился проклятый Айсберг и не морозит, неест, он жжет меня, испепеляет, и нет ни конца, ни края этим ожогам.

— Тогда почему тех... тех убрали, а его нет?

— Потому что те сделали то, чего им не велели. Тронули то, что не принадлежит им. А таксист выполнил свою работу. Он у нас справедливый. Пусть и жестокий.

Нет, я не испытала облегчения. Мною все равно играли, как марионеткой, манипулировали, играли с моей психикой... А я бежала к нему, как к спасителю. Но он же меня и губил. Бьет и ласкает. Тыкает в грязь и жалеет. Держит кнутом и пряником. И самое страшное, что все это работает.

— Я хочу от него уйти!

Гройсман зло засмеялся.

— А кто не хочет? Все хотят. Только от него уйти можно только туда! — показал пальцем вверх. — Не раз ожидал, что ты скоро там окажешься, но тебя с удивительным постоянством жалеют. Что только нашел в тебе? Ведь красивее были, статнее, пышнее. И за меньшее без головы оставались, а ты... ты у нас неприкосновенная.

Тяжело дыша, я смотрела на этого невысокого человека и понимала, что он единственный мой путь к спасению. Он знает этот дом, знает хозяина и знает нужных людей. А еще... он явно меня ненавидит.

— Я вам не нравлюсь?

— Ты никому не нравишься!

— Почему? Что плохого я вам сделала?

Он сел в глубокое кресло и накинул себе на ноги клетчатый плед. Потянулся за маленьким графином и налил в стакан темно-коричневой жидкости на самом дне.

— Настойка по рецепту Тамары Исааковны. Славная была женщина... подруга моей покойной матери.

Отпил из стакана, промокнул рот салфеткой.

— Когда-то я был водителем у очень важного человека, присматривал за его дочерью. Возил на учебу, охранял. Красивая девочка. Добрая, нежная, отзывчивая. Она ко мне хорошо относилась. Ко мне мало кто хорошо относился... В те времена быть жидом было не так престижно, как сейчас. Всей этой толерантности, борьбы за справедливость еще не было. Израилем, Америкой и Германией и не пахло. Особенно для меня. Я же у «шишки» работал. Запрет на выезд пожизненно. Так вот, меня, пархатого, каждая собака пыталась со свету сжить. Далеко пробрался, денег много заколачиваю, у генерала в любимчиках хаживаю. Но мы — любимчики до поры до времени, пока сала чужого не нюхнули, а за сало нам сразу скальп снимут и звездочку на груди вырежут. Когда дом генерала обворовали, я был первым кандидатом. На меня каждая вошь пальцем указала. А когда комнату перерыли и денег нашли, сказали, что своим передал. Разнесли синагогу, нашли золотые подсвечники, сказали, это я раввину отдал после того, как золото генеральское переплавил. Генерал скор на расправу — пистолет к башке моей приставил. Она, маленькая такая, выбежала из комнаты своей и бросилась на него, в ногу ему вцепилась, укусила за ляжку. Кричала, что Грося с ней был, сказки ей читал, и чтоб трогать ее Гросю не смели.

Генерал руку опустил... Потом, спустя месяц, вора нашли. Оказался сын управдома, далекий от нашей еврейской братии. В доме я в том работал пока девочка замуж не вышла, тогда меня ей и отдали вместе с приданым. Я с ней пробыл до того момента, как уже возраст перестал позволять работу свою выполнять... И она позаботилась, чтоб меня не выкинули... ЕГО попросила. Забрал меня сюда. В вертеп свой. Сказал, слово лишнее скажу и... даже она не поможет.

Так вот девочку ту Людмилой звали. Поняла теперь?

А я это сразу поняла, пока он говорил. Почувствовала. Значит, жена Петра была той девочкой, и Гройсман ей благодарен и любит ее.

— Так вот... до сих пор здесь побывали некоторые, но все они одноразовые и моей девочке ничем не мешали... а ты! — седые брови сошлись на переносице. — А ты задержалась! Если ОНА вдруг узнает... плохо ей будет. Любит она его, понимаешь? Любит! Всегда любила! Отца своего умоляла женить его на ней, в ногах валялась... Женил. Только нахрена женил, если он... ни одной юбки не пропустит. Шлюха за шлюхой у него...

Я кивнула и пальцы сжала, чтобы не выдать своего разочарования, чтобы не разреветься именно здесь и сейчас.

— Так помогите мне убраться! Я исчезну, и ничто не станет угрожать ее счастью. Я тоже не хочу быть его шлюхой! Я жить хочу, детей хочу рожать, замуж выйти... а не вот так!



— Детей она хочет. Такие, как ты, не для детей. Вычистятся, выпотрошатся и дальше ноги раздвигают... как эта француженка. Тоже мне Франция. Мухосранск на выезде. Ее отец канализации чистил, а мать швея. Ленка она. Хахаха... Иванова. А не Эллен. И ты... хахаха... такая же.

Смеялся он тихо, неприятно, но его слова ранили больно и в самое сердце.

— Я не хочу так... сбежать помогите.

— Как я тебе помогу?

— Вы. вы что-то вывозите, я слышала ваш разговор... Вот и меня вывезите. Не то все узнают, что на самом деле вы и есть вор. И в этот раз никто не побежит, и никто за вас не заступится.

Гройсман изменился в лице.

— Я не вор! Поняла? Не вор! А вывозим... потому что и так все выбрасывается. Тоннами. Все продукты. А есть те, кому надо...

— А вы и рады перепродать?

— Не твое дело, соплячка! Поняла? Я благим занимаюсь... И ни хрена не перепродаю!

— Не мое. Мне плевать, что вы там вывозите. А вот если ОН узнает, не думаю, что ему плевать будет. А я расскажу, не сомневайтесь! Пожалуйста! Умоляю! Я хочу, чтоб вы и меня вывезли. По-другому мне из этого дома не выйти.

— Бредовая затея. Если узнает, что я сделал, голову мне голыми руками оторвет.

— Не узнает... я скажу, что сама спряталась. На вокзал меня отвезете... А еще мне документы нужны. На чужое имя. Если хотите своей Людмиле помочь, то и мне помочь придется.

— Документы она захотела!

Но он явно заинтересовался, призадумался и голову подпер рукой, поджав губы.

— А знаешь... помогу. Ты здесь всем, как заноза в заднице. Только чтоб всю эту неделю была тише воды, ниже травы. Чтоб вела себя идеально, и Эллен чтоб ничего не пронюхала. Она, сука, умная и хитрая. Она на тебя уже ставки сделала. Лепит из тебя леди...

Я приблизилась к Гройсману и присела на корточки.

— Я просто человек... да, из Мухосранска. Из нищеты. У меня и родителей нет, чтоб заступились. К нему попала... думала, спасет. Отчим меня старику продал. Не виновата я, что Людмиле вашей поперек стала и вам не нравлюсь. Я даже не знала, кто он такой! Мне тоже все это не нравится... я хочу жить.

Понимаете? А не его подстилкой быть... я — не Эллен и никогда ею не буду. Помогите мне... вы же добрый человек. Я же вижу.

Фыркнул и отвернулся.

— Видит она. Ладно. Все, иди к себе. Документы ждать придется неделю, не меньше. А еще подумаю, как вывезти тебя.

— Спасибо... молиться на вас буду.

За руку его схватила, а он еще больше нахмурился.

— Не за что пока благодарить.

Волосы мои поправил, в лицо долго всматривался.

— Здесь он тебя везде найдет. За границу тебя надо вывозить, да так, чтоб подальше, чтоб не нашел. Я подумаю. Все, иди.

Из комнаты меня сам выпроводил. Выглянул вначале в коридор, а потом меня вытолкнул и дверь закрыл. Я выдохнула и ощутила впервые какой-то подъем сил. Я должна выбраться, должна начать все сначала и забыть про этого монстра.

## Глава 19

Я его не ждала. Даже больше — я не хотела, чтобы он приезжал. Не хотела увидеть и сойти с ума снова, передумать, унизительно захотеть остаться. Гитлер вывозил мои вещи понемногу, так, чтобы их отсутствие не бросилось в глаза. Эллен часто открывала мой шкаф и проверяла его содержимое. Иногда выбрасывала оттуда вещи, которые ей начинали казаться неподходящими. Вначале я долго думала и не хотела брать украшения, подаренные Айсбергом, а потом решила, что это плата. Я тоже с ним не патоку ела с ложки. Я заслужила и честно заработала каждый из его подарков. И имею право оставить их себе и поступить с ними так, как мне захочется.

Отдала Гройсману только сережки, попросила продать, а деньги положить в ячейку в аэропорту. Он готовил мне документы для отъезда в Израиль. По рабочей визе. Сиделкой в дом престарелых. Я была согласна на что угодно. Даже на полойку. Любая работа вызывает уважение... любая, кроме той, на которой я сейчас отработывала... Если повернуть время вспять, я бы никогда не подошла к Айсбергу и не предложила себя купить.

Гройсман вручил мне паспорт, завернутый в разноцветный полиэтиленовый пакет.

— Это все, что я могу для тебя сделать. На ПМЖ не получится. Мне нужно слишком много бумаг. Свидетельства о рождении твои, твоих родителей, бабки с дедом. Такое не делается быстро, да и спецслужбы там не пальцем деланные, вычислят, и вообще сядешь и еще меня за собой потянешь. А я туда в отпуск летаю и на лечении два раза был.

— Мне все равно. Хоть как-то... лишь бы выехать отсюда.

Ответила, выслушав его тираду.

— Кончится виза, свяжешься с Яшей. Там есть его визитка, он работает нотариусом в Тель-Авиве. Продлит тебе разрешение. Вообще по любому вопросу обращайся к нему. Это мой старый друг.

— Хорошо. Спасибо. Обращусь. Вот серьги. Я не знаю, сколько они стоят, но точно не мало.

— Конечно, не мало. Я бы сказал, целое состояние. Тебе на первое время точно хватит. А деньги снимать будешь?

— Нет. Он заметить может. Обойдусь без денег.

— Выезжать будем в четверг. Вечером. Когда французская болонка спать ляжет, я ей снотворного подсыплю, чтоб ее пораньше сморило. К машине проберешься сама. Багажник будет открыт. Ляжешь там и накроешься пустыми мешками. Машины сменятся. Пересядешь в другую часа через два пути. В аэропорт восемь часов езды. Тебя высадят неподалеку. Поймаешь такси и поедешь дальше сама. Самолет рано утром. Если ничего не обломается и пойдет по плану, то уже в пятницу будешь в Израиле. Там тебя встретит мой человек и отвезет в гостиницу. А дальше... а дальше уже бэ эзрат а шем\*1 и сама справишься.

— Спасибо вам! Огромное!

Я его руки своими ладонями сжала, но он выдернул и осмотрелся по сторонам.

— Со мной чтоб как кошка с собакой в эти дни, поняла? Чтоб никто и подумать не мог, что я с тобой в стоворе. В аэропорту волосы перекрасишь, ни с кем не болтай. Выучи свое новое имя и имя работодателя, к которому едешь. Могут допрашивать и даже развернуть обратно. Максимальная скромность.

Кивнула и губы прикусила. Страшно. Сердце сильно колотится, но в нем поселилась надежда, что, может быть... о, боже, может быть, у меня еще все хорошо будет, и заживу честно и работу найду.

Неделя тянулась бесконечно, а из-за напряжения и постоянного ожидания, что кто-то что-то узнает, мне казалось, что дни превратились в десятилетия. Я продолжала для вида заниматься с Эллен и даже взяла дополнительные уроки танцев.

— Ну что, успокоилась?

Эллен поцеловала свою псинку между ушами и задорно посмотрела на меня.

— Успокоилась.

Я доедала свой омлет и старалась не смотреть на часы. Сегодня четверг... сегодня я последний день в этом проклятом доме. Никаких известий от Айсберга не было, и он ни разу не приехал. Наверное, заботится о своей беременной жене. Новости я больше не смотрела и маниакально в компьютер на залазила.

— Вот и умница... умница. Поверь, не самая плохая роль — роль любовницы. Иногда именно они дергают за нужные ниточки и даже руководят целыми государствами. Например, Диана де Пуатье и была настоящей королевой, а вовсе не Екатерина Медичи, которая лишь восседала на троне и носила корону, хотя... головные уборы Дианы были намного роскошнее любой короны. Один бриллиант, отнятый у любовницы брата Генриха Второго, чего стоил.

— У любовницы отца. Герцогиня Д'Этамп была любовницей Франциска Первого.

— Ну я же говорю — умница.

Тронула мое плечо кружевным веером (где она только берет все эти аксессуары) и снова погладила псинку.

— Так вот, почему бы не попробовать стать чем-то большим, чем просто... девка.

Я оставила ее риторический вопрос без ответа. Мои амбиции не простирались так далеко. Я не мечтала о троне, о каких-то политических интригах. Я хотела счастья. Я хотела любви. Я вдруг поняла, что это значит — любить, и хотела, чтобы и меня любили. Хотела детей, у которых будут любящие родители и... не хотела, чтобы меня называли дыркой.

Да... больше я этого не хотела. И когда на горизонте замаячила свобода, все мои мысли устремились туда... к ней.

— Вы последние дни невероятно рассеянны. А я вам говорю, что завтра у нас будет гость, которого вы так ждали. Пьер навестит нас вечером. Проездом. У него важная встреча в загородной резиденции, но он заедет с вами увидеться.

На какие-то считанные мгновения все внутри взметнулось вихрем, до боли захотелось его увидеть, втянуть его запах, дотронуться... Но для этого нужно было сегодня остаться... и забыть о свободе. Но я сделала свой выбор.

— Я безумно рада.

— Вы могли бы сыграть для него сонет. Пьер оценил бы ваши новые умения. Кстати, он заказал для вас рояль. Его привезут на следующей неделе из Италии. Белоснежный, антикварный инструмент.

Она все и всегда знает. Что привезут, когда придет Петр, что происходит у него дома. Все знает.

— Зачем вам все это? — спросила и затаила дыхание. — Вам это добавляет значимости в ваших же глазах? Или вы таким образом чувствуете себя подобием Дианы де Пуатье?

— Ну что вы, милочка, куда мне. Я даже любовницей для него не была. Наш король никогда меня не любил, как женщину.

— А он умеет любить?

— Мужчины вообще очень своеобразно умеют любить. Так, что нам, женщинам, об этом трудно догадаться.

Остаток вечера я провела за игрой на фортепиано. Эллен в очередной раз читала мне свои наставления, а я думала о том, что сегодня все это закончится.

После ужина она прилегла на диван в гостиной и там и уснула со своей псиной в ногах. Я проверила, насколько крепко она спит, и несколько раз уронила на пол то табурет, то железную вазу. Псинка подскакивала, злобно на меня таякала, а ее хозяйка даже не вздрогнула. Гройсман сдержал слово, и мадам крепко спит, накачанная снотворным.

Как и инструктировал меня Гройсман, надевать удобное, никакой косметики, скромная прическа. В идеале бы покрасить волосы, но нечем и нет времени. Обход территории в десять, и потом будет окошко в десять минут, пока охрана даст круг и не вернется обратно к парадному входу. Машина будет стоять с черного хода. Она обычно вывозит порченные продукты. Как я поняла, для личного повара Айсберга порченный продукт это тот, что более суток простоял в холодильнике, а то и несколько часов.

Наверное, то, что я сделала, было по-детски, наверное, стоило просто уехать и ничего ему не писать, но я не удержалась, вырвала лист из тетради и написала...

«Да, ты прав, я себя продала, а ты купил. Но я больше не буду твоей вещью. Я выбираю свободу. И... знаешь, я даже не буду скучать по тебе. Ведь ты был для меня всего лишь кошельком, как я для тебя — дыркой... Прощай, Айсберг»

Несколько раз перечитала, и стало легче. Как будто смогла выпалить это ему в лицо и увидеть, как леденеет его взгляд и сжимаются челюсти. Мне безумно хотелось причинить ему хотя бы немного боли. Крупиночку из того, что почувствовала я, когда узнала о том... что она ждет от него ребенка.

Я пробралась к машине и спряталась в багажнике, накрывшись толстыми пустыми мешками, от которых пахло картошкой и луком. Наверное, вчера завозили овощи или наоборот — вывозили. Пока я одевалась, в комнате на какие-то доли секунд мною овладели сомнения. Какой-то страх... что я никогда больше его не увижу, что поступаю подло и мерзко.

Но потом я вспомнила силуэт Людмилы, ее тонкую ручку на его локте, ее тоненькие светлые прядки волос, и меня передернуло. Нет, мерзко — это остаться и всегда быть его дыркой и шлюхой, всегда быть его подстилкой. Я зажмурилась и сцепила пальцы. Машина вскоре тронулась с места, и чем дальше она отъезжала, тем сильнее билось мое сердце.

Я все же это сделала. Я покинула дом, сбежала от Айсберга и больше никогда с ним не буду. Я справлюсь. Поскучаю, поплачу и справлюсь. У меня еще будет все хорошо. Обязательно.

Когда наконец-то пришло время сменить машину, мое тело затекло от неудобной позы, а руки и ноги сильно замерзли, даже окоченели.

— Выходи.

Привстала и встретила взглядом с тем самым таксистом. Он подал мне руку, помогая выбраться.

— И как? Много заплатили, чтоб отвез меня и отдал на растерзание.

— Ничего личного.

Буркнул тот и, захлопнув багажник, сел за руль.

— Когда-нибудь это «ничего личного» вернется к тебе.

Крикнула ему вдогонку и посмотрела на второй автомобиль, который ждал меня на обочине. Поправив рюкзак на плече, пошла к машине, залезла на заднее сиденье и с облегчением выдохнула. Здесь было довольно тепло. Водитель даже не поздоровался. Мы тронулись с места, и я уютней устроилась на сиденье, стаскивая сапоги и растирая свои ледяные пальцы. Как мама в детстве, когда в мороз приходишь с улицы. До болезненного покалывания и благодатного тепла, разливающегося по венам.

В рюкзаке документы на другое имя, краска для волос, купленная мне Гройсманом, влажные салфетки, расческа, зубная паста со щеткой и пара трусиков. Все остальные вещи ждут меня в ячейке в аэропорту.

## Глава 20

Я прошла таможню! Прошла! Меня никто не остановил, никто ничего не спросил. Вместе с толпой я сдала багаж. Предварительно забрала в ячейке деньги, вещи и новые документы с приглашением от работодателя. Оно было красиво оформлено на двух языках, с печатью и подписями и так же круглым штампом консула. Мои новенькие документы пахли краской и приятно шелестели в руках. На фото я... и не я. В темном парике с синими линзами. Меня зовут Маргарита, и мне двадцать два года. Не знаю, зачем Гройсман добавил мне возраст, но это не имело значения. Впереди меня ждала самая настоящая свобода.

— Тебя встретит Гарри. Он мой закадычный друг. Поедешь с ним. Он устроит тебя на работу.

— А приглашение?

— Ну это для отвода глаз. Чтоб пропустили. Он отвезет тебя в агентство, там определишься с профессией.

— Вы сказали, я буду работать в доме престарелых.

— Та вакансия уже занята, и он найдет тебе что-то другое.

— Ладно. Пусть другое.

Это был подъем с колен, невероятное головокружительное ощущение полнейшего счастья. Я впервые что-то сделала сама. И впервые оказалась на свободе. И мне нравилось это ощущение, оно перекрывало тоску, страх и все сомнения. Я вспомнила, как валялась на диване Эллен, как таяла мне вслед ее собака, как машина отъехала от особняка. И эйфория вновь овладела мной.

Я сбежала от него!

И, словно ребенок, которого впустили в лавку с игрушками и дали много денег, сказали — покупай все, что хочешь. Бродила среди шикарных магазинов Ти Ди Фри и не знала, что купить. Мне хотелось всего. Вкусных конфет, булочек, сувениров и мягких игрушек... При мысли об игрушках вспомнился медведь, и ужасно стало жаль, что его пришлось оставить. Ничего, я начну работать и куплю себе миллион таких медведей. Они будут только моими, честно заработанными трудом. И никто больше не назовет меня дыркой.

Наверное, это был всплеск протеста, но я купила себе разноцветные свитера оверсайз, дранные джинсы, кроссовки на высокой подошве и с диким удовольствием выбросила в мусорку элегантные шмотки, которые напоминали мне о прошлой жизни. О жизни, где я не была сама собой. Где из меня лепили игрушку. Внутри меня жил совсем другой человек. Далекий от французского и игры на фортепиано. Этот человек хотел познать мир, этот человек был полон наивного восторга. И как чудовищно мало оставалось этому человеку жить, я даже не представляла. Ведь он только родился...

В одном из магазинов я увидела на экране телевизора выпуск новостей... и конечно же, его. Во весь экран. Крупным планом. Это волевое лицо с невероятными глазами, седоватую бороду, крупный нос и чувственные, полные губы. Вспомнились дикие минуты в подсобке в театре, его шепот, мои глупые признания, вера в чудо и в чувства. Которые у ледяной глыбы давно атрофировались.

А потом лицо его жены, ее свободное платье и... мысли о ее будущем ребенке заставили меня скривиться. Стало невыносимо больно, и я долгим взглядом смотрела на телевизор. Прощаясь. Глупая и наивная маленькая дурочка.

И пока что жизнь меня еще не научила другому. Пусть и была довольно сильно и наотмашь. Но мне все еще хотелось верить в лучшее. В хороших людей, в счастье, в любовь. В новую жизнь. В девятнадцать во многое хочется верить.

Самолет оказался самым обычным, рядом соседи, везде слышны голоса людей. Боже, вокруг меня люди. Я не в каком-то навороченном люксе, я не одна на весь салон. Меня не окружает белизна, стерильность и эта роскошь, от которой становится страшно. Я просто среди людей. Они разные и по-разному пахнут. Болтают и смеются. И мне нравится быть частью этого. Нравится чувствовать толпу. В ней не страшно и не одиноко. И самое главное – я совершенно свободна и вольна принимать решения сама.

В аэропорту я купила себе наушники и дешевенький смартфон. У меня впервые появился свой личный гаджет. И никто не мог его у меня отобрать. Теперь это моя вещь. Оказывается, это безумно приятно – иметь что-то свое. При взлете у меня сильно заложило уши, и я закрыла их руками, глядя на карманчик на сиденье впереди меня и стараясь не думать о том, что сейчас мы оторвались от земли и летим высоко в небе. И вдруг от ужаса я замерла. И стало не важно, насколько сильно у меня заложило уши и как высоко мы взлетели. Я увидела в кармашке мятную конфету в зеленой обертке. Точно такую же Айсберг дал мне когда-то. Во рту появился привкус мяты, а грудь обдало жаром, я вспомнила, как он трогал меня... как расстегивал платье, как жадно смотрел. Я больше никогда не увижу его синие сумасшедшие глаза...

Стоп! Я больше не хочу о нем думать! Приподнялась, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Несмотря на тоску по нему, я не хотела обратно, даже больше – я боялась представить, в какую ярость он придет и что сделает со мной, если поймает. Я все еще помнила бьющееся о бортник бассейна тело Глеба. Оно снилось мне в кошмарах. Иногда я видела, как о бортник бьюсь я сама... Конфету так и не взяла. Через какое-то время успокоила себя тем, что в самолете до меня на этом месте мог сидеть кто-то с такими же конфетами. Они ведь не какие-то особенные, сделанные только для него. Через время мне удалось успокоиться и поудобнее устроиться на сиденье.

Всю дорогу, пока мы летели, я играла в игры на телефоне. Какие-то примитивные, но помогающие расслабиться. Мне нравилось вот это беззаботное ничегонеделание. Оказывается, я ужасно устала от напряжения, устала от уроков, игры на пианино, танцев. Все это было не моим. Я бы с удовольствием рисовала или читала книгу на диване, как мадам.

После посадки меня, на удивление, так же никто не остановил. Все ужасы, описанные Гройсманом, обошли меня стороной. Хотя я видела, как останавливают других, потрошат сумки, уводят для допроса. У меня же проверили документы, сумку, задали вопросы общего характера. Потом у меня взяли приглашение и куда-то унесли. Наверное, проверяли и звонили там по номеру телефона. Обратно пришли очень быстро. Вручили мне бумагу, отдали документы, и я вышла в полукруглую залу аэропорта. Видимо, приглашение их вполне устроило, и мой работодатель подтвердил мой приезд. Ну вот, не так страшен черт, как его малюют.

Стало страшно. Впервые за границей, впервые вот так, совершенно одна. Гройсман обещал, что меня встретят. Мужчина с табличкой с моим новым именем должен стоять среди толпы.

Я высматривала встречающих, пока не заметила лысоватого мужчину с плакатом, на котором красным фломастером написано «Маргарита Синицына». Мужчине на вид лет пятьдесят, он русо-рыжий, низкого роста. Одет не совсем опрятно... Потом я пойму, что здесь так многие одеваются. Не потому, что нет



денег, а потому что так принято. Никто не выставляет напоказ свои возможности.

Больше всего поразила теплая погода. В сравнении с морозами, из которых я прилетела. Даже не верилось, что четыре часа назад под подошвами моих сапог хрустел снег.

— Рита! Я Гаррик. Меня за вами прислал Грос.

Он слегка картавил и шел, как на носочках, явно стараясь казаться выше.

— Да-да, здравствуйте.

— Как долетели?

Мужчина заботливо взял мою сумку и перекинул через плечо. Симпатичный, светловолосый, с веснушчатым загорелым лицом он внушал доверие.

— Хорошо долетела. Просто прекрасно.

Я не могла удержаться и оглядывалась по сторонам. Мне все было интересно. Люди говорили на неизвестном мне языке, что-то кричали, громко смеялись дети. Какая-то группа людей расположилась прямо на асфальте и устроила трапезу. Другие мило болтали, сидя на бордюрах. Мимо прошли мужчины в меховых шапках со странными локонами у висков, одетые в длинные черные пальто. Я проводила их удивленным взглядом.

— Давайте я спрячу ваши документы, чтоб не потерялись.

— Я положу в чемодан.

— Они могут понадобиться, если остановит полиция. Пусть лежат в машине на торпедо. У нас тут на каждом углу может стоять блок-пост. Терроризм, знаете ли. Мои тоже всегда там.

— А кто эти... в шапках?

— Ааа, эти? Датишные. Ну мы так называем религиозных. Хабадники.

— Да... я слышала. Это я про терроризм. И как?

— Ничего, справляемся. Научились за долгие годы.

Только сейчас я заметила, что сжимаю в руках билеты и паспорт. Протянула их ему и продолжила смотреть на пальмы, чистенькие дороги со свежей разметкой. В воздухе пахло солью и пылью. Удивительное сочетание, но даже оно мне нравилось. Для меня это теперь ассоциировалось с запахом свободы.

— А море далеко?

— Мы проедем мимо него. Идем к машине. Я на ты? Хорошо? У нас тут не принято выкать.

Кивнула и последовала за Гарриком к его старой машине «Рубаро».

— Давай быстрее. Через десять минут я заплачу за парковку на двадцать шакалов больше.

— Шакалов?

— Шекелей. Местная валюта. Ты деньги разменяла в аэропорту или доллары везешь?

— Доллары. Не успела разменять. А куда мы едем?

— В Тель-Авив, прямиком в агентство, оттуда сразу на работу.

— Сразу? — с удивлением спросила я.

— Ну да. У нас здесь не как у вас. Работа прежде всего. Приедешь, оформишься, разложишь сумки и завтра же приступишь.

— Аaaa. Хорошо. Я не боюсь работать.

— Да, мне Грос сказал, что ты девочка работающая.

Гаррик мне подмигнул и тронулся с места. В машине засаленный салон, воняет сигаретами и очень пыльно. Жизнь за границей я представляла себе иначе. Мне казалось, что здесь все должны разъезжать на шикарных иномарках в чистой и дорогой одежде. Гаррик целиком и полностью опровергал мои предположения. В его машине не было даже кондиционера.

— На днях помою. Но такие машины привлекают меньше внимания. Не броская, не развалюха. Так, средненько. Полиции сразу становится неинтересно. Куришь?

Отрицательно качнула головой. А он закурил, включил приемник и погнал по трассе.

— По дороге заедем на заправку надо лошадку покормить. Она у меня старенькая и кушает часто.

И похлопал толстой ладонью по торпеде.

— А ты как с Гросей познакомилась? Где он нашел тебя такую красивую?

— Случайно.

Ответила я, не зная, что именно ему рассказали, и боясь соврать. Все-таки от этого человека зависела сейчас моя судьба. Оoo, я даже не представляла, насколько она от него зависела.

— Ну да. Конечно, случайно. Грося у нас богатенький Буратинка. Хорошо пристроился.

У него зазвонил сотовый, и он включил громкую связь.

— Ну что? Где ты? Мы уже ждалились?

— Тэдабэр бэ иврит. Хи ити \*2

Дальше они говорили на неизвестном мне языке, Гаррик смеялся и поглядывал на меня. Создавалось впечатление, что он говорит обо мне. Но на каком-то этапе я перестала обращать внимание. Какая разница. Пусть говорит, что хочет. Уже скоро я устроюсь на работу, мне дадут жилье, и я забуду и о нем тоже.

Перемена места действовала на меня опьяняюще, как и природа, отличная от привычной, зеленые листья, тепло. Мне было даже жарко в свитере, и я стянула его через голову, положила на колени. Гаррик мазнул по мне маслянистым взглядом и удовлетворенно хмыкнул. Достал из пачки очередную сигарету, закурил. Но после нескольких затяжек выбросил и повернул в сторону заправки.

Точнее, места, которое когда-то ею было. Это я потом заметила, что там нет ни одной машины и что стойки не работают.

Точнее, есть машины, но не возле заправочных колонок. У обочины стоят два джипа. Гаррик припарковался рядом с ними.

— Ты говорил, что надо заправиться? Но здесь явно нет бензина!

Спросила я, и внутри ковырнул червячок сомнения.

— Та нет. Я потом заправлюсь. Твои работодатели выехали к тебе навстречу. Деловые люди ценят наше с тобой время. Так захотели взять тебя на работу, что решили забрать прямо отсюда. Посиди в машине, а я пока с ними переговорю.

В груди зародилась неясная тревога. Я посмотрела на дорогу, на кустарники у обочины, на пустую заправку и на те две машины. Из них вышли какие-то люди. Они крепко обнялись с Гарриком, похлопали его по спине. Я обернулась и посмотрела на торпеду, где лежали мои документы, но их там не оказалось. Судорожно сглотнула.

Гаррик улыбался, разводил руками, кивал в мою сторону. Мужчины тоже смеялись. Они не были похожи на русских. Черноволосые, бородатые и очень смуглые. Потом я увидела, как... как он отдал им мой паспорт и снова кивнул на машину.

Тревога стала отчетливей, сильнее. Я хотела открыть дверцу, но оказалась запертой изнутри.

Снова посмотрела на Гаррика и с ужасом увидела, как ему отсчитывают деньги. Он воровато оглядывается. Слѣнявит пальцы и пересчитывает. Мне все это не нравилось, но я успокаивала себя, что ему заплатили за то, что он меня встретил. А эти люди отвезут меня в агентство. Возможно, наймом у них занимаются мужчины. Это чужая страна, и порядков я не знаю. Все же Гаррик — это друг Гройсмана. А значит, все хорошо. Ведь мы договаривались, и мне так помогли.

Он пересчитал деньги и отдал ключи от машины одному из высоких головорезов с лысой головой. Трое мужчин пошли в мою сторону, а я увидела, как Гаррик отвернулся к кустам... и поняла, что он решил помочиться.

Тревога нарастала. Я ерзала на сиденье, сжимая холодные пальцы, и понимала, что мне некуда деться. Внутри уже все сжимается от страха и предчувствия беды.

Здоровяк открыл дверь и улыбнулся мне белоснежным оскалом.

— Наташа, выходы. Мы ехать на работу.

— Я не Наташа. Я — Рита.

Он продолжал улыбаться и явно не понимал, что я говорю. Это насторожило еще больше, я была близка к панике. Бросила взгляд на Гаррика, но он отошел в сторону и курил, не глядя на машину.

— Я... я подожду Гаррика. Я хочу что-то спросить, и он вам переведет, хорошо? Может, я устроюсь в другое место. Я не уверена, что хочу работать именно у вас.

— Идем! — мужчина протянул руку и дернул меня за плечо.

— Я подожду Гаррика! Уйдите! Не трогайте меня!

Но в этот момент меня схватили за шиворот и выволокли с машины насильно. Тогда я закричала. Пронзительно, громко. Но Гаррик не обернулся. Он демонстративно пускал вверх дым и не смотрел на нас, выжидая, пока все закончится.

— Гаррик... пожалуйста... не надо! Я... у меня деньги! Гройсман разве не сказал, я...! Не надоооо!

— Тиштеки! Я бат зона!\*3

Меня ударили по лицу и поволокли к джипу за волосы. Я билась изо всех сил и сильно кричала, пиналась ногами и кусалась, царапала их смуглые лица, пока меня не скрутили и не зашвырнули на заднее сиденье. Джип сорвался с места, а я, рыдая, попыталась подняться, но мне не дали, вдавили лицом в кожаную обшивку дверцы.

— Ты орать — я бить! Понял?

Дернул за волосы и прошипел над ухом:

— Понял?

Я кивнула и, зажмурившись, тихо запищала от ужаса, широко раскрыв рот, пытаясь отдышаться от охватившей меня паники и от понимания... что только что меня продали этим людям. У них мои вещи и мои документы. И я не знаю, куда они меня везут.

---

- \* 1 С Божьей помощью (иврит, прим. автора)
- \* 2 – Говори на иврите. Она со мной (иврит, прим. автора)
- \* 3 – Заткнись, сучья дочь (иврит, прим. автора)

## Глава 21

Меня привезли в какое-то здание. Я не видела ни улицы, ни самого дома. Мне завязали глаза. Брыкаться и кричать я перестала. Меня сковало ужасом. Я находилась в состоянии шока.

Поблизости раздавались голоса, женский смех, скрип кроватей и музыка. Теперь я точно знаю, какие звуки слышны в аду.

Но меня завели в тихое место, затолкали внутрь какой-то комнаты и оставили стоять там с завязанными глазами. Снять с глаз платок я не решалась. У меня все еще саднила щека после пощечины, я боялась, что меня ударят снова. Через время дверь открылась, кто-то вошел.

С меня сдернули повязку, и я увидела невысокого мужчину с черными волосами, через которые пробивалась седина. В элегантном костюме, пахнет табаком и дорогим парфюмом. В зубах зажата недокуренная сигара. С ним рядом была женщина. Ярko покрашенная блондинка в каком-то немыслимом броском наряде, напоминающем кимоно. Она явно немолода и явно у него на побегушках. Он заговорил на своем языке, приблизившись ко мне, а женщина переводила на русский, и при этом ее алые губы вытягивались вперед, она была похожа на утку:

– Открой рот и вытащи язык. Покажи зубы.

Я стиснула челюсти и отрицательно качнула головой.

– Слушайся! Не перечь ему. Это Жак Ассулин. От него зависит, куда тебя продадут. Разозлишь его и будешь сосать на тахане мерказит\*1 за пятьдесят шакалов, и сдохнешь там через пару месяцев. Поэтому будь паинькой и слушайся. Жак может разрушить твою жизнь или превратить в рай.

– Пусть он меня отпустит... у меня есть друзья, я могу ему заплатить. В моей сумке... там визитка. Это наш друг. Он нотариус. В Тель-Авиве. Он за меня заступится. Это же ошибка. Как вы не понимаете?

– Открой рот и вытащи язык по-хорошему! – прошипела блондинка. – Не зли его! Нам насрать, что у тебя за знакомые. Ты теперь здесь, и за тебя заплатили!

— Отпустите меня..., — взмолилась я, и мужик вдруг схватил меня за волосы, нагнул и потащил по коридору. Я плакала, не вырывалась, но тихо скулила от ужаса. Весь мой пыл исчез еще в джипе, когда я поняла, что эти люди могут забить меня насмерть. Еще никогда в жизни мне не было настолько страшно. Да... от одной мысли об Айсберге все сжалось внутри и... и я вдруг неистово захотела, чтобы он меня нашел. Но это невозможно. Меня теперь никто не найдет. Я неизвестно где, в неизвестно какой стране.

Он распахнул ногой дверь и, удерживая меня за затылок, заставил посмотреть внутрь комнаты. Там, на полу, одну из девушек имели сразу пятеро здоровых смуглых парней. Крутили ее в руках, как марионетку. Она казалась мне пьяной... и даже как-то вымученно улыбалась, с какой-то обреченной радостью хватаясь за вздыбленные члены мужчин. Но то, что с ней вытворяли эти люди, заставило меня задохнуться от рвотного позыва. Да... все выглядело добровольно, но я сомневаюсь, что у нее был выбор. А если и был... то, что должно было заставить девушку позволить с собой делать такие вещи? Деньги? Вряд ли ей много платили...

— Хочешь так? Скажи «да», и тебя продадут за копейки арабам! Будешь отрабатывать еду, ночлег и героин всеми дырками на твоём теле! Даже ушами!

— Нннет! — всхлипнула я, и он потащил меня обратно в комнату. — Не надо! Пожалуйста!

— Открой рот! Вытащи язык! Скажи «ааааа»!

Послушно открыла, высунула язык, показала зубы. Покорно позволила себя раздеть и осмотреть. Он словно взвесил мои груди на ладони, сдвинул соски, вытягивая вперед, пошлепал меня по заднице.

— Эйзе тахат! Тапуах! Ба ли алав! \*2

Причмокивая от удовольствия, пошло и очень мерзко. Положил руку мне на лобок, и я содрогнулась от гадливости.

— Ты девственница?

— Нет.

— Плохо.

От слова «плохо» стало страшно, и перед глазами снова возникло пьяное лицо проститутки, обслуживающей толпу.

— Ты красивая. У тебя невероятно милое лицо, как у куклы. И сиськи с задницей. Большие, круглые сиськи и попочка, как яблочко, как сказал Жак. Мужики на все это падки. И это единственное, что тебя спасает. Он не оставит тебя здесь. Сейчас примешь душ, переоденешься и поедешь с хозяином. Но вначале тебя сфотографируют. Пошли.

Снова куда-то повели. Я молчала. Старалась не сказать лишнего слова. Мне нужно было понять, что происходит, где я и как я смогу отсюда выбраться. А

еще меня колотило, как в лихорадке, от шока. Но нужно взять себя в руки, иначе я просто сойду с ума.

Я все еще не могла понять, как, спустя какие-то пять-шесть часов, вместо обещанной свободы я оказалась в Израильском борделе. Как? В каком месте и что пошло по-другому? Может, это был не друг Гройсмана? Как я попала в этот кошмар?

Меня завели в одну из комнат, оформленную, как альков, с какими-то портьерами из тонкого прозрачного материала, кроватью с пологом.

— Разденься и ляг на кровать. Позируй. Старайся.

Толкнул меня вперед.

— Давай. Товар нужно сфоткать. Будь послушной. Тебя покажут очень богатым и влиятельным людям. Если приглянешься, то забудешь про все ужасы и будешь наложницей какого-то богача или шейха, а то и князя. Ассулин своих девочек поставляет абсолютно всем сильным мира сего.

Мне захотелось истерически засмеяться, и я рассмеялась. Сквозь слезы. Они не представляют, что я уже была содержанкой сильного мира сего... что я сбежала от него... о боже, чтобы попасть в лапы сутенера и быть проданной снова. Если бы Петр узнал, он бы искал меня? Скорее всего, нет. Зачем? Он найдет себе другую дырку.

— Заткнись. Он говорит, что у него нет времени. Ложись и позируй. Старайся. Не зли Жака.

Фотограф щелкал фотоаппаратом, а блондинка укладывала меня в отвратительные пошлые позы, как в порно, поправляла волосы, щипала за соски, чтоб они были красными. Ассулин удовлетворенно кряхтел и смотрел на меня горящим взглядом, от которого мне становилось страшно. Когда съемки закончились, он махнул рукой и что-то сказал блондинке.

— Обслужишь хозяина. Если ему понравится, он найдет тебе самого лучшего покупателя. Смирись. Все проходят через Жака. Точнее, самые лучшие. Если он захотел тебя, значит, ты элита. Если качественно отсосешь, он войдет сзади и быстро кончит. Он у нас любит попки, так что придется потерпеть. Давай, удачи.

Они все ушли, а он принялся раздеваться и идти ко мне. От дикого ужаса я даже закричать не могла. Элита... я же не переживу насилия, я... я не могу, если меня кто-то тронет, я умру.

Ассулин подходил все ближе и ближе, он скинул пиджак и расстегивал пуговицы рубашки. Все тело покрыто седой шерстью, свисает брюхо, а под ним торчит стоячий дыбом короткий член. Меня потянуло на рвоту, и я попятилась назад.

— Не надо. Ноу... слышите? Ноуууу! Я не хочу. Я не проститутка! Это ошибка. Я ехала к своему знакомому и... и он куда-то пропал, а я наткнулась по ошибке на вашего человека!

— Тиштеки, я зона! Фтехи эт ха пэ, вэ тимцеци бэ шекет!\*3

Схватил меня за волосы и бросил на колени. Я упиралась в его бедра, я извивалась что есть мочи, пытаюсь его оттолкнуть. В эту секунду открылась дверь, и Ассулин, удерживающий меня за волосы, обернулся.

— Лех ми по! Аааа зэ ата, Нир?

— Еш хазмана, Жак! Роцим ота! Акшав! Од шеш шаот яхта йоцет ле ям! Маэр!

— Кама дакот!

— Эйн кама дакот! Нотним ям шел кесеф ал ха зона ха зот!

— Ми?

— Ле йодеа! Мишегу дерех Моше! Раа эт ха тмуна бэ атар ка рэга! Моше кофец ми ров гитрагут! Рак испакти лаалот ота!

— Ле азалзель! Араста ли эт ха зиюн!

— Тизаен мишеги ахерет! Ма хасер леха зонот?

— Им тусик ка зэ хасер!

— Тидамьен ото им Райя!

— Маньяк! Нимас ли мимена!

— Ма ани царих лехапес бишвильха тахат ле зиюн?

— Вен зона! Яла! Как ота ми кан! \*4

Я слушала их молча, чувствуя, как текут слезы по щекам, и зажмурив глаза. Рука Ассулина разжалась, и он, застегивая на ходу штаны, вышел из комнаты, а я от облегчения разрыдалась. Но уже через секунду вбежала блондинка и схватила меня под руку.

— Быстро. Надо в душ и в аэропорт. Вылетаешь в Эйлат.

— Куда?

— В Эйлат! Тебя хотят купить! Везучая маленькая сучка!

— Купить?

Я не успевала понять, что именно происходит. Слишком стремительно, слишком неожиданно.

— Да. Кто-то там увидел твои фотки. Давай. Пошла мыться и одеваться. Времени нет.

Меня одели в какие-то белые тряпки, скорее похожие на нижнее белье или на одежду танцовщицы из стриптиз-бара. Чулки, трусики стринги, туфли на



высоком каблуке. Все просвечивается и украшено кружевом и перьями. В таком виде затолкали в машину. Я оказалась не одна, со мной еще три девушки. Одеты точно так же. Особого ужаса на их лицах не вижу. Как будто они знают, куда едут и зачем. Одна из них, рыжеволосая со вздернутым носом, посмотрела на меня.

— Что зареванная? Ты из этих, которые типа на работу?

— Нет...

— Обычно вас дур таких как раз из агентств привозят. Где только берут столько идиотов? Ума не приложу.

— Меня... я к друзьям приехала. Меня должны были встретить. Я с приглашением, все официально.

— Ну значит такие друзья. К Ассулину просто так не попадают. Это заранее договориться надо. Ладно, расслабься. Если с нами едешь, значит, уже ни бедуинам, ни какой-то швали не продадут. Хуже всего, если им. Они там баб одну на всех имеют. В худшем случае в элитный бордель. Но и то вряд ли. Попадешь к какому-то богатому буратинке и будешь его извращенные желания выполнять. Обычно и кормят, и одевают, и потом могут перепродать кому из своих. Иногда даже отпускают с большими бабками домой, а бывает и женятся. Ну это если яйца вылизывать как-то по-особому умеешь или дырки позолоченные.

— Ассулин... он кто?

— Сутенер. У них семейный бизнес. Братья Ассулин самые известные продавцы живого товара из Европы. Несколько лет назад его старшего брата убил какой-то русский отморозок из-за бабы. Весь бизнес чуть не полетел. Говорят, там спецслужбы наши замешаны были. Резонансное дело. Но бизнесу это не помешало. Ыы. Спецслужбам тоже телки нужны и бабло.

Рыжая девушка отвечала явно со знанием дела. Она понимала, куда едет и к кому, но мне ее спокойствие и трезвые рассуждения никакой роли не играли. Мне было жутко. И я хотела сбежать... хотела, чтобы меня отпустили. Чем больше она говорила, тем страшнее мне становилось.

— Мне нужно сбежать. Они ведь остановятся... или не знаю... как-то ведь можно.

— Пыф, забудь об этом. Никто тебя не отпустит. Если едешь с нами, значит Ассулин уже аванс получил от другого сутенера повыше рангом, иначе так бы не рисковал. За тобой смотреть будут, как за бриллиантом. Ты и понятия не имеешь, какие деньги здесь замешаны.

— А... ты... зачем ты здесь?

— Я красивая. Жизни хочу нормальной. Жрать сытно, одеваться красиво, в бассейне купаться, в море. На тачках крутых кататься. Замуж за шейха хочу.

Я на нее смотрела и почему-то видела себя там в гостинице... Только я наивнее была, глупее и хотела намного меньше. А сейчас я хочу только свободы и... и просто жить.

— Куда мы едем?

— В Эйлат. Они нас продадут в нейтральных водах, и там же нас разберут хозяева. Яхта отвезет на корабль — это подпольное казино. Там же будет аукцион. Пойдем с молотка. Извращенцы будут из кают смотреть на нас и называть свою цену, пока не дадут больше всех.

Меня передернуло от ужаса и снова начало сильно трясти. Я даже представить не могла подобного кошмара. Казалось, я сейчас просто не выдержу и начну биться в истерике.

— Мне надо... уйти. Я не такая. Я не могу... я хочу... хочу домой! Мне не надо шейха... я просто работать хотела!

Посмотрела на нее в отчаянии, но сочувствия в ее глазах не увидела.

— Ага, я не такая, я жду трамвая. С «не такими» вот такое не происходит. Забуди про дом. Все. Раньше надо было думать. Теперь разве что, если кто сердобольный попадется или влюбится. А так... все. Привыкай пилоткой работать и ртом с задницей.

Отрезала и отвернулась от меня. Казалось, я ее раздражаю. Но меня все еще трясло от шока и казалось, что мне ужасно холодно. Так, что зуб на зуб не попадал.

Мы ехали несколько часов. Машина прыгала по ухабам, мы останавливались на заправке. Все девушки молчали. Рыжая тоже притихла. До меня доносились голоса, смех, запах сигарет. Кто-то даже говорил по-русски.

— Там наши... может, если попросить?

Рыжая расхохоталась.

— Наши? Какие наши? Ты фильмов насмотрелась? Здесь наши самые враги лютые! Они папу с мамой продадут. Наши... Сиди молча. А то еще и по кругу пустят. Потом помятая будешь, и не купит никто.

Я судорожно глотнула ртом воздух и притихла. В машине уже было жарковато и очень душно. Когда оказались на берегу и вышли из машины. Один из охранников что-то говорил полицейскому. Он улыбался, размахивал руками. А что, если прямо сейчас закричать? Начать плакать и вырываться. Меня же отпустят... или схватит полиция. Я расскажу, что меня обманули и пытались продать. Они же мне помогут. Это же полицейские.

— Даже не думай. Все оплачено. Это только в кино полиция за границей не продажная. На самом деле те еще твари. Тебя потом за это наркотой накачают и повезут все равно. Уплачено, понимаешь? Все. Нет пути назад. Сделаешь только себе хуже.

Рыжая толкнула меня в бок и выразительно посмотрела мне в глаза.

— А если менты не купленные, то ты, может, и выберешься, но тебя найдут и на куски порежут, поняла? Это мафия.

Поняла. Может, я и дура, но это поняла. Молча пошла за охранниками по трапу на яхту. Другие девочки слали воздушные поцелуи полицейским и зазывно крутили задом.

— Что они им сказали?

— Что у хозяина яхты мальчишник. Что ж ты проблемная такая? Все тебе знать надо. Меньше знаешь, лучше спишь. Не слышала?

Яхта была очень красивая. Огромная, белоснежная. Нас погрузили и повезли вглубь моря. Вдалеке виднелись огни на большом судне. Оттуда кто-то запускал фейерверки, доносилась громкая музыка.

— Техаку!

Крикнул полицейский, и мы остановились. Охранники посмотрели на нас исподлобья говорящим взглядом «попробуйте только рты открыть».

— Ми зот?

Мужчина в форме ткнул в меня пальцем.

— Ракданит, — ответил охранник и засмеялся. Потом пнул меня между лопаток.

— Танцуй, сучка. Давай. Крути жопой. Если он что-то заподозрит, тебя найдут и заставят сожрать твою печень.

Полицейский что-то сказал по рации, потом посмотрел в сотовый и снова на меня.

— Хи дома ле бахура... мехапсим ота. Ми эйфо хи?

— Улыбайся стерва! Скажи им, откуда ты!

— Я... из... из. Я танцевать умею. Танцую с детства. Вальс, танго.

Покрутила попой, руками и призывно улыбнулась. Полицейский сунул сотовый в карман.

— Тов. Теркеди. Аваль бли самим! — потом повернулся к своим, — Зот ле хи. Дома. Кен. Аваль стам зона!\*5

Яхта отплыла, и я чуть не разрыдалась, понимая, что была в шаге от спасения.

Через несколько минут мы оказались на корабле. Нас увели в одну общую каюту. Всем руководила молодая и красивая женщина. Она говорила на русском языке с легким акцентом. Представилась Лаурой.

— Вас вызовут по одной. Выйдите на сцену. Покрутитесь у шеста. Снимите одежду под музыку. Показываем грудь, попу. Другие места не надо. Пососите пальчик, похлопайте ресницами, поиграйтесь сисями. Чтоб было эротично и сексуально. Кому-то нужно для настроения? — помахала пакетиком, и к ней

потянулись руки. Она, улыбаясь, раздавала наркотики и гладила девочек по голове.

— Мои кошечки. Давайте, подзарядитесь. Дяди распалятся, и их надо будет сразу же ублажить. А у меня самые улыбчивые малышки.

Рыжая тоже взяла пакет. Насыпала порошка на тыльную сторону ладони и, закрыв одну ноздрю пальцем, втянула белый порошок.

— Кааайф, — закатила глаза, запрокинув голову, — давно такого чистого не нюхала. На. Нюхни и расслабься. Это кокс. Отпустит сразу.

— Не надо. Наркота не мое!

Оттолкнула ее руку и села на кожаную скамейку.

— Ну смотри, твое дело. Будешь там скованно вертеться, не купит никто. Они любят поразвратней. Чтоб обслужила по полной. Ты ж не целка.

Я отвернулась от нее и облокотилась лбом о прохладную обшивку.

— Ты! Кислую рожу оставь дома. Улыбайся мне, поняла?

Женщина, которая раздавала наркотики, как конфеты, взяла меня за подбородок. Как она сказала ее зовут? Лаура?

— Не испорти мне аукцион. Не то я испорчу всю твою никчемную гадскую жизнь! Выйдешь под номером пять. На. Прицепи на бретельку пендюра.

Я автоматически взяла номер и приколола булавкой к кружеву.

— Вот так. И улыбайся!

Девушки уходили по одной и больше не возвращались. С каждой минутой моя паника становилась все сильнее. Я как будто начала осознавать, что происходит, и от этого у меня жутко захватывало дух и замирало сердце.

— Номер пять!

— Иди!

Рыжая подтолкнула меня.

— Иди, тебя вызывают. Давай! И не бойся. Если реально понравишься крутому чуваку, все зашибись у тебя будет. Поняла? Потанцуй, поулыбайся. Ты очень красивая. Слышишь? Очень! Может, и наладится все и... жизнь новая будет! Содержанкой самого президента станешь!

Я истерически рассмеялась. Хохотала, глотая слезы. Содержанкой президента...

— Надо смочь. Кроме тебя здесь о тебе больше никто не позаботится! Иди!

Меня провели по узкому коридору, застеленному ковровой дорожкой, в темное помещение, похожее на зал. Освещена только сцена с шестом, играет музыка, и голос говорит на трех языках по очереди, в том числе и по-русски.

— Номер пять. Брюнетка. Вес — 49 килограмм, зеленые глаза, белая кожа. Размер груди четвертый. Рост метр шестьдесят пять. Девятнадцать лет...

Он говорит, а меня трясет. Я никогда не представляла, что со мной такое может произойти. Мне приказывают снять пеньюар, и я как сомнамбула подчиняюсь.

— Минимальная ставка...

Я иду к шесту. Кручусь вокруг него. Трюсь об него спиной и плачу. Я не могу остановиться. У меня не получается только улыбаться. Я плачу и, как марионетка, растягиваю губы в идиотской усмешке. Снимаю лифчик.

— Ставка сделана. Время пошло.

Он озвучивает новую цену и снова дает время. Те суммы, которые я слышу, не укладываются у меня в голове. Мне кажется, что так не бывает. И такие деньги... Они безумно огромные, и в то же время человек бесценен. Его же нельзя купить.

Я хожу по сцене, и мне шикает кто-то из-за штор.

— Танцуй! Верти задницей! Что ты стала? Давай! Ставки растут!

— Невиданные суммы! У нас осталось всего два участника, господа! Остальные сошли с дистанции! Пусть наша девушка снимет трусики! — продолжает голос на трех языках. И русский из них второй.

— Давай! Раздевайся! — шипят мне, и я стаскиваю трусики дрожащими руками.

— Обалдеть! У нас самая высокая ставка за время существования аукциона! Предложена для того, чтобы наша русская красавица оставалась в трусиках. Итак! Я считаю до трех! Раз... два... три...! Продана!

Ничего более жуткого я никогда в своей жизни не слышала. Меня продали. Неизвестно кому за огромные деньги! Я больше никогда не стану свободной! И самое жуткое — КТО МЕНЯ КУПИЛ?

---

1) тахане мерказит\*1 — центральной автобусной станции (иврит. Прим. автора)

2) Эйзе тахат! Тапуах! Ба ли алав! \*2 — Какая задница, Яблочко. Как же мне его хочется! (иврит, прим. автора)

3) Тиштеки, я зона! Фтехи эт ха пэ, вэ тимцеци бэ шекет!\*3 — Заткнись, сука! Открой рот и соси молча! (иврит. Прим. автора)

4) – Лех ми по! Аааа зэ ата, Нир? – Иди отсюда! А это ты, Нир?

– Еш хазмана, Жак! Роцим ота! Акшав! Од шеш шаот яхта йоцет ле ям! Маэр! –  
Есть заказ, Жак! Ее хотят! Сейчас! Через шесть часов яхта выходит в море!  
Быстро!

– Кама дакот! – Несколько минут

– Эйн кама дакот! Нотним ям шел кесеф ал ха зона ха зот! – Нет пары минут!  
Нам дают море денег за эту шлюху!

– Ми? – Кто?

– Ле йодеа! Мишегу дерех Моше! Раа эт ха тмуна бэ атар ка рэга! Моше кофец  
ми ров гитрагшут! Рак испакти лаалот ота! – Не знаю! Кто-то через Моше!  
Увидели ее фото на сайте минутоу назад! Моше прыгает от радости! Я только  
поставил фотку!

– Ле азалзель! Араста ли эт ха зижн! – Черт возьми! Испортил мне секс!

– Тизаен мишеги ахерет! Ма хасер леха зонот? – Трахни кого-то другого!  
Тебе не хватает шлюх?

– Им тусик ка зэ хасер! – С такой жопкой не хватает!

– Тидамьен ото им Райя! – Представь себе этот зад с Раей!

– МАНьяк! Нимас ли мимена! – Засранец! Она мне надоела!

– Ма ани царих лехапес бишвильха тахат ле зижн? – Я что должен искать тебе  
задницу для траха?

– Бен зона! Яла! Ках ота ми кан! \*4 – Сукин сын! Давай! Забирай ее отсюда!

(иврит. Прим. автора)

5) – Техаку! – Подождите

– Ми зот? – Кто это?

– Ракданит! – Танцовщица.

– Хи дома ле бахура... мехапсим ота. Ми эйфо хи? – Она похожа на одну  
девушку. Ее ищут. Откуда она?

– Тов! Теркеди. Аваль бли самим! Зот ле хи. Дома. Кен. Аваль стам зона! \*5

– Ладно! Танцуй! Только без наркоты! Это не она! Похожа. Да. Но это просто  
шалава.

(иврит. Прим. автора)

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Харьков

31.01.2021 г